

УРАЛЬСКИЙ

ледовый

6

ИЗДАНИЕ
1955

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

№ 6 · СЕНТЯБРЬ · 1958

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА.
ОРГАН СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ.

В НОМЕРЕ:

ЧИТАТЕЛЯМ «СЛЕДОПЫТА»
Л. Виноградов

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

КЛАВА НАЗАРОВА
А. Мусатов

МЕЧТА КОНСТРУКТОРА
К. Костин

СЕКРЕТЫ РЕКИ
Олег Селянкин

ГЛИНЯНЫЙ КЛАД
Л. Гаряев

«РАССКАЗ О КАМНЕ»
А. Малахов

В ДНИ ВОЙНЫ
Лев Сорокин

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

В ПОМОЩЬ СЛЕДОПЫТУ
В. Матвеев

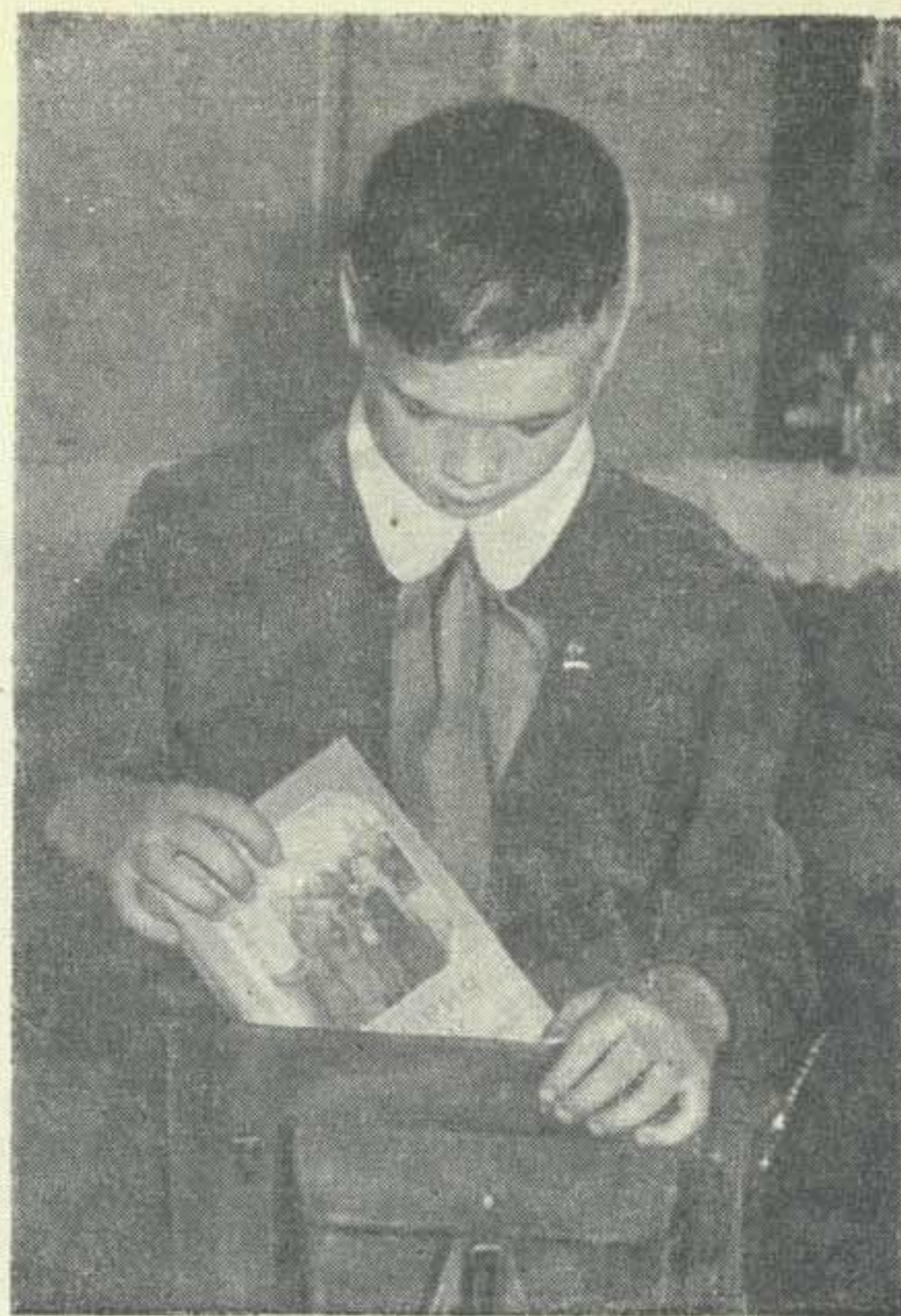
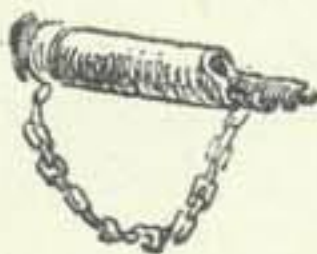
ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ
Ю. Кин

ЗАБЫТОЕ ИМЯ
Б. Дижур

На третьей странице обложки фотоэтиюд И. Тюфякова «Осень».

На четвертой странице гравюра А. Наговицына «Домны Тагила».

Свердловское Книжное Издательство
1958

Школьников в школу гонит
Ласковый ветерок.
Слышу,

вовсю трезвонит
Звонкий родной звонок.
Детство вспомнилось, что ли?
Тянет в знакомый класс,
Где открывались в школе
Настежь миры для нас!
Где на дверной табличке
Буквы «А» или «Б»,
Где с рыжинкой косички
Портили жизнь тебе.
Пусть порой для ответов
Мне не хватало слов,
Все возратить бы это
Нынче опять готов!
Милые педагоги,
Как мне не вспомнить вас?
Я ведь узнал:

дороги
В жизнь ведут
через класс.
Неповторимые годы
Кто повторить бы мог?
Здесь, у школьного входа,
Узел

крутых дорог!

С ВАМИ ГОВОРИТ

инженер-капитан III ранга

Л. Виноградов

ЧИТАТЕЛЯМ

«Уральского следопыта»

Чтобы вы поняли, кто пишет вам это письмо и почему он это делает, перенесемся на двадцать три года назад.

...Весной 1935 года в газетных киосках Свердловска появился в продаже новый журнал. Обложка его изображала карту Урала, на фоне которой летел дирижабль с надписью «6В-СССР», а в левом верхнем углу обложки было написано: «Уральский следопыт».

Этот журнал стал рассказывать читателям о первых рудознатцах и о каторжном труде на приисках и заводах дореволюционного Урала, о борьбе трудового народа со своими угнетателями и об установлении Советской власти на Урале. В журнале печатались рассказы о трудной, но увлекательной работе геологов, о сказочных богатствах уральских недр и о том, как эти богатства помогают советским людям строить социализм. Писал журнал об охоте, о путешествиях в далекие края, о смелых и настойчивых людях, которые не боятся никаких трудностей на своем пути к познанию нового.

«Уральский следопыт» стал хорошим другом и советчиком всех, кто любил свой край и хотел быть отважным следопытом, кто хотел идти вперед в ногу со всей страной и не боялся при этом натереть мозоли, запачкать свой костюм!

Помню, как в четвертом номере журнала мы прочитали о горе Хрустальной, расположенной неподалеку от Свердловска, и решили организовать поход по этому маршруту.

Этот поход состоялся! Именно поход, а не просто увеселительная экскурсия по красивым местам! Даже одна из основных задач, поставленных перед юными путешественниками — «дойти туда и обратно» — для некоторых была нелегким испытанием!

Мы заранее разработали план, подготовили снаряжение и распределили обязанности, к выполнению которых относились очень серьезно. Мне, например, было поручено зарисовать что-нибудь интересное на горе Хрустальной. Я, правда, плохо рисовал, но добросовестно выполнил это задание, нарисовав «огневую будку», расположенную на вершине горы, откуда специальные дежурные — «огневщики» — следили за лесными пожарами. Я не только нарисовал эту будку, но и не забыл написать, что она стоит на высоте 487 метров! Этот рисунок посылаю вам, ребята. Интересно, что там через двадцать лет делается? Может быть, вы,

ребята, тоже организуете поход на Хрустальную.

Когда мы отправлялись в поход, то брали с собой не одни только продукты. Нашим обязательным грузом была паяльная трубка, свеча, кусок тарелки или блюдца и другие предметы, необходимые для определения минералов. Бывало, правда, что для получения куска тарелки приходилось бросать на пол целую посуду, но с такими мелочами юные геологи не считались!

Если вы, ребята, думаете, что все наши запасы помещались в обычном рюкзаке, то вы жестоко ошибаетесь! Разве мог уважающий себя юный следопыт одеть за плечи обыкновенный брезентовый мешок, который каждый мог купить в магазине, не затратив на это никакого труда? Конечно, нет! За плечами у нас красовались настоящие уральские «крошны», изготовленные собственноручно из бересты, согнутого дугой толстого прута и ремней. Вы знаете, что такое «крошны» и как их делают?

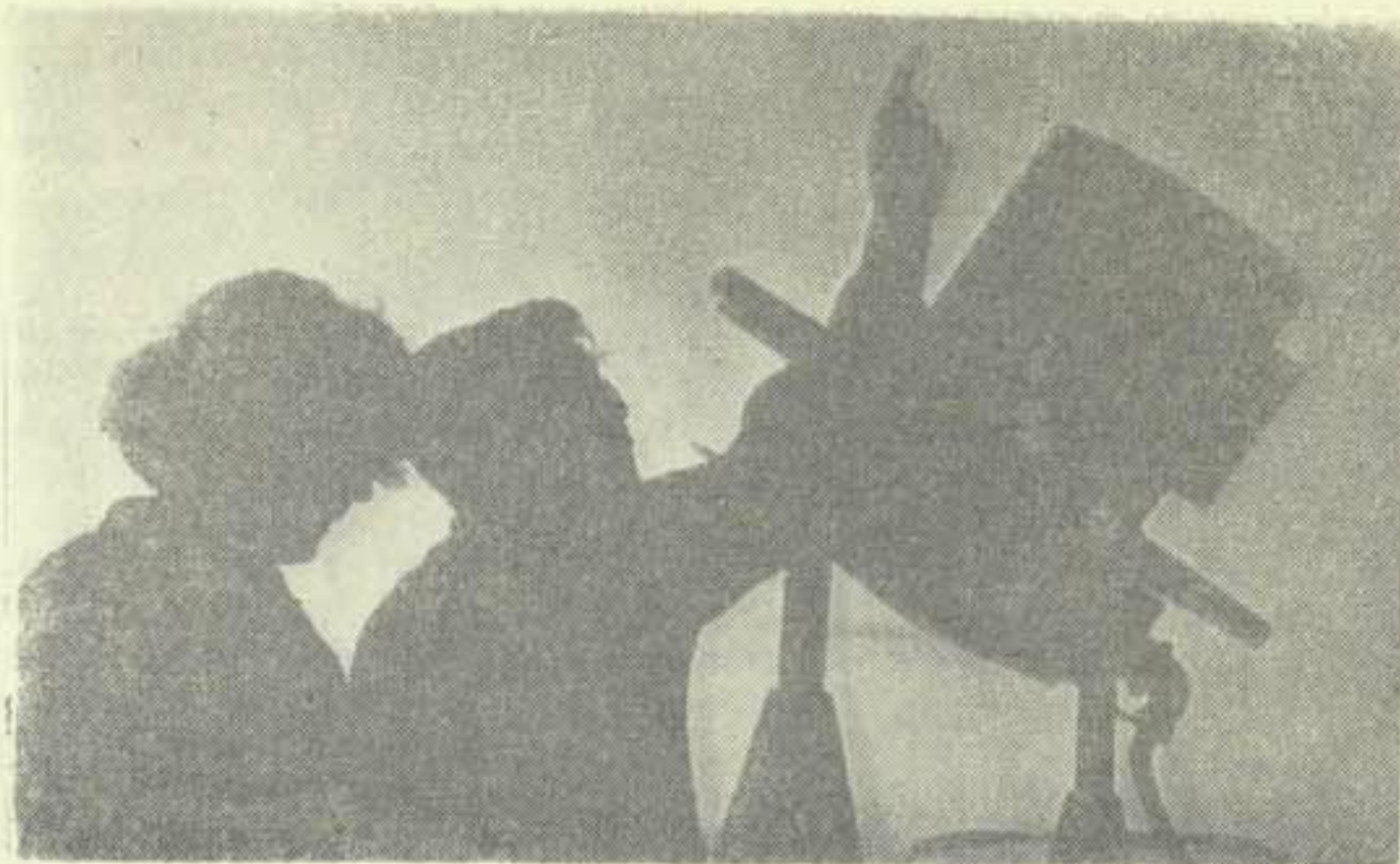
А охота? Правда, многие из нас и раньше были заправскими охотниками, но журнал помог нам еще больше полюбить это увлекательное и полезное занятие. Главное, мы поняли, что за охотничьими приключениями совсем не обязательно отправляться в Америку или Африку, оказалось, что их можно найти и на родном Урале!

Жалко было, что недолго тогда существовал этот журнал, который так полюбили юные следопыты. Но доброе дело не умерло с его закрытием!

Много лет прошло с того времени, когда мы были пионерами и носили красные галстуки. За эти годы я стал офицером Советского Военно-Морского Флота, много путешествовал и немало повидал интересного. Бывал я и на Аляске, и на Курильских островах, и в Порт-Артуре, и на берегах озера Иссык-Куль, у могилы знаменитого путешественника Пржевальского и во многих других местах, всего здесь и не расскажешь!

Но я всегда буду помнить свои первые походы по окрестностям Свердловска и «Уральский следопыт».

...Эти мысли пришли мне в голову, когда недавно я увидел в киоске журнал, на обложке которого стояли такие знакомые и дорогие слова — «Уральский следопыт»! И мне очень захотелось написать вам, дорогие ребята,

СПУТНИК НАД СВЕРДЛОВСКОМ!

Синеет над городом глубокое ночное небо, полное не узнанных пока тайн, неразгаданных загадок... Вот эта блеснувшая на горизонте звездочка — не наметившийся ли след какой-то громадной и еще неизвестной людям планеты? А это необычное серебристое облако — что это?

Великие тайны неба издревле волнуют человечество. Многие уже сделано, чтобы разгадать эти тайны. И больше других сделали советские люди. Они запустили в космос искусственных спутников земли — сначала первый, второй, а теперь и третий!

Следопыты неба — так можно назвать исследователей космоса. И это не только ученые-астрономы, это и студенты и школьники, и просто те, кто любознателен и нетерпелив в жажде новых знаний. Такие люди есть повсюду. Рассказали нам о них и в Свердловске.

— Интересуетесь нашей станцией по наблюдению за спутником? Пожалуйста!..

Веслав Юлианович Скульский, преподаватель Уральского университета, охотно начал беседу. Правда, сразу же предупредил:

— Но имейте в виду, я сейчас не руковожу станцией. «Начальник» у нас новый — студентка пятого курса Галина Кастель...

— Начинали же вы?

— Не только я! Трое нас было...

Весной 1957 года Веслав Юлианович и аспиранты Борис Карпенко, Ноемми Канторович срочно выехали в Ашхабад. Их вызвали туда на курсы. Вызвали после того, как кафедра сообщила в астрономический совет Академии наук СССР о

своей готовности участвовать в выполнении научных работ, намеченных программой Международного геофизического года. На курсах учились наблюдать за спутником. Спутника тогда, конечно, еще не было, но ждать запуска его и откладывать учебу было нельзя.

Перед отъездом «курсантам» дали задание подготовить в Свердловске тридцать наблюдателей за Спутником. Когда же объявили об этом, желающих оказалось гораздо больше. Пришли студенты пединститута, школьники... В результате в работе организованной станции визуального наблюдения приняли участие пятьдесят человек.

Оборудование университетской обсерватории, конечно, оказалось недостаточным. Пришлось заказать новое. И вскоре стали поступать ценнейшие приборы: для фотографирования Спутника в полете, для измерения по фотографиям траектории движения его, для точной регистрации моментов прохождения Спутника в поле видимости (точность редчайшая — $1/5000$ секунды!..).

И вот Спутники над Землей! В обсерватории уже идет очень напряженная, но интереснейшая работа. Показался Спутник — и все, не теряя ни секунды, — к приборам. Нужно уловить хотя бы малейшее изменение скорости его: это подскажет данные о плотности атмосферы. Если же Спутник чуть-чуть изменил высоту полета, это тоже ни в коем случае нельзя пропустить: останутся незамеченными аномальные явления Земли... Особое напряжение испытали наблюдатели в те дни, когда ожидалось вхождение ракетоносителя первого Спутника в плотные слои атмосферы. На станции было установлено круглосуточное дежурство, студенты гадали: «Кому повезет?» И не повезло никому: ракета-носитель вспыхнула далеко от Свердловска.

За ценные наблюдения за двумя первыми Спутниками, многие свердловские наблюдатели награждены почетными грамотами, значками, денежными премиями. Среди этих «следопытов неба» студенты Виталий Крекнин, Карма Гурьянова, Светлана Оноприйко.

А сейчас над Землей — третий Спутник!

— От него мы много интересного ждем. Надеемся, что просуществует он больше года... Это для нас очень важно! — заканчивает беседу В. Ю. Скульский.

ГЕРОЙ ШТУРМА ИЖЕВСКА

Имя этого героя гражданской войны — Александр Михайлович Чеверев. Вот как о нем писал старейший большевик, член Реввоенсовета 2-ой армии С. И. Гусев:

«За три с лишним года существования Красной Армии выдвинулось много рабочих и крестьян, обнаруживших недюжинные военные дарования. И среди них товарищ Чеверев был, несомненно, одним из наиболее выдающихся, одаренных, энергичных, преданных и притом одним из самых скромных».

Командующий 2-ой армией В. И. Шорин, направляя Чеверева в Военную академию генерального штаба, в его боевой аттестации указывал:

«Лично сам — храбр и мужественен. Обладает железной волей и ведет тех, кто ему верен, твердо к намеченной цели...

К ЭТОМУ НОМЕРУ
НАШЕГО ЖУРНАЛА
ПРИЛАГАЕТСЯ ЦВЕТНАЯ
ВКЛАДКА:
ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ
„СЛЕДОПЫТСКИЙ
МАРШРУТ“

Последняя ответственная задача при штурме Ижевска была им разработана и выполнена с блестящим успехом. За свои боевые подвиги представлен к награждению орденом Красного Знамени...

Настоящим «командиром» Александр Чеверев был еще в детстве. Будучи учеником в начальной школе, он водил свою «армию» в бой с «армией» противника, умело руководил своими «солдатами» и выигрывал «сражения».

Отец Александра — Михаил Тимофеевич работал на заводах Южного Урала. Состоял членом Коммунистической партии и сына своего воспитывал в большевистском духе.

Еще в революцию 1905 года Александр Чеверев шагал под красными знаменами и пел: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног...» И тогда он получил настоящее боевое крещение, принимая активное участие в деятельности боевых дружин.

В 1908 году его приняли в Коммунистическую партию. Он гордился профессией подпольщика.

Февраль 1917 года. Симская партийная организация (Южный Урал) посылает Чеверева в Екатеринбург на апрельскую конференцию. Там он встречается и беседует с Я. М. Свердловым. «Все время отстаивал позиции ленинцев», — писал Чеверев впоследствии.

Александр был членом Уфимского губкома партии, когда восставшие рабочие и гарнизон Петрограда свергли Временное правительство. Он с неиссякаемой энергией взялся за установление Советской власти в тех местах Уфимской губернии, где господствовали меньшевики и эсеры, а, когда в Оренбурге казачий атаман Дутов провозгласил себя врагом новой власти, Чеверев обратился с просьбой в губком, чтобы ему разрешили создать добровольческий отряд.

С весны 1918 года началась боевая деятельность Чеверева. Правда, в первых боях с вышколенными и опытными в военном отношении дутовцами его отряд потерпел поражение, а сам командир был ранен.

— Не умеем воевать! — говорил Чеверев. — Стадом ходим в бой с врагом. Вот нас и разбили. Но ничего, воевать мы все-таки научимся!

И научились. Ранним мартовским утром отряд Чеверева, совершив за одну ночь пятидесятипятиверстовый переход

через Уральский хребет, неожиданно ворвался в город Верхне-Уральск.

Верхом на коне скакал Чеверев к штабу Дутова. Атаман, услышав на улице стрельбу, вскочил с кровати, сразу понял все и бросился бежать в одном белье. Пуля Чеверева догнала бы его, но адъютант успел заслонить Дутова своим телом. Атаману удалось скрыться.

— Неужели удрал? — не верилось Чевереву. — Эх, какую птицу-то упустили.

Но на смену Дутову пришел новый враг. Мятежный чехословацкий корпус занимал уральские и приволжские города. Отряд Чеверева дрался с мятежниками в районе деревни Дюртили, расположенной на берегу реки Белой. К нему на помощь из близлежащих деревень пришли башкиры и татары. Чеверев ранее вел среди них разъяснительную работу, раздавал бедноте скот, конфискованный у восставших кулаков и купцов. И вот теперь, в минуту грозной опасности, беднота пришла на помощь, вооружилась чем попало, влилась в поредевшие ряды чеверевцев, бодрила их, и враг отступил.

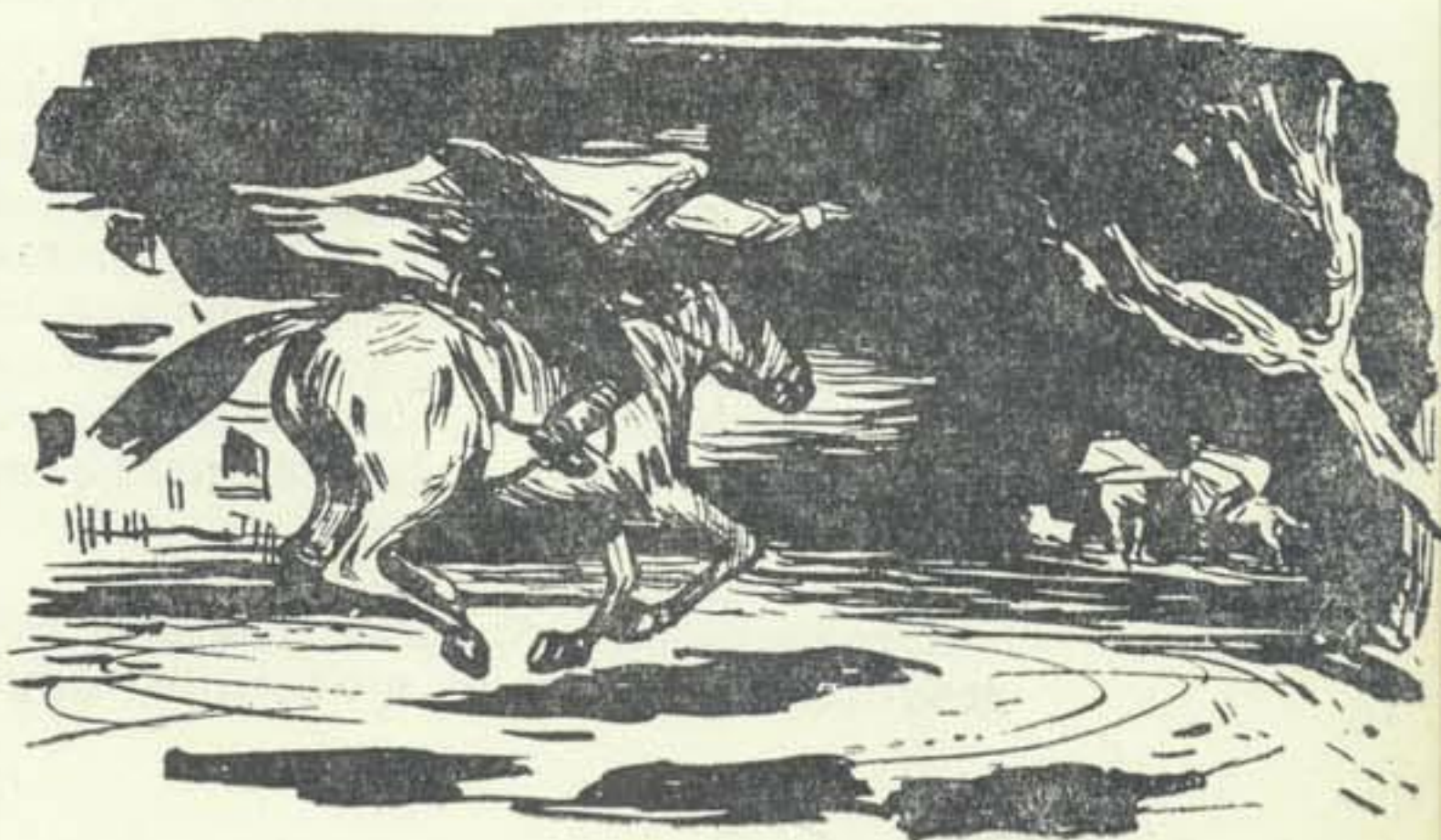
Белое командование решило покончить с «дюртилинской язвой».

От генерала через посланного крестьянина Чеверев получил письмо:

«...Уходи или сдавайся в плен. Не сделаешь ни того, ни другого — будешь разбит в пух и в прах... Попадешь мне в руки — места живого не оставлю на твоём теле!..»

Чеверев с тем же крестьянином послал генералу записочку:

«Генерал! Ты большой чудак и... дурак! Неужели ты думаешь, что я без боя отдам тебе Дюртили? Нас ты не застрашаешь. Мы плохо бьемся, но умирать мы умеем. Угроз не боюсь. Жду в гости. Чеверев».

А. М. Чеверев (слева) в апреле 1919 года, г. Казань.

Тринадцать атак противника отбили чеверевцы, но после четырнадцатой пришлось отойти. Отряд Чеверева прибыл в Сарапул в штаб 2-й армии. Из Сарапула его перебросили на станцию Агрыз Казанской железной дороги, откуда шла ветка на Ижевск, где господствовали белогвардейцы. Несколько раз водил своих бойцов Чеверев на штурм Ижевска, но безрезультатно. Белогвардейцам удалось поднять в чеверевском тылу кулацкое восстание, и Чеверев более месяца был отрезан от штаба 2-ой армии.

Нужна была нечеловеческая выносливость, выдержка, мужество, героизм, чтобы не пасть духом и не разбежаться. Всеми этими качествами обладал сам Чеверев и привил их своим бойцам.

В конце сентября Чеверев через вражеские кордоны пробился к Сюгинскому заводу. Здесь произошла радостная встреча двух героев гражданской войны — Азина и Чеверева. Они обнялись и расцеловались.

Из чеверевского отряда был сформирован полк, влившийся в азинскую 28-ую дивизию. Во главе полка — Чеверев. В холодные дни ноября полк Чеверева выбивал штыками из глубоких окопов озверевших ижевских белогвардейцев. С боевыми кличами «ура!», «вперед!» «алга!» (по-башкирски «вперед!») чеверевцы сокрушили все препятствия и первыми ворвались в Ижевск.

Это было 7 ноября 1918 года. В этот день великий Ленин прислал в штаб

2-ой армии телеграмму, в которой поздравлял «доблестные красноармейские войска со взятием Ижевска» и с первой годовщиной Октября.

«...Вскоре после окончания Ижевско-Воткинской операции,— вспоминает о Чевереве С. И. Гусев,— он стал проситься в Академию генерального штаба.

Пребывание его в академии было непродолжительно (что-то около двух месяцев), а затем он бежал от мертвящей схоластики преподавания, царившей там.

«Артиллерию начинают с персидского или греческого катапульты,— жаловался он...— На черта мне катапульт, ежели гражданская война разгорается с каждым днем. Дьявол их заberi вместе с их катапультom».

И Чеверев вновь вернулся в ряды действующей Красной Армии, прошел вместе с ней далеко на восток, затем оказался на Кавказе, а потом появился в Москве в качестве полномочного представителя Дагестанской Республики.

Столкнувшись на Кавказе с извращением национальной политики, Чеверев доложил об этом В. И. Ленину. Ленин выслушал Чеверева и направил его к заместителю председателя Реввоенсовета республики Складанскому с запиской следующего содержания:

«Т. Складанский! Прошу Вас принять подателя сего, тов. Чеверева, члена РКП — 1908 г., уральского рабочего, три года в Красной Армии, был начдивом 23, теперь политком бригады 111.

Его соображения насчет допущенной нами ошибки кажутся мне очень вескими.

Отнесите, пожалуйста, как можно внимательнее к его изложению и прикажите пересмотреть вопрос внимательнее.

Итоги сообщите мне.

С коммунистическим приветом Ленин. 3 июня 1921 г.»

На Дальнем Востоке еще шли бои с интервентами. Не стерпело боевое сердце Чеверева, и он добился в Москве откомандирования его в Дальневосточную армию. По пути заехал в Уфу, чтобы встретиться с семьей. Но воевать на Дальнем Востоке ему не пришлось.

2 октября 1921 года герой штурма Ижевска, замечательный человек, талантливый командир Красной Армии, Александр Чеверев неожиданно умер.

А. П. КУЧКИН, член КПСС с 1912 года,
доктор исторических наук.

КЛАВА НАЗАРОВА

А. МУСАТОВ

Рис. С. Киприна

ПОВЕСТЬ

Многие читатели интересуются автором повести «Клава Назарова». Отвечаем: писатель Алексей Иванович Мусатов — лауреат Сталинской премии. Им написаны повести «Стожары», «Дом на горе» и другие произведения.

ЗА МОЛОКОМ

Мысль о Василии Николаевиче не выходила у Клавы из головы. Он ведь собирался уехать с комсомольцами в Сошихинский лес, влиться в партизанский отряд и вдруг, вместо этого, оказался в руках у гитлеровцев. Что-то он теперь делает? Строит узкоколейку, чинит шоссе или добывает торф. А может быть, узнав, что коммунист Важин был командиром батальона, немцы давно уже с ним расправились...

На другой день, выйдя с ведрами на Великую, Клава отыскала Петьку Свищева. Мальчишки стояли на камнях-голышах, удили рыбу. Клава подозвала Петьку и попросила помочь донести ведра с водой. По дороге она спросила, как у него обстоят дела дома, чем он занимается целыми днями, не хочет ли Петька сегодня пойти за город на Псковское шоссе.

— Говорят, там беженцы работают...

Продолжение. Начало см. в № 5.

Может, Василия Николаевича удастся повстречать...

— Это что... задание такое? — осведомился мальчуган.

— Да нет... просьба. — Клава улыбнулась. — Не в службу, а в дружбу... Мне одной трудно пробраться. А ты ведь, как уж, везде пролезешь. Но если, конечно, рыбалить нужно...

— Что вы, Клава Ивановна, — обиделся Петька. — Рыба, она подождет... Когда тронемся?

— Да хоть сейчас... Только зайдем ко мне на минутку.

Клава привела Петьку к себе домой, накормила завтраком. Потом по-деревенски повязала голову белым платочком, собрала в узелок хлеба, вареной картошки, соли, и тронулись в путь.

— Если полицаи задержат, говори, что в деревню идем, к родственникам, — предупредила Клава, когда они вышли за город.

— Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет, — засмеялся Петька. — Охота нам была с полицаями встречаться. — И повел Клаву межой, через высокую зеленую рожь, потом некошеным лугом.

Километров через пять они вышли на Псковское шоссе. Здесь захваченные гитлеровцами беженцы чинили развороченную взрывами фугасок дорогу.

Узнать среди сотен людей Василия Николаевича, казалось, было невозможно. У обочины дороги Клава заметила группу

мужчин, дробивших камень для мостовой, и среди них узнала Важина.

— Клава Ивановна, я поближе подползу, — шепнул Петька. — А вы посидите в кустах.

Клава посмотрела по сторонам — часовых не было видно.

— Ползи... только осторожно.

Через несколько минут Петька вернулся обратно. Он был не один — за ним полз Важин.

— Василий Николаевич!.. Это я, Назарова, — вполголоса окликнула Клава.

Поздоровались. Поставив Петьку наблюдать за местностью, отползли за куст.

— Как вы сюда попали? — спросила Клава.

— Захватили вместе с другими беженцами, — горько усмехнулся Василий Николаевич. — Видишь вот — дорогу заставляют чинить. Но мы, я надеюсь, здесь задерживаться долго не будем.

— Сбежите?..

Важин приставил палец к губам.

— Готовимся... У меня тут есть неплохие товарищи... Да ты лучше о себе. Почему из города не уехала? Где ребята?

Клава коротко рассказала, что большинство комсомольцев истребительного батальона вернулись в Остров и сейчас живут дома.

— Это хорошо, — обрадовался Важин. — Дома, значит, на свободе. А на строение?

— Самое боевое... К делу рвутся. Володя Аржанцев оружие собирает...

— Так... Неплохо... Старший есть?

— Старший?

— Да-да. Вожак, организатор? Разве можно ребят в такой момент оставлять одних. — Важин внимательно посмотрел на девушку. — Это твое дело, Клава. Да-да, и не думай отказываться, возражать. Ребят знаешь, работать с ними умеешь. Тебе и карты в руки. Собирай подпольную группу, поднимай комсомольцев на борьбу. Я говорю об этом, как член партии...

— Василий Николаевич! В городе ни одного коммуниста не найдешь, — растерянно забормотала Клава. — Посоветоваться не с кем...

— Поищешь — найдешь, — сказал Важин и, оглянувшись по сторонам, заговорил еще тише. — В Сошихинском лесу островские коммунисты собирают народ на борьбу с фашистами. Надо любыми путями связаться с ними, получить указа-

ния, наладить разведывательную работу в городе. Запомни и нигде не записывай. Надо отыскать человека по кличке Седой. Когда найдешь, скажи, что от меня. Мол, Важин кланяется, он немного приболел, но скоро поправится. Запомнила?

Клава кивнула головой.

Важин пожал ей руку.

— Ну, мне пора! До свидания. Желаю успеха. Сюда больше не приходи...

В этот же день Клава сходила в деревню Рядобжу, отыскала дом Аржанцевых и вызвала на улицу Володю.

— Назарова? Клава? — воскликнул тот.

— Что, удивлен? А я вот решила повидать тебя. Да лучше бы не здесь, не у крыльца...

Они прошли в огород и сели в густые заросли малинника.

— Мне Сушков про тебя сказал, — объяснила Клава. — Видел он. Вы с девушкой оружие собирали...

— Копаемся помаленьку, — признался Володя. — А я считал, что ты уже к партизанам перебралась.

— Тебе к партизанам очень хочется? — спросила Клава.

— Не гнить же здесь заживо! Вот поднакоплю оружия, соберу ребят и айда с ними к партизанам. Говорят, за Сошихинским отряд действует... Кровь с носу, а мы к ним все равно проберемся...

Клава внимательно посмотрела на юношу.

— Вдвоем со мной к партизанам пойдешь?

— Вдвоем?! Чего ж так мало?

— Пока так надо... Дорогу разведаем, связь установим. А там видно будет.

— Оружие брать будем?

— Никакого... Пойдем, как беженцы... Вроде продукты в деревнях собрались выменивать. — И, видя, что Володя растерянно молчит, Клава принялась горячо объяснять, как важно и необходимо установить связь с партизанами.

На другой день к вечеру разразился обильный летний дождь. Мертвенно-белые молнии освещали окна. Гулко и раскати-сто рокотал гром. На улицах было пусто.

Евдокия Федоровна с недоумением поглядывала на дочь. Клава натянула на плечи заношенный материнский ватник, по-деревенски повязала голову белым платком, в мешок посовала старые платья, блузки, туфли.

— Куда это? — спросила Евдокия Федоровна.

— В Сошихино, мамочка. За продуктами. Дай мне сумку, пустую четверть и бутылки. И больше ни о чем не спрашивай. Хорошо, мама?

Когда дверь за Клавой захлопнулась, мать долго смотрела в окно, прислушивалась к шуму проливного дождя и к рокоту грома.

А Клава, встретившись на окраине города с Володей Аржанцевым, отправилась в нелегкий путь.

Шли они по ночам. Днем отлеживались в посевах овса или льна. Особенно трудно было переходить железную дорогу. С обеих сторон линии немцы вырубали лес и кусты, выкосили траву; днем вдоль насыпи патрулировали часовые, а ночью железнодорожное полотно освещали мощные прожекторы.

Часто дорогу преграждали реки. Мосты на них охранялись часовыми. Приходилось держаться от мостов подальше, выбирать укромные места и перебираться через реки вплавь.

Иногда Клава с Володей заходили в деревни, стараясь держаться окраинных домиков. Выменивали у крестьян на старую одежду и обувь хлеб, яйца и осторожно выпрашивали о деревенских новостях. Всегда находились добрые люди, которые понимающе поглядывали на молодых «беженцев» и показывали на синюющую вдали зубчатую гряду леса: «Туда пробирайтесь, туда».

На третьи сутки Клава с Володей вступили в спасительный лес и попали в болото. Увязая по колено в трясине, долго продирались они сквозь тонкую чащобу и только к вечеру, измученные и грязные, добрались до партизанского лагеря.

Клава сказала, что она из Острова, что ей надо видеть Седого.

Ее и Аржанцева доставили в командирскую землянку. За грубо сколоченным из неструганных досок столом сидел знакомый Клаве секретарь Островского райкома партии Остроухов.

Он поднялся Клаве навстречу.

— А мне доложили, что каких-то беженцев захватили... с барахлишком. Они, якобы, Седого ищут.

— Дмитрий Алексеевич, да какой же вы седой! — вскрикнула Клава. — Так, чуть-чуть морозцем тронутые...

— Ничего, буду когда-нибудь седым... — Остроухов усадил ребят на лавку. — Ну, рассказывайте... Это же прямо чудо, как вы добрались до нас?

Клава подробно доложила обо всем, что произошло в Острове с момента прихода гитлеровцев, рассказала о встрече с Важиным.

— Мы в Остров человека послали, — задумчиво сказал Остроухов. — Не дошел он...

— Зачем посылали, Дмитрий Алексеевич? — спросила Клава.

— Связь с вами хотели установить. С комсомольцами, с молодежью. Нужны вы нам.

— А как же насчет партизан? — с недоумением спросил Володя. — Наши бы ребята не с пустыми руками к вам пришли, с оружием.

— Это дело тоже неплохое, — согласился Остроухов. — Но вы нужны именно в тылу врага. До Острова почти пятьдесят километров, местность безлесная, и нашим партизанам действовать там почти невозможно. Вот вы и должны быть в городе нашей разведкой, агитаторами, бойцами. Мы, Клава, очень рассчитываем на твоих комсомольцев.

Он спросил, кого Назарова сможет привлечь в подпольную группу. Клава назвала с десятков имен.

— Трудно будет в пекле у врага, ой, как трудно! — покачал головой Остроухов. — Да и гвардия-то у тебя такая... одни мальчишки да девчонки.

— Что вы, Дмитрий Алексеевич... — Клава покосилась на Володю Аржанцева. — Мы все так возмужали.

— Тогда начинайте действовать, — сказал Остроухов. — Связь с нами держите через Анну Павловну... Знаешь такую?

— Моя бывшая учительница?!

— Так вот, — продолжал Остроухов. — Ей можете верить во всем. Но по пустякам не докучайте. Когда нужно, она сама разыщет. Ведите себя осторожно. Установите железную дисциплину, строгую конспирацию... Да, вот еще что... на всякий случай надо и вам установить с нами постоянную связь. Связной должен быть смелым, находчивым, выносливым парнем. Найдется такой?

— Думаю, найдется. — Клава хитро скосила глаза в сторону Володи. — Есть у нас Аржанцев...

— Я?! — вспыхнул Володя.

— Знаю такого парня, — улыбнулся Остроухов. — Земляки, в одном городе жили. Ну, завтра обо всем поговорим. Сейчас отдыхайте, обсушитесь, поужинайте.

К концу недели Клава с Володией возвращались домой, связь с партизанами была налажена, инструкции получены. Отныне островские комсомольцы становились глубокой разведкой партизан.

Неподалеку от городской окраины Клава и Володя распростились и пошли по разным дорогам.

Охранники и полиция часто задерживали Клаву, заглядывали в сумку. В четверти и в бутылках и на самом деле плескалось молоко, но, вместо пробок, в бутылках торчали куски газеты «Правда» с важными сообщениями и партизанские листовки.

Дома Клава передала молоко матери, а куски газеты и листовки высушила на керосинке и бережно разгладила утюгом.

Вечером к ней забежал Сушков. За последние дни он еще больше похудел и выглядел как мальчишка. Странная и непривычная жизнь началась у Феи. Он чувствовал себя в родном городе чужим. Нельзя было свободно, как прежде, сходить к приятелям, погулять по улицам, порыбачить на Великой, нельзя было принять друзей у себя дома.

Тетка, насмерть перепуганная событиями последних дней, требовала от племянника, чтобы он сидел дома, вел себя тише воды, ниже травы. «Пусть все утрясется, там видно будет». Уходя, она запирала Фею на замок, ночью укладывала спать в чулан, дверь которого заставляла ящиками и кадушками, и без конца причитала. Фея встревоженно и чуть смущенно смотрел на Клаву.

— Где пропала? Мы думали...

— Все хорошо! За молоком в Соши-

хино ходила... Смотри, что принесла, — Клава показала газету и листовки.

— Ого! Значит, жить можно! — Фея спросил, когда Клава думает созвать ребят, чтобы поговорить обо всем по душам.

— Медлить больше нельзя. Давайте завтра. Скажи ребятам, что у меня день рождения. Сбор в восемь часов вечера.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Мать была немало удивлена, когда Клава сказала ей, что сегодня она будет отмечать день своего рождения.

— Что ты, дочка! Еще время не подошло... и гостей угостить нечем.

Клава выразительно посмотрела на мать.

— Ко мне соберутся ребята... надо поговорить. Про день рождения — это на всякий случай... для любопытных.

Евдокия Федоровна кивнула головой: как не понять. Материнским сердцем она чувствовала, что Клава что-то замышляет, раз-другой тайком уже всплакнула, думала даже отговорить дочь, но, зная ее характер, не решилась.

— Насчет угощения не беспокойся, — добавила Клава. — Приготовь чай, и все...

— Пожалуй, коржиков напеку, — раздобрилась мать. — Есть у меня еще мучки немного.

К вечеру стол был накрыт.

Клава приоделась по-праздничному, привела в порядок патефон, выложила пластинки.

К восьми часам стали собираться «гости».

Первыми шумно ввалились Фея, Дима и Борька Капелюхин.

Расфранченные, в выутюженных брюках, при галстучках (даже Фея не остался от приятелей), они преподнесли Клаве по огромному букету цветов и принялись поздравлять.

— Да вы что? — опешила Клава. — Забыли, зачем собираемся?

— Не забыли, — лукаво ухмыльнулся Фея. — А привыкаем, в роль входим.

— Привыкаете? А сами втроем ввалились. Нет, чтобы по одному явиться.

— Мы сейчас нарочно у немцев под носом прошли. В обнимку, с песней под гитару... — объяснил Дима, кивая на гитару с пышным розовым бантом на грифе. — Вроде как гуляем... И ничего... Немцам это даже понравилось. Стоят,

улыбаются. Видно, считают, что, если молодежь веселится, значит, вполне довольна новым порядком.

— Раз эта падаля так считает, давайте и повеселимся,— предложил Капелюхин, доставая из кармана бутылку с темно-красной наливкой и передавая ее Клаве:— Прошу, именинница!— и принялся заводить патефон.

В комнату вошла Варя Филатова. С удивлением оглядела накрытый стол, патефон, пластинки, цветы.

— У тебя в самом деле день рождения?

— До дня рождения еще далеко,— сказала Клава.— Это все для маскировки...

Входили все новые и новые комсомольцы. Клава зорко вглядывалась в лица ребят и девушек. Вот Зина Бахарева, Люба Кочеткова, Гриша Шмаков, все бывшие пионеры, все учились в школе имени Ленина.

На пороге показался Володя Аржанцев. Федя и Капелюхин бросились к нему навстречу, как к хорошему старому знакомому. Володя с озабоченным видом пожал ребятам руки, вызвал Клаву за дверь.

— Очень рада, что пришел,— сказала Клава.

— Только я не один,— помявшись, признался Володя.

— Догадываюсь...— сказала Клава.— А она комсомолка?

— Ага! Вместе вступали, в один день... Вот у меня и билет ее... Замечательная девушка!.. Знаете, сколько мне она патронов насобираала... Смелая, не подведет. За нее, как за себя, ручаюсь... Отец у нее коммунист... на фронте сейчас...

— Характеристика неплохая. Поручителю можно верить,— улыбнулась Клава.— Где девушка? Зови.

Аржанцев спустился по лестнице на улицу и вскоре вернулся с Аней.

Из десяти комсомольцев, что Клава пригласила на «день рождения», пришли все, кроме Вани Архипова. «Неужели передумал, испугался»,— с обидой подумала она, вспоминая разговоры с Ваней, его растерянный взгляд и настороженные вопросы. Да и вел себя он в эти дни довольно странно: с ребятами почти не встречался, ковырялся на огороде, таскал с пожара горелые доски, заготавливал на зиму дрова, торф, пас козу на окраине города. «Неужели я в нем ошиблась? Нет,

не может быть!». Клава знала Ваню с четвертого класса, странностей у него хоть отбавляй, но честнее трудно найти человека. «Что ж, пора начинать».

Клава, подавив вздох, пригласила всех к столу.

— Садитесь, угощайтесь,— сказала Евдокия Федоровна.— А я на крылечке посижу, посторожу вас...

Оставив патефон, ребята сели за стол. И, как прежде, на пионерских сборах, первая начала говорить Клава. Она говорила о самой неизменной, высокой любви, о любви к Родине. Нашествие фашистов— горе для нашей Родины временное. И чем отважнее будет бороться с захватчиками каждый человек, тем скорее пройдет это страшное время.

— Правильно,— тряхнул головой, отозвался Федя.— Советская власть была и останется, что бы там фашисты ни брехали.

— Вернется Красная Армия, партизаны,— блестя черными глазами, продолжала Клава.— Спросят нас: а чем вы, островские комсомольцы, помогли народу? Что мы ответим? Я знаю, каждый из вас рвется к борьбе с захватчиками. Но это надо делать умело, организованно. Сегодня мы в первый раз собрались вместе. И с этого дня мы не просто комсомольцы. Подпольный райком партии и командование партизанского отряда поручили мне создать боевую подпольную комсомольскую группу, начать борьбу с фашистами здесь, в городе...— Клава помедлила, обвела глазами ребят.— Будет нелегко... Возможны всякие неожиданности... Нас могут выследить, арестовать, пытаться... Может быть, придется пролить кровь... отдать жизнь. Готовы ли вы к этому?

— Да что там спрашивать?— нетерпеливо отозвался Дима Петровский.— Действовать надо.

— Бить эту падаля, и вся недолга!— поддержал его Капелюхин, похрустывая сильными плечами.

— Мы готовы,— серьезно сказал Федя, переглядываясь с товарищами.— Можем присягнуть.

Комсомольцы одобрительно закивали головами. Клава поднялась.

— Тогда торжественно поклянемся, что будем бороться до конца... Слова клятвы я уже написала. Вот слушайте...

Она достала из кармана листок бумаги и, переведя дыхание, приглушенно, но отчетливо прочла:

— Я, Клава Назарова, торжественно клянусь работать для Родины и народа, вести беспощадную борьбу с ненавистными фашистскими захватчиками и всеми силами помогать Красной Армии и партизанам. Если я нарушу свое обещание или выдам тайну, да пусть постигнет меня суровая кара!

Клава умолкла. Один за другим вставали юные подпольщики, брали листок и произносили клятву. И при этом по старой привычке поднимали руку для пионерского салюта.

— Я, Варвара Филатова, торжественно клянусь...

— Я, Федор Сушков, торжественно клянусь...

— Я, Дмитрий Петровский, торжественно клянусь...

Первые, кто давал клятву, еще заглядывали в бумажку, но потом слова клятвы прочно врезались в память.

Клава смотрела на сосредоточенные лица юных подпольщиков, на вскинутые для салюта руки и вспоминала, как каждый из ребят много лет тому назад вступал в пионеры, давал торжественное обещание. Тогда кругом алели знамена, стояли в молчании шеренги пионеров, застыли наготове горнисты и барабанщики.

Когда каждый дал клятву и поставил свою подпись, Клава бережно убрала листок в карман. Затем предложила наметить руководящую тройку — штаб подпольной группы. Без споров избрали в штаб Клаву, Федю Сушкова и Володю Аржанцева.

— Теперь поговорим о наших практических делах, — Клава кивнула на стол с закусками. — Где же конспирация? Почему не едите? — И заговорила о том, что сейчас предстоит делать. В первую очередь необходимо наладить сбор разведывательных сведений для Красной Армии и партизан. Надо всем подпольщикам следить за проходящими через город воинскими частями, за машинами с грузом, за поездами на станции. Потом надо ускорить сбор оружия, которое очень нужно партизанам. Ответственным назначается Володя Аржанцев: у него в этом деле уже есть опыт.

— Про раненых красноармейцев не забывайте, — подала голос Зина Бахарева. — Ведь, как только раненые поправятся немного, их немцы заберут в лагерь, на работу. Почему бы их к партизанам не переправить?

— Каким образом? — спросила Клава.

— Подумать надо...

— Подумаем.

Ребята намечали все новые и новые дела.

Федя Сушков посоветовал выпускать листовки и расклеивать их по городу.

— Надо, чтобы люди правду знали... Некоторые уже начинают фашистской брехне верить: мол, и Москву взяли, и Ленинград, и Советская власть кончилась...

Дима Петровский предложил разработать план диверсий: заминировать шоссе, взорвать цепной мост или поджечь склад с горючим.

Люба Кочеткова возбужденно заявила, что надо что-то сделать с Аллой Дембовской, дочкой бургомистра.

— Ходит разодетая, с немцами на машине катается. Вчера ко мне прилипла: «Давайте мы для офицеров концерт устроим». Такая мразь! Я ей чуть в лицо не плюнула...

Клава строго покачала головой.

— На свой страх и риск ничего не делать. Только по решению штаба... Железная дисциплина. Помните клятву. — И принялась объяснять, как надо вести себя в городе. В мелкие стычки с немцами и полицией ни в коем случае не ввязываться, группами на улицах не показываться. Встречаться подпольщикам лучше всего на волейбольной площадке, на вечеринках, на танцах — пусть фашисты думают, что молодежь занята развлечениями и ей пришелся по душе новый порядок. Связь по старой пионерской привычке поддерживать при помощи цепочки. Пока фашисты не угоняют на строительство и ремонт дорог, на торфоразработки, надо самим устраиваться на работу в городские учреждения, в комендатуру, на станцию, в офицерские столовые.

— Главное, быть поближе к немцам, чтобы все знать, видеть и слышать, — закончила Клава. — Вы понимаете меня?

— Чтобы я на поганных фрицев ишачил... — заартачился было Капелюхин, но, встретив осуждающие взгляды ребят, махнул рукой... — Понимаю, конечно... Ладно, уж я на них работну...

В комнату неожиданно вошел запыхавшийся Ваня Архипов, низкорослый, тщедушный подросток. Старая замасленная кепка, дряхлый, латаный пиджак и опорки на ногах делали его похожим на беспризорника.

Клава поднялась навстречу.

— Почему поздно?

— Стрельбу слышали?..— хрипло заговорил Ваня, вытирая взмокшее лицо.— Наш самолет листовки сбросил. А немцы по нему из зениток, из зениток... Ушел самолет... Листовок в поле полным полно осталось. Целая рота немцев вышла листовки подбирать. Я там козу пас. Ну, меня зацапали и давай трясти да обшаривать...

— Ни одной листовки не принес?— с досадой спросил Федя.

Ваня ухмыльнулся, разжимая кулак и показывая комочек замусоленной бумаги.

— За щекой держал... Чуть не проглотил.

Листовка была адресована населению оккупированных фашистами Ленинградской, Новгородской и Псковской областей.

«Организуйте партизанские отряды и группы,— читала Клава.— Захватывайте оружие и боезапасы у врага. Беспощадно уничтожайте его днем и ночью, из-за угла и в открытом бою».

Обращение было подписано Ждановым и Ворошиловым.

— «Из-за угла и в открытом бою»,— вполголоса повторил Федя и посмотрел на Клаву.— Надо будет размножить.

Внизу раздался надрывный кашель: мать предупреждала о надвигающейся опасности. Клава выглянула в окно. По набережной шли какие-то люди. Девушка спрятала листовку в карман, обернулась к ребятам:

— Патефон... танцы!

Заиграла музыка. Дима подал руку

Клаве. Капелюхин пригласил Варю Филатову. Пары закружились в танце. Вошел немецкий патруль. Офицер посмотрел на танцующую молодежь, ухмыльнулся. Он очень сожалеет, что не может принять участие в такой веселой вечеринке. Приложив пальцы к козырьку, он увел солдат.

— А теперь за работу.— Клава достала стопку ученических тетрадей и коробку цветных карандашей.— Капелюхин следит за улицей и меняет пластинки. Остальные берут карандаши и бумагу. Писать печатными буквами...

Она дождалась, пока ребята очинили карандаши, расселись по местам и, как учительница школьникам, принялась диктовать текст листовки.

Патефон наигрывал задорный фокс-тот.

МЕДСЕСТРА МАША

Утром забежала Зина Бахарева и сообщила Клаве, что в больнице произошло большое несчастье. Молодой летчик, почувствовав себя лучше и ни с кем не посоветовавшись, решил бежать из больницы. Ночью в больничном белье он вылез через окно на улицу, стал выбираться из города и сразу же нарвался на немецкий патруль. Летчика жестоко избили и вновь привезли в больницу.

— Ты бы видела, Клава, что они с ним сделали,— рассказывала Зина, кусая сухие, запекшиеся губы.— Лежит, как пласт... Еле дышит. Теперь долго не подняться.

— Ты листовку раненым подбросила?— спросила Клава.

— Ага!— кивнула Зина.— В трех палатах под подушки сунула. Теперь ли-

стовки по рукам ходят. И знаешь, что началось... Теперь у них только и разговоров, как бы к партизанам пробраться. Вчера один раненый чуть не на коленях меня умолял: достань штатскую одежду. Ой, боюсь я... Убежит он и тоже на патруль нарвется. Что делать-то?

Клава задумалась. Да, раненых на произвол судьбы оставлять никак нельзя.

— А кто этот раненый, что к партизанам рвется? — спросила она. — Ты хорошо его знаешь?

— Ага... Он мне все рассказал, — зашептала Зина. — Командир стрелкового взвода... В первом же бою был ранен в голову. Потерял сознание, попал к нам в больницу. Злости в нем полно. Как про немцев вспомнит, даже зубами скрипит. Мне, говорит, обязательно воевать надо...

— Можешь с ним познакомиться?

— Да хоть сегодня. Приходи вечером в больницу.

— Представь меня за новую медсестру. Назови Машей, фамилию не упоминай.

Вечером Клава была в больнице. Зина выдала ей белый халат, привела в процедурную комнату.

— Подожди. Сейчас пришло... Шитиков — его фамилия.

Вскоре в процедурную вошел коренастый смуглый человек в сером больничном халате, с забинтованной головой.

— Шитиков, — отрывисто представился он, протягивая Клаве сильную, цепкую руку и пристально оглядывая девушку. — А вы, значит... Маша, новая медсестра?

Клава кивнула головой.

— Можете говорить со мной откровенно... я все знаю. Вы один хотите уйти к партизанам?

— Нет, есть еще желающие.

— Сколько человек?

— Пятеро.

— Люди надежные?

— Ручаюсь.

— Когда вы хотели бы уйти?

— В любую ночь. Хотя бы сегодня...

— Но вы еще не совсем здоровы, — Клава кивнула на марлевую повязку.

— Ах, это? — Шитиков ухмыльнулся. — Это для маскировки. На случай проверки немецкими врачами. Делаем вид, что все мы еще лежащие больные. Зина придумала... Да и врач ее поддерживает.

«Умницы», — подумала про них Клава и спросила Шитикова, что раненым необходимо для побега.

— Гражданскую одежду, еду, карту, компас... — перечислил Шитиков. — Хорошо бы, конечно, проводника...

— Постараемся обеспечить. Держите связь с Зиной. — Клава поднялась и протянула Шитикову руку.

В этот же вечер она попросила мать порыться в сундуке и достать что-нибудь из отцовской одежды.

— Зачем, доченька? — удивилась Евдокия Федоровна. — Да и кому такое старье пригодится?

— Нужно, мама, нужно. Ты не жалеешь...

Кряхтя и охая, мать открыла сундук, достала еще хранящиеся после покойного мужа сатиновую рубашу, брюки из «чертовой кожи» и поношенный суконный пиджак. Петька Свищев обежал еще четырех подпольщиков и передал им наказ Клавы раздобыть мужскую одежду и еды на двое суток.

На другой день Клава встретила с Володей Аржанцевым.

— Видишь, не прошло и трех дней, а для тебя уже есть задание, — и она рассказала о пятерых раненых, которых надо проводить к партизанам.

Володя обрадовался. Явиться к партизанам с бойцами Красной Армии. Это совсем здорово! Это уж не тихая сидячая жизнь, а настоящая боевая работа.

— Со мной Аня пойдет, — сказал Володя.

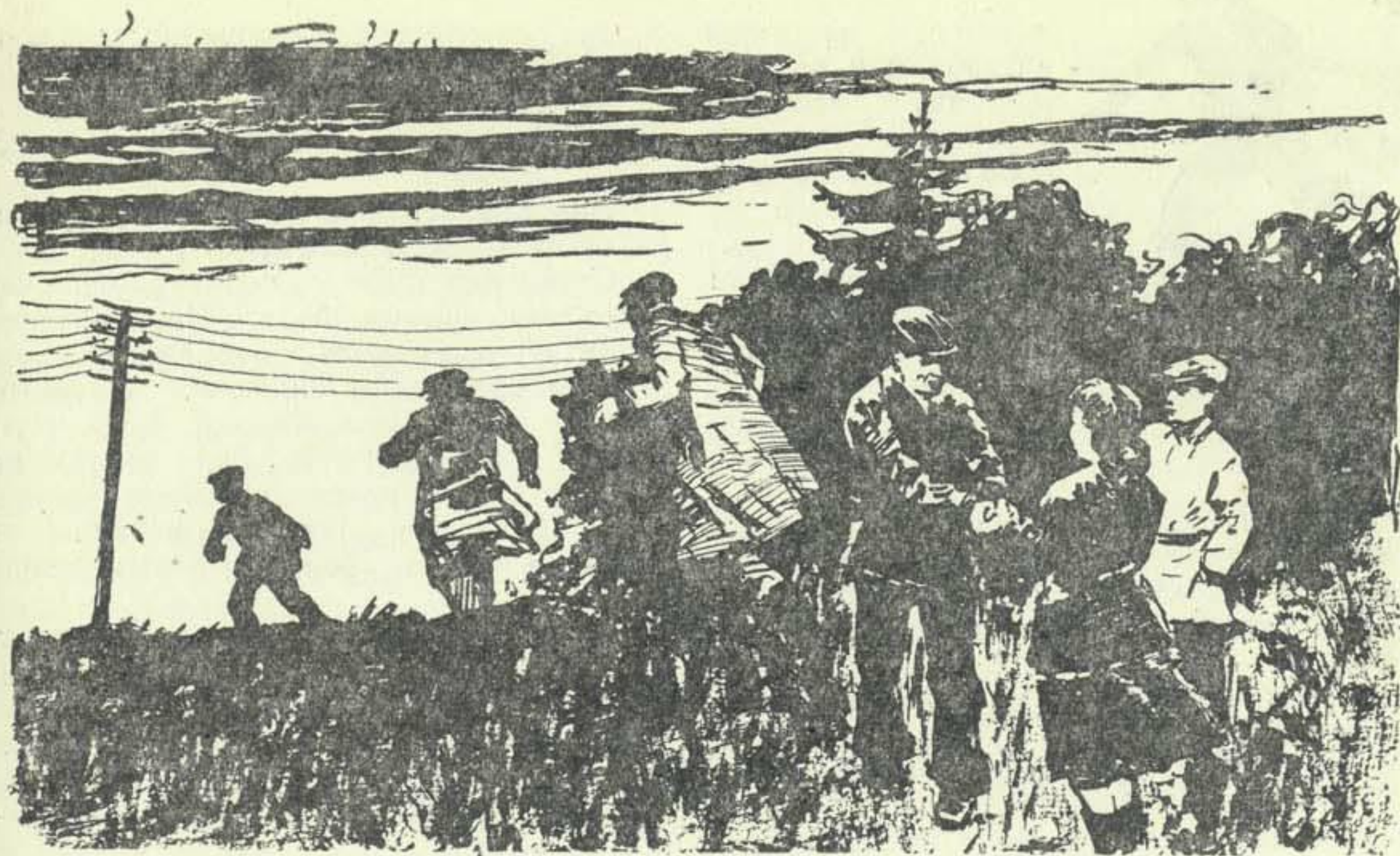
— Это можно, — подумав, согласилась Клава. — Пусть она корзину возьмет, бутылки... Будто за продуктами в деревню отправилась. Будет дорогу разведывать.

Бегство раненых было назначено через двое суток. К двум часам ночи Клава и еще четверо подпольщиков пробрались к больнице и затаились в палисаднике. Ровно в четверть третьего Зина осторожно выпустила через черный ход первого бойца, переодетого в гражданскую одежду.

Клава подвела его к Феде Сушкову, и тот, минуя все подозрительные места в городе, окраинной улицей повел бойца в поле, где поджидали Аржанцев и Аня Костина. Через десять минут Зина выпустила из больницы второго...

Последним уходил Шитиков. В замасленной кепке и старом пиджаке с чужого плеча, он был похож на мастерового и размашисто шагал вслед за Клавой.

— Маша, а я вижу, у вас неплохие помощники, — вполголоса говорил Шитиков. — Это что же, все из медперсонала?

— Помолчите пока, — предупредила его Клава. — До партизан доберетесь — все поймете.

В поле, в сыром овражке, она познакомилась Шитикова и его бойцов с Володи и Аней, отдала Аржанцеву последние наказы.

— Ну, что ж, трогайтесь, пора!

Бойцы пожалили ребятам руки. Прощаясь, Шитиков задержал руку Клавы в своей.

— Спасибо, Маша... Значит, живем, повоюем. Есть еще хорошие люди на свете.

— Думаю, есть, — в темноте улыбнулась Клава. — Желаю вам удачи...

Днем на базаре Клава встретила Анну Павловну.

В кургузом ватнике, в сером платке, с авоськой в руках, в которой погромыхивали алюминиевые ложки, кастрюлька и кружка, учительницу трудно было узнать.

— А-а, это ты, Клава! — обрадовалась она.

— Как же вы живете, Анна Павловна?

— В баню устроилась, кассиршей, — усмехнулась учительница. И рассказала, что с осени в городе собираются открыть школу. Ребят будут принимать с отбором, только из благополучных семей, на уроках введут закон божий, детей станут учить по новым учебникам, которые напечатаны в Германии. Нет, она в такую

школу работать не пойдет! — Работа в бане не завидная, но зато место бойкое. Людей вижу, разговоры слышу... Город-то, Клашенька, живет, оказывается. Листовки по городу ходят...

— Живет.

— Тебе привет от Седого, — Анна Павловна понизила голос. — Успехов желает. Просит, чтобы вы оружие к ним переправили... из своих запасов-то.

ОРУЖИЕ

Федя и Петька вышли за город на сбор оружия. Петька не был членом подпольной организации, но ловко находил в поле винтовки, автоматы, диски с патронами. Один раз ему даже посчастливилось отыскать ручной пулемет. Федя охотно брал с собой мальчика. К тому же, Петька пользовался доверием Клавы и умел держать язык за зубами.

По обыкновению ребята обвязались веревками и взяли мешки для травы.

Это было очень удобно. Набьешь мешок зеленой травой, как будто для козы или коровы, и ходи по полю сколько угодно, никто на тебя не обращает внимания.

Сегодня «оружейникам» не повезло. Федя с Петькой обошли пустырь около военного городка, обшарили все окопы и ходы сообщения, потом переправились через Великую и долго бродили по топкой

лошине, заросшей кустарником, но, кроме двух десятков стреляных гильз и осколков снарядов, ничего не нашли.

— Это как с грибами... повыбирали их, — вздохнул Федя. — Поздно мы вышли, Петька.

— Ничего... еще походим... может, что и найдется.

Привлеченный Клавой собирать оружие, он отдался этому делу с необыкновенным увлечением и мог без усталости целыми днями бродить по окрестностям Острова.

Федя покосился на оттопырившиеся Петькины карманы.

— Зря ты стреляные гильзы берешь.

— Ничего... сгодятся...

Ребята походили среди кустов еще с полчаса, затем Федя довольно решительно направился к шоссе, ведущему к городу.

Неожиданно раздался торжествующий крик:

— Есть трофей!.. — И Петька выскочил из-за кустов. В руках он держал винтовку.

— Видал находочку! Винтовка-трехдюймовка... А ты говоришь, все повыбирали! Кто ищет, тот найдет.

Приплясывая от возбуждения, Петька поглаживал ладонью ствол винтовки, вытирал о рубаху грязный приклад.

— Эх, сейчас бы по фрицам шарануть! Из целой обоймы!

Распалившись, он прижал приклад к плечу и, делая вид, что целится в грузовик на шоссе, около которого возилось трое немецких солдат, нажал на спусковой крючок.

В тот же миг грохнул выстрел.

— Ты... ты что?.. — Федя кинулся к мальчишке и вырвал у него винтовку. — С ума сошел!

— Я... я не знал, что она заряжена, — растерянно залепетал Петька. — Просто так...

С шоссе дали автоматную очередь. Над головами завизжали пули.

— Видал, что наделал... — сказал Федя.

Укрывшись за грузовиком, немцы продолжали стрелять из автоматов. Двое

солдат спрыгнули с обочины шоссе и, пригнувшись, побежали к кустам.

— А ну, ходу! — Федя, вытащив затвор из винтовки, швырнул ее в кусты.

— Бежим!..

Наконец показались первые огороды, какие-то дворы, сарайчики.

Стремглав пролетев через грядки с капустой и огурцами, Федя с Петькой перелезли через изгородь, продрались сквозь заросли крапивы и оказались в чьем-то дворике за высоким забором. Федя огляделся, сообразил, что они попали на усадьбу директора школы имени Ленина.

— Пересидим здесь, — шепнул он Петьке и первым вбежал в застекленную террасу.

Вбежал и обомлел — перед ним стояла Алла Дембовская. Она была в розовом халатике, в тапочках на босу ногу, золотистые вьющиеся волосы рассыпались по плечам.

— Федя? Ты? — вскрикнула Алла. — Что за чудо!

Федя криво улыбнулся, горло у него пересохло.

— Как видишь!..

— Значит, вернулся! И не дал о себе знать! — девушка кокетливо улыбнулась. — Вот нехороший... А я о тебе так часто вспоминала. Но каким образом ты оказался здесь? И в таком виде, — она покосилась на Петьку. — Вон что... Уж вы не за яблоками ли забрались?

— Ага... за яблоками! — хрипло произнес Федя, озираясь по сторонам и настороженно прислушиваясь.

Алла лукаво погрозила пальцем.

— Ну-ну, это на тебя не похоже!.. Пожалуйста, бери яблок сколько хочешь и так. — Она кивнула на вазу с душистыми румяными яблоками.

За высоким забором, отделяющим дом от улицы, послышался топот тяжелых сапог. Затем требовательно постучали в калитку.

Алла недовольно дернула плечом.

— Что там такое? Подождите, мальчишки, я сейчас...

Запахнув халатик и поправив волосы, она вышла с террасы и направилась к калитке.

— Это они! — шепнул Петька. — И знаешь, куда мы попали... Это же Алка, бургомистрова дочка. Ее папаша, видно, директорский дом захватил. Застукают нас теперь. Бежим скорее...

Но было уже поздно.

Алла открыла калитку и столкнулась лицом к лицу с немцами.

Злые, распаренные, взмокшие от бега, они грубо оттолкнули Аллу и ввалились во двор.

Федя и Петька присели на корточки и прижались к цоколю террасы.

— Позвольте! Как вы смеете! — властно, высоким голосом закричала Алла. — Это дом бургомистра Дембовского... А я его дочь!

— Цвай партизан... стреляйт винтовка... сюда скрывайся, — несколько смущенно забормотал один из солдат.

— Так бы и сказали. Действительно, двое каких-то пробежали. Вон туда... — Алла показала вдоль улицы. — А здесь дом бургомистра. И прошу не беспокоить! Грубияны!

Неловко потоптавшись, солдаты отступили за калитку. Алла резко закрыла ее на засов.

Прижавшись к цоколю, Федя и Петька сидели бледные, одеревеневшие.

— Ушли. Можете не волноваться, — сказала Алла. — Вот уж не думала, что вы партизанами стали.

— Куда нам! — буркнул Федя, поднимаясь.

— А в немцев вы все же стреляете?

— Да почудилось им... Мы просто траву для коз собирали, — с невинным видом сказал Петька.

Алла усмехнулась.

— Откуда же тогда у Феи в кармане затвор от винтовки?

Федя схватился за грудной карман и вспыхнул: из кармана у него действительно выглядывал затвор. Он быстро переложил его в карман брюк и с вызовом посмотрел на девушку.

— Хорошо, можем объясниться! Да, мы стреляли в фашистов! И будем стрелять! — Федя сказал это убежденно, со страстью, и Алле показалось, что он даже скрипнул зубами. — Будем уничтожать их... Ведь так, Петька?..

— Да их гадов, сволочей... — азартно подхватил Петька, но Алла протестующе замахала руками.

— Федя, что ты говоришь?! Ты умный парень и должен понять... Немцы — сила. Они пришли в Россию надолго и с самыми серьезными намерениями. Против них ничего уже не сделаешь... Они скоро возьмут Ленинград, потом войдут в Москву...

— «Сила», «серьезные намерения», —

зло передразнил Федя. — Вот как запела дочка бургомистра.

— Причем здесь «дочка бургомистра»? — Алла обиженно поджала пухлые губки. — Это мое внутреннее убеждение. России надо приобщаться к западной цивилизации. А немцы — культурные люди.

— Убеждение! — задохнулся Федя, с трудом сдерживая желание выкрикнуть девушке в лицо самое грязное ругательство. — Тогда зови фашистов!.. Выдавай! Скажи, что мы партизаны, что мы стреляли в них. Ну?.. Чего медлишь?

— Да пойми, Федя, — опешила побледневшая девушка. — Я не предательница... Я тебе желаю только добра...

— Ладно, ты, уймись! — перепуганный Петька схватил Фею за руку и потянул за собой. — Пошли отсюда!..

Выйдя с террасы, он проделал в изгороди отверстие и исчез через него. Вслед за ним, не удостоив Аллу взглядом, скрылся и Федя.

Девушка осталась одна.

Яростная вспышка Феи перепугала ее. Неужели он так ненавидит ее? А ведь юноша увлекался, ухаживал за ней, писал письма. Неужели все это потому, что ее отец стал бургомистром? Но он совсем не делает людям ничего плохого. Просто он помогает немцам наводить в городе порядок. А, что немцы сила и с ними ничего не сделаешь, в этом Алла действительно уверена. Ведь сколько войск и техники проходит через Остров! А как далеко немецкая армия проникла в глубь страны! Федя же просто какой-то неукротимый, бешеный, ненормальный. Знает все это, а лезет на рожон, дразнит немцев. Может, он пишет и распространяет листовки, те самые листовки, которые доставили так много неприятностей немецкому начальству и ее отцу. Тогда это совсем уж глупость! Отец так и сказал, что листовки, наверное, — дело рук комсомольцев, и даже просил Аллу при случае предупредить своих школьных приятелей и подруг, чтобы они не играли с огнем.

Алла не выдержала и в этот же день отправилась к Сушковым.

ТЕТКА И МАТЬ

Тетя Лиза обрадовалась ее приходу и растерялась. Девушка раньше была частым гостем у Сушковых, но с отъездом Феди в Ленинград совсем их забыла. К тому же она стала дочкой бургомистра, и тетя Лиза не знала, как себя с ней вести.

— Ах, Аллочка, куда тебя и посадить-то, не знаю,—засуетилась она.— Тесно у нас, бедно... Погорели мы! Вот и Федя куда-то запропастился... Может, пойти поискать?..

— Нет-нет, не надо,—остановила ее Алла.— Я к вам, тетя Лиза,—и она вполголоса рассказала, что ее племянник занимается недозволенным и опасным делом — сбором оружия. Сегодня с Петькой Свищевым они стреляли по немцам, их приняли за партизан, гнались за ними и могли бы схватить, если бы она, Аллочка, не выручила их. Тетя Лиза, конечно, знает, какой она большой друг Феде и как она желает ему добра. И напрасно Федя думает, что какими-то там листовками да случайно найденным в поле оружием можно поколебать могущество и силу немцев. А вот себе он может сильно повредить...

Тетя Лиза похолодела от страха. Всю свою нерастрченную женскую любовь она вложила в сына своей рано умершей сестры. Она не спала ночей, когда Федя простужался и заболел; она мучительно переживала, когда хилый Федя вбил себе в голову, что станет военным, и с болью проводила его в Ленинград. Возвращение Феди в Остров, когда здесь уже хозяйничали немцы, тетя Лиза приняла, как огромное несчастье. Она всячески оберегала племянника от опасностей, следила, чтобы он никуда не ходил, ни с кем не связывался, жил бы тихо и неприметно. Значит, он все-таки не послушался тетку. Недаром он часто куда-то уходит, встречается с приятелями, исчезает по ночам. И вот теперь дошел до того, что собирает оружие и стреляет в немцев. Что же будет с племянником?

— Я знаю, Федя все это не сам придумывает. Кто-то его подогревает! Но кто? Как вы думаете, тетя Лиза?

«Да она что? Допытывать меня пришла, выведывать?» — насторожилась тетя. И упрямо покачала головой: нет, нет, нет, она ничего не знает.

И в тот же миг ее осенило: «А ведь все это от Клаши идет, от вожатой». Недаром они с Федей встречаются по вечерам, часами сидят в сарайчике на огороде, о чем-то шепчутся.

— Меня и отец просил предупредить,—собираясь уходить, сказала Алла,—чтобы комсомольцы вели себя потише, немцев не дразнили... Иначе, все это может плохо кончиться.

— Да-да, совсем плохо,—согласилась тетя Лиза, провожая Аллу и обураваемая единственным желанием спасти Федю от опасности. С завтрашнего дня она устроит его куда-нибудь на работу к немцам, чтобы он не вызывал ни у кого подозрений. Или еще лучше — увезет его из Острова.

Когда Федя вернулся домой, тетка со слезами на глазах принялась умолять его уехать вместе с ней в деревню, есть у них где-то под Псковом дальние родственники. Федя будет там жить тихо, спокойно, вдали от немцев, думая только об одном, как бы перетерпеть эту злую годину.

— Послушай ты Аллочку! Она тебе помочь хочет... Просила предупредить.

— Вот откуда ветер дует! — вскипел Федя.— Так слушай, тетя! Никуда я отсюда не поеду. Живу и буду жить в Острове. А этой бургомистровой дочке скажи, пусть она сюда и носа не показывает. Я... я за себя не отвечаю... — И Федя, хлопнув дверью, ушел из дому.

Тетя Лиза долго сидела в раздумье: да, племянник уже не ребенок, его не остановишь. Значит, надо просить Клашу Назарову. Она ведь вожатая, наставница, она не пожелает молодым ребятам горя и несчастья и, наверное, поймет ее, старую женщину и почти мать.

И тетя Лиза в этот же день вечером направилась к Назаровым.

Клава с матерью сидели за столом и перебирали последние запасы гречневой крупы. При виде Фединой тети они переглянулись: в эти дни люди редко посещали друг друга, да еще по вечерам, когда хождение по городу без пропусков строго воспрещалось.

— Лизавета! Ты? И в такой час? — Евдокия Федоровна поднялась навстречу. Все же она была рада своей давней подруге.

Тетя Лиза махнула рукой, присела на лавку, обвела взглядом комнату и вдруг заплакала. Заплакала беззвучно, не спе-

ша, вытирая ладонью одутловатые морщинистые щеки.

— Тетя Лиза! — встревожилась Клава. — Случилось что-нибудь? С Федей?

Тетя Лиза заплакала еще сильнее. Потом, не стыдясь своих слез, шумно перевела дыхание и в упор, почти с неприязнью остановила свой взгляд на Клаве.

— Ишь ты, почуяла! Пока-то еще ничего не случилось, но беда не за горами... Вот-вот грянет. — И она пересказала все то, что узнала от Аллы Дембовской.

Евдокия Федоровна тихонько ахнула, Клава прикусила губу: и зачем только Сушков связался с этой дочкой бургомистра.

— А ведь это твоя работа, Клаша, — заговорила тетя Лиза. — По твоему навету Федя в пекло-то лезет...

— Что вы, — растерянно забормотала Клава. — Я-то при чем...

Глаза у тети Лизы вновь набухли слезами.

— Не сманивай ты Федю... Не толкай его в беду. Он же каждому твоему слову верит. Скажи ты ему, чтобы не лез он в эту свару. Он же молодой, ему еще только жить начинать. А вы же песчинки, зернышки маковы, куда вам супротив силищи басурманской. Сомнут вас, в прах развеют. Ну, втолкуй ты Феде, чтобы он тихо жил, неприметно. Пощади ты его.

По телу Клавы прошел озноб. А, может, и в самом деле пожалеть молодых ребят, не звать их на борьбу с захватчиками, дать им отсидеться в сторонке в ожидании лучших дней, но только чтобы такие люди, как тетя Лиза, были спокойны. Но как можно так думать, если кругом рушится самое дорогое и заветное, чем жила до сих пор молодежь. И разве Федя по чужой воле вступил в подпольную организацию. Он пришел туда по велению своего сердца, по зову совести, как пришли тысячи и тысячи юных патриотов в Красную Армию и партизанские отряды. Так думала Клава, собираясь спокойно и толково объяснить все это Фединой тетке.

— Клаша, голубушка! — умоляюще продолжала тетя Лиза. — Христом-богом тебя молю. Пощади ты моего Федюшку. Хочешь, в ножки тебе поклонюсь?..

Клава вскочила. Лицо ее пошло пятнами.

— Как вам не стыдно!.. — вскрикнула она. — Русская женщина!.. И такие слова!

— Погоди, дочка, — остановила ее мать, сидевшая до сих пор в глубокой задумчивости.

Чувствуя, что Клава сейчас наговорит лишнего, она обернулась к Фединой тетке.

— Послушай, Лизавета... Ты говоришь, молодым жить нужно. А как жить, если дышать нечем, если им на шею петлю накинута. Так как же эту петлю не сорвать, как не поднять руку на того, кто тебя душит. А ты над своим племянником, как клуха, трясешься... Я ничего не знаю, что делают молодые люди. Они нам этого не скажут. Но если они что-то и делают во вред врагам, то я только помолюсь за них. И благословлю от всего сердца. Так-то, Лизавета.

Федина тетка с удивлением подняла красные опухшие глаза, словно видела подругу впервые. Евдокия Федоровна присела с ней рядом. Клава незаметно вышла в сени: может, старые женщины лучше поймут друг друга...

Через полчаса Евдокия Федоровна проводила тетю Лизу домой.

Клава вошла в комнату и крепко обняла мать.

— Спасибо, мама! Ты все-все понимаешь...

— С такими дочками, как вы с Лелей, всему обучишься, — вздохнула Евдокия Федоровна, и глаза ее затуманились.

— Леля на фронт ушла... Ни слуху от нее, ни духу. А ты здесь для себя войну нашла... Как по острому ножичку ходишь.

— Да ну же, мама... — взмолилась Клава. — Знаешь, как я слез боюсь...

— Ладно, утру сейчас... А ты все же поосторожнее будь. Не одна ведь... ребята с тобой.

— Знаю. — Клава поспешила переменить тему разговора и спросила, что же делать с тетей Лизой?

— Тяжело ей... Совсем немцы голову задурманили. Думает, что их засилью конца не будет.

«А мама права, — про себя согласилась Клава, — плохо еще наши листовки до людей доходят».

На другой день Клава встретила с Федей и спросила его, как он ладит с тетей Лизой. Федя смутился и вынужден был признаться, что жить с ней в одном доме стало совершенно невозможно: тетка следит за каждым его шагом, готова держать взаперти, выдумывает всякие страсти-мордасти, будто его ищут по городу полицаи.

— Кстати сказать, ты сам в этом виноват,— Клава напомнила ему историю со стрельбой из винтовки, о встрече с Аллой Дембовской.

— Ну, и накрутили всякого,— ахнул Федя и объяснил, как было дело в действительности.

— А с этой Дембовской вопрос решенный. Я ее больше видеть не желаю. Веришь ты мне?

— Верю,— кивнула Клава.— А за случайный выстрел придется тебе отвечать перед штабом. Так подпольщики не работают. И за Петьку с тебя спросим... Почему за мальчишкой не следишь?

— Отвечу!— хмуро согласился Федя и вновь с раздражением заговорил о тетке.— Не могу я с ней жить. К Димке Петровскому переберусь... Он приглашает.

— Никуда тебе перебираться не надо,— твердо сказала Клава.— Продолжай жить дома. И будь с теткой помягче, поладь с ней. Сделай вид, что остепенился. Со мной пореже встречайся,— и она рассказала о своем разговоре с тетей Лизой.

— Да тетка мне руки свяжет, ходу не даст,— взмолился Федя.— Она мне даже работу подыскала — помощник киномеханика в офицерском клубе... Через какого-то знакомого. Да чтоб я фрицам фильмы крутил...

— Очень хорошая работа!— перебила его Клава.— В клубе нам давно нужен свой человек. Да и вообще нашим ребятам надо поближе к немцам на работу устраиваться... Мы уж говорили об этом...

Через несколько дней Федя начал работать в офицерском клубе помощником киномеханика.

ШВЕЙНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Жить становилось все труднее. Немецкие патрули и полицаи то и дело проводили облавы, вылавливали юношей и девушек и гнали их на работу: на торф,

на стройку узкоколейки, на ремонт шоссе, нередко полицаи заявлялись на квартиры, проверяли прописку в паспорте, требовали отметки биржи труда о месте работы.

Клава уже дважды отсиживалась в сенях в темном душном чуланчике, пережидая, когда уйдут непрощенные гости.

Как-то раз к Назаровым зашла мать Тимошки Рыжикова — Севастьяниха. Она работала теперь в домоуправлении и ревностно следила за пропиской жильцов и получением продовольственных карточек.

Клава, заметив через окно приближение Севастьянихи, еле успела юркнуть в чуланчик.

Переступив порог комнаты, Севастьяниха, высокая пучеглазая женщина с рябым лицом, истово перекрестилась на передний угол, хотя там не было ни одной иконы, потом строго оглядела комнату и обратилась к Евдокии Федоровне.

— Опять Клашки нет. Где это она скрывается?

— Должно, на базар побежала,— отводя глаза в сторону и кутаясь в ватник, ответила Евдокия Федоровна.— Пить, есть надо...

— Вот то-то, что надо... А почему девка у немцев не служит, на работу не ходит? Карточку бы получила...

— А кто же без нее за мной, старухой, присматривать будет? Совсем я что-то разваливаюсь.

— Петли петляете...— подозрительно хмыкнула Севастьяниха.— Есть нечего, а Клашка то и дело вечеринки закатывает, патефончики, песни, пляски. Чересчур весело живете, Назаровы.

— Так дочка же молодая...

— Смотри, допляшется девка,— пригрозила Севастьяниха.— Погонят ее канавы копать. А у тебя, старая, карточку отберут, будешь зубами лязгать...

Выбравшись после ухода Севастьянихи из чулана, Клава застала мать в слезах.

— Опять эта полицаева мамаша раскаркалась...— пожаловалась Евдокия Федоровна.— Все пугает, что тебя из дому угонят. Ты бы уж зацепилась за какую-нибудь работу.

— Я ищу, мама, ищу...

В тот же день, выйдя в определенный час на Великую за водой, Клава натолкнулась на Любу Кочеткову: в эти дни берег реки стал местом встреч Клавы с подпольщиками.

Девушка сидела на белом камне и грустно смотрела в воду.

— Люба, что у тебя? — тихо окликнула ее Клава.

Вздвогнув, девушка поднялась и с виноватым видом рассказала. Сегодня полицаи из комендатуры вновь требовал у нее справку с биржи труда и едва не забрал ее на ремонтно-дорожные работы. Люба с трудом упростила повременить еще день-другой. А тут подвернулась Алла Дембовская и предложила ей свои услуги: через отца-бургомистра она может ее устроить служить на биржу труда.

— Ты же знаешь, Алла была моя лучшая школьная подруга, — виновато призналась Люба. — А теперь... теперь я видеть ее не могу... Я ей так и скажу: «Наши придут — вам с папашей первая пуля».

— Глупости... Не смей этого делать.

— Как не сметь?! — удивилась Люба. — Она же такая... С офицерами якшается...

Клава обняла Любу за плечи.

— Ты пойми... нам очень нужен свой человек на бирже труда... Ты должна обязательно туда устроиться. И пусть это будет через Аллу или ее папашу, пусть хоть через самого Гитлера. Все равно... это же война...

— Значит, идти?!.

— Обязательно... И как можно скорее.

Через несколько дней Люба уже работала на бирже труда регистраторшей. И это действительно помогло подпольщикам. Люба сообщала ребятам и девушкам, где будет работа, как туда устроиться, с кем надо вести переговоры.

Вскоре Нине Опричко удалось определиться в паспортный отдел при полевой комендатуре, Варе Филатовой — уборщицей при штабе воинской части, Диме и выздоровевшему Саше Бондарину — черно-рабочими на лесозавод.

Но более всех удивил ребят Федя Сушков. Он стал работать сразу в двух местах — электромонтером на железной дороге и киномехаником в бывшем Доме культуры, где теперь помещался офицерский клуб.

Зато не повезло Борьке Капелюхину. Он почти уже устроился рабочим на электростанцию, но его неожиданно захватили при облаве и направили за город на торфоразработки. Рослый, здоровый парень очень подошел немцам.

Через неделю Борьке удалось вы-

рваться домой, и он забежал к членам штаба, чтобы посоветоваться, как ему быть. Борька рвал и метал. Чтобы он работал на поганных фрицев за какие-то там четыреста граммов хлеба и пачку сигарет? Нет, этого он не потерпит. Пусть лучше Клава отправит его с очередной партией выздоровевших раненых в лес, к партизанам.

— погоди, — остановила его Клава. — Расскажи все по порядку о торфоразработках.

— Что ж там рассказывать, — заартачился Капелюхин. — Согнали нас, дурачков, со всей округи. Ребята здоровые, молодые. Одних силой пригнали, других завербовали. Хлеб дают, деньги платят. Вот и ищем! Охраны особой нет, но отлучиться без разрешения никуда не смей...

— И много молодежи согнали? — спросила Клава.

— Человек сто пятьдесят наберется. Клава задумалась.

— Ребята, ну, будьте людьми. Переправьте меня к партизанам... — принялся упрашивать Капелюхин. — Не могу я в торфе копать...

— Ну, хорошо, мы тебя переправим, — заговорила Клава. — А остальные куда денутся?

— Это уж их дело, — Капелюхин пожал плечами. — Кто во что горазд.

— Но ты же член подпольной комсомольской организации, клятву принимал... — напомнила Клава.

— Ну, принимал...

— А нам сказано оставаться в городе и вести подпольную работу. От партизанского отряда никто бы, пожалуй, не отказался.

— Еще бы, — подтвердил Володя Аржанцев и строго оглядел Капелюхина. — У меня предложение такое. Раз Борис попал на торфоразработки, оставить его там и поручить проводить подпольную работу.

— Да вы что?! Смеетесь надо мной? — взмолился Капелюхин. — Какая ж там работа...

Клава одобительно кивнула Володе головой.

— Работы хватит. Будешь листовки распространять, газеты. Добивайся, чтобы молодежь поменьше торфа добывала. Что можно, ломайте, выводите из строя...

— Клава права, — подал голос Федя Сушков. — Борька должен остаться. Можно проголосовать...

И Капелюхин остался.

Только сама Клава никак не могла найти себе работу.

Однажды она заметила, как соседка по квартире Мария Степановна вместе со своей дочерью вешала над крыльцом фанерную вывеску.

На фанере фиолетовыми чернилами было написано:

«Пошивочная мастерская мастерицы Самариной».

Клава остановилась, прищурила черные глаза и не могла не фыркнуть.

— Что это, тетя Маша? Частное предприятие открываете?

Самарина на мгновение сконфузилась.

— И не говори... Любое выбирай, а пить, есть надо! То ли дорогу иди строить, то ли мастерскую заводи.

— Сколько же у вас наемных рабочих будет?

— Чего? — не поняла сначала Самарина, потом сердито махнула рукой: — Да что я — кровосос какой... чужих людей нанимать... Сама хозяйка, сама и швея. Да вон еще девчонки будут помогать, — кивнула она на двух своих дочек. — Главное, чтобы вывеска была...

Клава улыбнулась: это, пожалуй, неплохо придумано. Немцы охотно поддерживают частных хозяинок, выдают им патент, продовольственные карточки, освобождают от тяжелых работ.

— Тетя Маша, — вполголоса заговорила Клава. — А возьмите меня швеей...

— Чего? — испугалась Самарина. — Тебя внаем? Комсомолку, вожатую? Потом еще скажешь, что я эксплуататорша... чужую кровь пью.

— Да нет, не скажу, — засмеялась Клава. — Я и шить-то почти не умею. Мне тоже вывеска нужна. Главное, в городе высидеть, чтобы не услали куда-нибудь к черту на рога.

Дочери Марии Степановны, Рая и Люся, которые были привязаны к Клаве еще со школы, принялись упрашивать мать принять Клаву Ивановну к ним в мастерскую.

— Ну, если такие ходатаи за тебя, это другое дело, — подумав, согласилась Самарина. — Ладно, приму...

На другой день она отправилась в городскую управу и сумела оформить Клаву в качестве швей-ученицы в своей мастерской.

— Им что... Только налог плати, а там хоть черта-дьявола оформят,

— А налоги, тетя Маша, большие? — поинтересовалась Клава.

Самарина назвала цифры: столько-то с выработки, столько-то за ученицу.

Пораженная Клава даже присвистнула:

— Да я вам столько и не выработаю. Разоритесь вы, тетя Маша.

— Как-нибудь вытянем, — успокоила Мария Степановна. — Мы свои люди, советские...

И мастерская Самариной начала работать. Горожане приносили заказы на пальто, платья, кофточки, юбки. Приезжали заказчики из деревни. Чаще всего они расплачивались за работу продуктами, и это очень устраивало Марию Степановну и ее ученицу. Зачастили в мастерскую и близкие знакомые Клавы: Варя Филатова, Федя Сушков, Саша Бондарин, Дима Петровский.

На взгляд хозяйки мастерской, заказчики они были грошовые, нестоящие, шили обычно какую-нибудь мелочишку, но зато без конца требовали переделок и поправок. Федя Сушков, например, заказал сатиновые шаровары, а на примерку ходил чуть ли не каждый день.

— Ох, и привередливый заказчик пошел, — досадовала Мария Степановна и поручила вести дела с молодыми заказчиками Клаве.

Ей это было только на руку. Клава удалялась с очередным «заказчиком» за занавеску, в примерочную, оттуда выходила в сени и выслушивала короткое сообщение о том, сколько замечено солдат, танков, орудий, самолетов, грузовиков с грузами. Сообщение повторялось два раза. Клава старалась запомнить все сведения на память, не прибегая к бумаге и карандашу, и только вечером у себя дома она составляла краткую сводку. Сводку потом передавала Володе Аржанцеву, который тоже был частым посетителем мастерской. А ночью Володя отправлялся в очередной рейс к партизанам.

— Страшно, Володя? — спрашивала Клава. — Ты ведь, как через зверинец, пробираешься...

— Всякое бывает... — отвечал Володя. — Теперь ведь везде зверинец... Мне Аня здорово помогает... Ловко она под нищенку-побирушку работает...

— Ты, Володя, ее береги. Золотая дивчина.

— Да я за нее хоть две жизни... — вспыхивал Аржанцев.

Мастерская Самариной пришлась подпольщикам по душе. Они охотно и часто забегали к Клаве, порой даже без особой надобности.

— И ловко же ты придумала — в частную мастерскую устроиться, — как-то раз принялся расхваливать Клаву Федя Сушков, вновь пришедший переделывать свои злополучные шаровары. — Тихо, спокойно, немцы сюда и носа не кажут...

— А ты болтун и мальчишка, — оборвала его Клава. — Зачем опять с шароварами пришел? Хозяйка уже подозревать начинает. И вообще, нечего здесь устраивать красный уголок. — И она наказала ребятам заходить в мастерскую только в крайних случаях.

Узнали про мастерскую и немцы. Однажды появился какой-то чиновник и потребовал, чтобы вывеска была на немецком языке.

Мария Степановна пожаловалась, что она не знает немецкого языка.

Чиновник принялся назидательно объяснять, что если человек вступил на путь частного предпринимательства, то тем самым он всей душой принимает новые порядки, и ему непростительно не знать немецкого языка.

— Срок цвай день... Вывеска по-немецки нет — будем получать штраф... — И чиновник назвал солидную сумму.

Переполюшавшаяся хозяйка велела своей старшей дочери написать вторую вывеску.

— Уж я им намалюю, уж я им... — погрозила кулаком Рая и нарисовала на фанере такое, что Клава даже с помощью словаря ничего не могла разобрать.

— Ты что?.. — удивилась она. — За эту вывеску двойной штраф получить можем.

И ей пришлось переписать заново.

Пошли с заказами и немцы. Один принес кусок сатина и велел сшить полдюжины трусов. Мария Степановна поморщилась, но отказаться не посмела. Трусы взялись шить Рая и Клава.

— Наш сатин-то, советский, — заметила Рая, зловеще шелкая ножницами. — Награбили где-нибудь...

Трусы она сшила очень быстро и, показав их Клаве, от удовольствия захихикала.

— Хороши? И косо, и узко, и порточины разные. Прямо хоть сейчас на чучело. Носи, фриц, на здоровье.

— Да ты что? — рассердилась Клава, вырывая у нее из рук трусы. — На рожон

лезешь? Хочешь, чтобы мастерскую закрыли? А, может, и хуже того... Сейчас же переделай...

Рая, недоумевающая и с горестным разочарованием, посмотрела на Клаву.

— А я думала, ты настоящая Клава Назарова... смелая... А ты вон что... — и, швырнув в угол трусы, она вдруг выкрикнула: — Люди кровь проливают, а мы трусики шьем. Да еще на кого? Все равно я на них работать не буду. И все тут!

Клава не узнавала девочку. Обычно в школе тихая, неприметная, любящая пожаловаться на мальчишек, державшаяся всегда особняком, сейчас Рая казалась совсем другой.

Клава подошла к Рае и обняла ее.

— Послушай! Ты уже умница стала... Только не шуми... я тебе все объясню. — И она подумала о том, что дочку портнихи надо будет привлечь к себе в помощницы.

ЗА СЧАСТЬЕ ОЛЕЧКИ!

Тетя Лиза была довольна: Федя явно поумнел. Он уже не томился от безделья, не отсиживался в чулане, не бегал больше к Клаше Назаровой, а поступил на работу.

Каждое утро, забрав инструмент, он степенно направлялся на станцию. Да и профессия у него совсем неплохая — электромонтер.

Это ведь куда лучше, чем гнуть спину на торфоразработках или строить узкоколейку. К тому же Федя получает от немцев за свою работу хотя и небольшое, но жалованье и продовольственную карточку.

А, отработав смену, по вечерам он ходит в клуб офицеров, где помогает киномеханику. В свободные же часы Федя почти безвыходно сидит дома, в маленьком деревянном сарайчике, что-то чинит, паяет, стучит молотком, орудует пилой.

Вот и сейчас Федя чуть свет отправился на работу. Работа, прямо сказать, не из сложных: в одном месте починить проводку, в другом — нарастить провод, в третьем — заменить перегоревшие пробки. Но больше всего Федя любит исправлять фонари на железнодорожных путях.

— А ну-ка, парень, заберись на столб на втором пути, — обычно приказывал ему старший электрик, пожилой глухова-

тый мужчина. — Разберись там, почему опять света нет...

Нацепив на ноги кошки, Федя с удовольствием забирется на столб, это как раз то, что ему нужно. Лучшего наблюдательного пункта и не найдешь. С него отлично видны железнодорожные пути, подходящие и уходящие поезда, видно, что везут под брезентом на длинных платформах, что разгружают из вагонов. Без труда можно подсчитать ящики с боеприпасами, орудия, танки, цистерны.

Неторопливо делая свое дело, Федя долго сидит на столбе, все замечая и запоминая. И, когда дольше сидеть на столбе становится уже подозрительным, Федя спускается вниз и идет к старшему электрику за новым заданием.

Теперь тот посылает его чинить фонарь на четвертый или пятый путь, где опять неизвестно почему не горит свет. И невдомек старому электрику, что все это происходит не без участия Феи, который, починив проводку на одном столбе, сам же портит ее на другом.

И так идет день за днем...

После работы, забежав в швейную мастерскую, он вполголоса докладывает Клаве о всем виденном за день.

А в это время недалеко от висячего моста обычно удил рыбу Дима Петровский. Здесь тоже удобное место для наблюдений. Правда, рыбак Дима неважный, долго маячить у моста ему небезопасно, и Клава часто присылает ему на смену Петьку Свищева или кого-нибудь из девчат. Девчата звонко шлепают вальками по мокрому белью, а глаза их неотрывно следят за мостом, где идут машины.

И так со всех сторон стекались к Клаве Назаровой сведения, которые она через Володю или Анну Павловну незамедлительно переправляла в лес, к партизанам.

Особенно важные донесения доставляла ей Варя Филатова.

Подруга с большим трудом устроилась работать на кухню в военном городке. Перед этим ее долго расспрашивали о родных: нет ли кого из близких в Красной Армии или в партизанах.

На кухне Варя чистила овощи, мыла посуду, выносила помой. Ее работу тщательно проверяли, и Варе приходилось вкладывать немало усердия, чтобы шеф-повар был доволен ею.

Делая свое маленькое дело, она не забывала следить за немецкими солдатами, подсчитывала, сколько человек обедает в столовой сегодня, сколько — завтра, узнавала, куда уезжают одни солдаты, откуда прибывают другие.

Чтобы понравиться немцам, Варя прикидывалась легкомысленной особой, любящей только наряды да ухаживания.

Иногда она принимала приглашения немецких офицеров и ходила с ними в кино или на танцы. Горожане провожали ее ненавидящими взглядами, и Варя, до крови кусая губы, готова была провалиться сквозь землю. Порой ей казалось, что даже подпольщики смотрят на нее косо и подозрительно.

А дома Варю допекала старая мать.

— На что это похоже, Варвара! — как-то раз с болью заговорила она. — В городе на тебя пальцами показывают. А ты же мать, у тебя дочка растет...

— Да помолчи ты, мама... и без тебя тошно! — в сердцах вырвалось у Вари. — Ни с кем я не любезничаю... Я их всех... задушить готова... — и, с трудом сдерживая нервную дрожь, она крепко прижала к груди упругое тельце дочки.

— Нашла бы ты себе другую работу, — упрашивала мать.

Варя задумалась. А, может, и в самом деле уйти из военного городка, поступить куда-нибудь на льнозавод, в цех, где ни один офицер не заметит ее и не станет за ней волочиться. Надо поговорить об этом с Клавой, ведь они с ней подруги.

Но тут ей вспомнились другие подпольщики: Володя Аржанцев с Аней, которые, постоянно рискуя жизнью, то и дело пробираются к партизанам; Федя Сушков, что развлекает гитлеровских офицеров кинофильмами; Саша Бондарин, по воле подпольщиков ставший полицаем... Они ведь не жалуются, не пищат, не ищут места потише да поспокойнее. А сама Клава Назарова...

На днях от партизан было получено задание разведать укрепленный район гитлеровцев около Сошихина.

Клава долго ломала голову, как туда попасть. Наконец через знакомых девчат, работающих в комендатуре, ей удалось

раздобыть два пропуска для поездки в деревню за продуктами — себе и Петьке Свищеву.

В тот же день они тронулись в путь. Одевшись под нищих, Клава и Петька бродили по лесу, делая вид, что собирают грибы и орехи. Они появлялись около строящихся укреплений, немецких военных частей. Петька выпрашивал у солдат сигареты, хлеб. Так они провели около прифронтовой полосы с неделю.

Вернувшись домой, Клава нарисовала план укреплений, составила донесение и все это переслала партизанам.

И Варя, стиснув зубы, продолжала работать на кухне военного городка.

Вскоре ее перевели на уборку помещений в солдатской казарме, потом она вошла в доверие к офицерам и стала прибирать у них в комнатах.

Как-то раз офицеры затеяли банкет. Варя им прислуживала. Немцы перепились, один из обер-лейтенантов впал в беспамятство, и Варя вызвалась отвести его в комнату. Долго поливала ему голову холодной водой, потом уложила в постель.

На столе лежала какая-то карта-план: обер-лейтенант то ли изучал ее, то ли перерисовывал.

Варя вгляделась в карту, увидела схематический план Ленинграда, какие-то стрелы, названия воинских частей и сунула карту за пазуху. Затем она осторожно опрокинула стол, пролила на полу туш, разбросала по комнате вещи и поспешно ушла из военного городка.

План спрятала дома, а рано утром ни жива, ни мертва вернулась в городок и принялась будить обер-лейтенанта.

Зеленый, еле стоящий на ногах офицер бросился к опрокинутому столу, потом принялся шарить в шкафу, на этажерке.

— План... карта! Здесь был... на столе! — хрипло заговорил он, наступая на Варю.

— Да что вы, обер-лейтенант... Проспитесь сначала.

Офицер вдруг схватил Варю за горло.

— Говори, девка! Где план?

— Пустите... кричать буду! — Варя с трудом вырвалась из его рук и кинулась к двери. — Ничего я не знаю! Вы здесь вчера такой погром учинили... Какие-то бумаги со стола в печке сожгли. Можете вот других офицеров спросить...

Обер-лейтенант, увидев следы пьяного дебоша в комнате, схватился за голову...

А вечером Варя пробралась на квартиру к подруге и показала ей план-карту.

Лицо у Клавы просияло.

— А находочке, кажется, цены нет. Это же план окружения Ленинграда. Как тебе удалось достать? — и, заметив синее пятно на шее подруги, тихо спросила: — Били тебя?

— Нет... придушили чуть... — Варя, закусив губу, отвернулась, потом, не выдержав, расплакалась. — Ты думаешь, я от боли... Тут другое... Ходишь среди офицеров, как дрянь последняя. Тебе гадости говорят, хамят, липнут, а ты улыбаешься, кокетничаешь. Противно... ненавистно все!

Подруги долго молчали.

— Что ж делать...— вздохнула Клава.— Мы знали, на что шли. Сил нет— могу я встать на твое место...

Варя покачала головой: нет-нет, это только минутная слабость. Она знает, на войне легкого не ищут...

— Ты только ребятам объясни,— попросила Варя подругу.— А то на днях иду я с офицером по улице, а Дима Петровский мне навстречу. Видела бы ты, как он мне в лицо фыркнул...

Клава нахмурилась.

— Объясню... обязательно! — пообещала она, потом неожиданно спросила: — Олечка-то совсем большая стала?

— При чем тут Олечка?

— Да так, вспомнила...— уклончиво сказала Клава.— Надо бы ее день рождения отметить... Хорошая дочка у тебя растет.

— Как тут отметишь,— вздохнула Варя.— В доме пусто, хоть шаром покати.

Подруги расстались, а ровно через неделю, под вечер, Клава заявила к Филатовым.

Она поздравила мать и бабушку с днем рождения Олечки, крепко расцеловала девочку и тут же принялась примерять на нее цветастое ситцевое платье.

— Сама шила,— похвалилась Клава.— Война кончится, я еще, пожалуй, модисткой заделаюсь.

Затем пришел Федя Сушков, Саша Бондарин, Дима Петровский, Люда Кочеткова, Зина Бахарева. Всего собралось человек семь. Каждый поздравил Олечку с днем рождения и что-нибудь преподнес ей: кто детскую игрушку, случайно обнаруженную дома, кто башмачки, кто кулечек конфет, кто кусок белой булки, ставшей большой редкостью в городе.

Дима Петровский со смущенным видом поставил на стол бутылку с медицинским спиртом.

— Это тоже на «зубок» новорожденной? — засмеялся Саша.

— Это от мамы,— пояснил Дима.— Компрессы там ставить девочке, растирания делать.

— А откуда вы, друзья-товарищи, узнали, что у Оли день рождения? — спросила Варя у ребят.

— Мы же теперь разведчики,— улыбнулся Федя.

Варя покосилась на подругу.

— Я им только про день рождения напомнила,— призналась Клава.— А подар-

ки — это они по своей инициативе сделали ей.

Позже всех к Филатовым заявился Ваня Архипов.

— А я, ребята, бегал по городу и ничего для маленькой не нашел,— виновато произнес он.— Во всех лавочках — шаром покати. На рынке — голые прилавки. Сейчас легче луну с неба достать, чем что-нибудь стоящее раздобыть. Вот только картошки принес... со своего огорода,— и передал полную кошелку, как на подбор, крупной картошки.

— Тоже красиво! — обрадовалась Клава.— Вот и попируем, почествуем Олечку.

— Неплохо бы еще внутреннее растирание сделать,— Федя покосился на бутылку со спиртом, потом на Клаву.— Вы как к этому относитесь, товарищ пионервожатый?

— В целом положительно... Но не больше двадцати граммов на душу.

Через каких-нибудь полчаса чугунок с рассыпчатой картошкой, дымясь ароматным паром, уже стоял на столе. У хозяйки дома нашлись соленые огурчики, капуста, грибы, и никогда еще столь скромный ужин не казался ребятам таким вкусным.

Варя налила каждому по полрюмки спирту. Клава поднялась из-за стола и посмотрела на мирно спящую в своей кровати Варину дочку.

— За счастье Олечки! — сказала она, поднимая рюмку.— И пусть эти черные дни пройдут для нее, как дурной сон.

Ребята храбро опрокинули рюмки со спиртом, обожглись, закашлялись и принялись жадно запивать водой.

— А твоя «находочка», Варя, уже доставлена куда надо,— обратилась Клава к подруге.— Седой тебе благодарность шлет.

— Мне? Правда? — вспыхнула Варя.

— Именно тебе... Позавчера Володя Аржанцев сообщил.

Ребята, которые знали уже от Клавы, чем занимается Варя в военном городке, с уважением посмотрели на молодую мать.

— Ты на меня не сердись,— шепнул Варе Дима Петровский.— Мало я знал о твоей работе... Теперь Клава мне все объяснила...

— Ничего, Дима... Я не сержусь,— ответила Варя и подумала о том, как это хорошо, что Клава придумала такую пирушку.

ТРАХОМА

Вернувшись из лесу, Володя Аржанцев передал Клаве очередные задания партизанского штаба и между прочим сообщил, что в отряде перехватили директиву фашистского командования. В ней говорилось о том, что фюрер приказал доставить в Германию из восточных областей четыреста-пятьсот тысяч отборных, здоровых и крепких девушек.

— Седой просил передать, что надо быть начеку. Советовал предупредить молодежь, что их ожидает в Германии. И главное, сделать так, чтобы никто не хотел туда ехать.

В этот же день по цепочке Клава собрала у себя на квартире всех комсомольцев и рассказала о задании партизанского штаба. Было решено, что каждый подпольщик предупредит живущих с ним по соседству девушек о том, что их ожидает в ближайшие дни. Наметили выпустить листовку.

— Надо, чтобы девчата отсиживались дома, не показывались на глаза немцам,— наказывала Клава.

Вскоре в Острове появились вербовщики. Они расхаживали по домам, ловили молодежь на бирже труда и расписывали прелести жизни в Германии.

На стенах домов появились красочные плакаты. Русоволосая русская дивчина стояла на подножке вагона и, источая медовую улыбку, словно уезжала на курорт, приветливо махала рукой. Под плакатом крупная надпись: «Я еду в Германию».

Но охотников ехать на чужбину не находилось. Юноши и девушки отсиживались дома, прятались от вербовщиков.

А на плакате, что висел около комендатуры, чья-то рука, словно перечеркнув сияющую улыбку девушки, приглашающей поехать в Германию, крупно написала: «Ну и поезжай...» И дальше следовало забористое бранное словечко.

Тогда немцы отдали распоряжение всем девушкам города пройти медицинскую комиссию. За неявку были обещаны всякие кары. Полицай разносили по домам повестки, брали от матерей подписку, что их дочери извещены о комиссии.

Получила повестку Рая Самарина, потом и Клава.

— Вот тебе и частная мастерская,— расстроилась Мария Степановна.— А я-то надеялась...

Энергичная и хлопотливая, она не могла долго предаваться унынию и направилась в городскую управу, где у нее были какие-то связи.

Там она выяснила, что немцы будут отправлять в Германию только самых здоровых девушек. Тогда Мария Степановна пошла к знакомой врачихе, которую много лет обшивала, и вернулась с двумя справками для Рая и Клавы. В одной было сказано, что Рая — припадочная, в другой, — что у Клавы трахома.

Девушки остолбенели.

— Да-да,— прикрикнула на них Мария Степановна.— Соображать надо. С волками жить — по волчьи выть. Немцы, они любят бумажку. Поверят, что вы больные, — останетесь дома, не поверят — будете у какой-нибудь фрау свиней выхаживать.

— Ну, если на то пошло, — решила Рая.— Я им такую припадочную разыграю, вся комиссия разбежится.

Клава вначале не очень поверила в затею Марии Степановны, но несколько позже, встретив девушек, побывавших на комиссии, она убедилась, что немцы действительно не берут в Германию болезненных и хилых.

В тот день Клава пришла к Елене Александровне.

— Можно с вами говорить откровенно?

— А разве у нас когда-нибудь было по-другому? — удивилась Елена Александровна.

— Да нет... — смутилась Клава.— Очень вы рискуете многим. Боюсь я за вас.

— А за себя не боишься?.. А за ребят? Эх, Клаша, Клаша. Говори уж... мы одной веревочкой связаны.

И Клава поведала о своем плане. Нельзя ли девчат, которым грозит отправка в Германию, снабдить справками о болезнях. Может быть, это кому-нибудь из них и поможет.

Елена Александровна задумалась.

— Попробую, — согласилась, наконец, она.— Но много девчат ко мне не пошлай. Может показаться подозрительным. Я тут поговорю с другими врачами, думаю, что не откажут.

— Спасибо, Елена Александровна. Я так и знала, что вы поддержите...

— Что ж там «спасибо».— Елена Александровна взяла лист бумаги.— Давай с тебя и начнем...

— У меня уже есть... трахома.

Елена Александровна покачала головой.

— Хороша трахомщица... Любой парень глаз не оторвет. Нет уж, болеть, так болеть...— И она принялась учить Клаву, как добиться покраснения век.

Неделя прошла в тревожном ожидании. Рая с Клавой почти ничего не ели, позеленели, похудели. Рая, часами сидя перед зеркалом, училась подергиваться, закатывать глаза, судорожно глотать слюну. Клава безжалостно натирала глаза луком.

Комиссия прошла благополучно: то ли немцы действительно поверили бумажке, то ли вид девушек убедил их, что в Германии такие батрачки не пригодны.

С трудом сдерживая радость, Клава и Рая вернулись домой и бросились обнимать и целовать Марию Степановну.

— Да ну вас,— отбивалась та.— Ты, Райка, и впрямь сумасшедшая! А у тебя, Клаша, трахома на глазах...

К вечеру стало известно и о других девчатах: одну комиссия освободила как туберкулезницу, другую — из-за экземы, третью — из-за недоедания.

Но многим и не повезло: их прямо после комиссии отправили на льнозавод и поместили в пустой сарай.

А через день узнали, что в сарай попала Аня Костина.

Немцы уже больше не церемонились, хватили девушек где попало и в ожидании отправки в Германию держали под стражей. Аня и была схвачена во время облавы.

Все это взбудоражило ребят. Они собрались к Клаве.

Володя Аржанцев во всем обвинял себя: это он отпустил Аню в город. Ведь сколько раз девушка проскальзывала перед самым носом немецких патрулей и полицаев, и надо же было ей так глупо попасть в эту облаву?

— А все равно не быть девчатам в Германии... Не пустим! Отобьем! — с мрачной решимостью заявил Володя и принялся развивать перед ребятами свой план. — Надо выделить боевую пятерку, напасть на охрану у сарая и освободить девчат.

Он уже выяснил, охрану возглавляет Тимошка Рыжиков, и будет очень кстати, если они прикончат эту мразь.

У ребят от такого воинственного плана загорелись глаза. Оружия у них более

чем достаточно, смелости хватает, и пора уж им начать боевые действия.

— Все это хорошо,— остановила комсомольцев Клава.— Но там ведь наши девушки. Пойдет стрельба, и они пострадают в первую же очередь... Да и боевые действия начинать рано.

Аржанцев почти с неприязнью взглянул на Клаву.

— Неужели мы струсим, неужели оставим своих?

Клава не на шутку встревожилась. Сейчас Володя в таком состоянии, что может не послушаться ее, увлечь ребят своим сумасбродным планом.

— Нет, Володя, здесь надо другое,— медленно заговорила она.— Нам предстоит еще одно испытание. Кто-то из нас должен поступить на службу в полицию. Кто на это согласится?

Ребята ахнули. Им пойти в полицию? Да и за кого Клаша их принимает? В своем ли она уме?

— Я в здравом уме и говорю совершенно серьезно. Нельзя забывать, что мы живем среди врагов и должны знать каждый их шаг. Служба наших в полиции поможет этому.

— Но что скажут товарищи? Родители? — вырвалось у Феди.

— Да, нелегко! Для этого требуется мужество, характер. Но нам нужны в полиции свои люди... Есть такое задание партизанского штаба.— Клава обвела подпольщиков взглядом.— Ну, кто готов на это?

— Я пойду,— после долгого молчания вызвался Аржанцев.

— Нет, тебе нельзя.— Клава покачала головой.— Ты держишь связь с партизанами.

Поднялся Саша Бондарин.

Бледный, вытянувшийся, он после болезни впервые появился среди ребят и жаждал настоящего дела.

— Позвольте мне...— отрывисто сказал он.— Если это комсомольское поручение, я готов! Да мне и не так стыдно будет: родителей-то моих здесь нет.

— И меня пустите,— подал голос Ваня Архипов.— Вдвоем нам легче будет. Да и устроиться мне не так трудно. У меня сосед — полицаи, Тимошка Рыжиков. Он, гадюка, так и стелется передо мной, к себе сманивает.

Через несколько дней Бондарин и Архипов при содействии Рыжикова были зачислены в полицаи.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК

Как-то раз промозглым осенним утром к Клаве прибежал вполосенный Петька. Старые, раскисшие опорки еле держались на его ногах, брюки выше колен были зашлепаны грязью, мокрое лицо перекошено от боли.

— Ты что? Убегал от кого-нибудь? — встревоженно спросила его Клава.

— Убегал, — признался Петька, со свистом переводя дыхание. — От полицейских...

Клава укоризненно покачала головой. Сколько раз просила она мальчика вести себя осторожно, не задиаться.

— Да я ж не задираюсь... — с обидой выкрикнул Петька. — Шел себе и шел. И знаете, кого встретил... Сашку Бондарина и Ваню Архипова. Они каких-то людей по улице гнали... Сами сытые, с оружием, в казенных мундирах...

У Клавы отлегло от сердца.

— Такая уж у них работа, — спокойно отозвалась она. — Ну, и что дальше?..

— Как «что дальше»?!.. — вскипел Петька, озадаченный спокойным тоном Клавы. — Запустил в них камнем... потом убежал.

— Вот это уж напрасно!

— Как «напрасно»... Они ж... предатели! А еще комсомольцами были... твоими друзьями. Да им головы попробовать — и то мало!..

Клава усмехнулась. Если бы Петька знал, что это за «полицейские», Бондарин и Архипов, и как они начали свою службу! А начали они ее совсем не плохо. Накануне отправки девушек в Германию Саша и Ваня под видом благодарности Тимошке Рыжикову за то, что тот устроил их на работу в полицию, угостили его и его приятелей-охранников спиртом.

Угощение было щедрое: спирт из последних запасов выдала ребятам Елена Александровна, полицейские отдали ему должное и так накачались, что заснули мертвым сном! Вместе с ними, сделав вид, что тоже перепились, заснули и Саша с Ваней. А ночью Сушков, Аржанцев и Петровский открыли сарай и выпустили всех девчат на волю...

Клава взяла Петьку за плечи, приблизила к себе.

— Ты мне веришь?

Мальчик растерянно заморгал глазами.

— Кому же, как не вам...

— Тогда слушай... В Сашу и Ваню камнями больше не бросай. Они хоть и полицейские, но люди свои... нужные нам.

— Свои?!

— Да-да, Петя! Ты мне поверь и больше не спрашивай...

В эту минуту открылась дверь, и в комнату вошел Саша Бондарин. Он был совсем не сытый и не откормленный, каким представил его Петька, а обычный, рослый, мрачноватый и даже чуть бледный. Мундир сидел на нем неловко и мешковато.

Петька вскочил с лавки.

— Ну-ну, — предупреждающе буркнул Бондарин. — Ты потише! Опять чем-нибудь запустишь.

— Все выяснено и улажено, — улыбнулась Клава. — Теперь между вами полный мир. Ведь так, Петя? А сейчас иди... Нам с Сашей надо поговорить.

Петька, пожав плечами, ушел.

Клава вопросительно посмотрела на Бондарина.

— Ну, как тебе новая работа?

— Чертова жизнь пошла... Идешь по городу, а тебя люди словно ножами режут. Ваня даже приболел. От мальчишек, так совсем нет прохода... Видала этого Петьку... Не увернись я, голову бы камнем разбил.

— Понимаю, Саша... Задание не из легких, — вздохнула Клава. — Но надо же... В лесу вами довольны.

Лицо у Саши просветлело.

— Благодарность передают. За бланки паспортов, за пропуска... Только на долго ли хватит у вас выдержки?

— Раз надо, хватит, — помолчав, глухо ответил Саша. — И пусть мы полицейские для всех, только бы немцам погано было... Говори, зачем вызывала?

— Слушай вот. — Клава понизила голос. — Есть задание от Седого. К Октябрьским праздникам поднести фашистам подарочек — вывести из строя лесопильный завод.

— Это дело! — обрадовался Саша. — А то совсем затишье в городе. Поручи это мне с Ваней... мы сообразим.

— Нет-нет, поручение пока будет более легкое. Разведай обстановку, узнай, как там с охраной. А тогда подумаем...

Через несколько дней Саша Бондарин вновь встретился с Клавой. Он сообщил, что ему удалось побывать на заводе, охрана там небольшая, кругом полно горючего материала — щепы и стружки.

Достаточно одной спички, и все пылом запыляет.

— Нет, спички тут мало. Надо действовать наверняка...

— Я и хочу наверняка,— Саша изложил свой план и попросил дать ему в помощь одного из подпольщиков.

— Дима Петровский подойдет? Или Федя Сушков?

— Великовозрастный народ... Хотелось бы какого-нибудь пацана. Вроде вот Петьки Свищева.

Клава задумалась: лучше Петьки, конечно, не найти. Хотя мальчишка и не понимает и настойчиво рвется до дела. И Клава согласилась.

— Только чтоб он на меня зверем не смотрел,— попросил Саша.— И пусть забудет, что я полицей.

— Об этом не беспокойся,— заверила Клава.

Утром седьмого ноября Саша Бондарин и Петька встретились на базаре. Саша, как было договорено с Клавой, сделал вид, что забрал рыскающего по базару мальчишку и повел его в комендатуру. По пути они свернули с главной улицы и переулками начали пробираться к лесозаводу.

В руках Петька держал узелок с едой.

— Задание тебе понятно? — вполголоса спросил Саша.

— Ага! Мне Клава объяснила...

— Повтори...

— Пробраться на завод,— как заученный урок, зачастил Петька,— найти в конце цеха склад с горючим, отвернуть пробку у бочки и пролить бензин. И незаметно исчезнуть.

— Правильно... Главное, не пори горячку. Войдешь на завод с узелком, будто обед кому принес, осмотришься, заметишь, где охранники, чтобы не нарваться.

— Понятно! Ты не сомневайся! — с жаром ответил Петька.

— А Ваня Архипов тоже такой полицей, как ты?

— Одного поля ягода... Тебе же Клава объяснила.

— Давно бы пора. А то мы темную Ваньке собирались сделать. Уж и извозили бы его...

— Ну-ну,— погрозил Саша.— Вы Ваню не троньте. И так ему достается: то в доме стекла побили, то самого грязью закидали. Твоя работа, Свищ, твоей компании?

— Больше этого не будет,— деловито

заверил Петька и задумчиво посмотрел вдоль улицы.— Ведь сегодня седьмое ноября. Разве так было в Острове до войны!

— Саша, а помнишь, какой у нас фейерверк был... как мы костер жгли,— дрогнувшим голосом заговорил Петька.

— Помню, помню,— хмуро ответил Бондарин.— Будет им сегодня фейерверк! Пошли скорее!

Наконец показался лесозавод. Саша посмотрел на часы.

— Сейчас обеденный перерыв. Народу в цехе немного... Действуй!

Оглянувшись по сторонам, Петька проскользнул в заводские ворота. Размахивая узелком с едой, он с деловым видом прошел мимо лесопильного цеха, завернул за угол и заметил в углу двора бочки с горючим. Возле них никого не было. Только у противоположной стороны завода маячила фигура охранника. Пригнувшись, Петька подкрался к бочке и попробовал отвернуть пробку. Не удалось: пробка точно припаялась. То же самое случилось и со второй бочкой. Повезло ему лишь на третьей. Неплотно завернутая пробка легко сошла с резьбы. Петька наклонил бочку, подсунул под нее деревянную плаху, и синеватый, остро пахнувший бензин с мягким шелестом полился на землю. Вот и все, что надо было проделать Петьке. Но ему показалось этого мало.

Из одной бочки свисал гибкий резиновый шланг. Петька, как истый шофер, пососал шланг, дурманящая струя бензина хлынула ему в рот, а потом истекла на землю.

Теперь надо исчезнуть, но не бегом, а так же деловито и спокойно, как Петька входил сюда.

Через несколько минут он был уже за воротами завода.

Саша Бондарин медленно прохаживался по тропе, вдоль забора.

— Ну?

— Все в порядке... течет!

— Теперь улепечивай... И сиди весь день дома.

Петька юркнул в переулок.

Саша еще раз прошелся вдоль забора, остановился на углу, огляделся, потом достал из кармана промасленную тряпку и чиркнул спичку. В руках вспыхнуло багровое пламя. Саша швырнул горящую тряпку за забор, и через мгновение оттуда полыхнул столб огня.

«Вот вам и праздничный фейерверк!» — подумал Саша, сворачивая за угол и исчезая в переулке.

* * *

После удачного поджога лесозавода подпольщики стали подумывать о новых диверсиях, о взрывах мостов, железнодорожных путей, электростанции. Но у них, к сожалению, не было ни взрывчатки, ни мин, ни умения обращаться со взрывчатыми веществами.

Провожая как-то Володю в очередной рейс к партизанам, Клава попросила его передать Седому пожелание ребят обзавестись взрывчаткой.

Володя на этот раз задержался у партизан более недели и когда, наконец, вернулся, то сообщил Клаве, что Седой прислал подпольщикам немного толу и несколько мин.

— А ты почему задержался так долго? — спросила Клава.

— Учиться срочно заставили... Как мины ставить да как с толом обращаться. Это ведь не тяп-ляп.

— Ну и как?.. Научился чему-нибудь?

— Соображаю малость... Но я ведь не один пришел. Седой нам такого инструктора прислал... Ахнешь, когда увидишь! Важина... нашего бывшего командира.

— Василия Николаевича! — вскрикнула Клава. — Так он же...

— Сбежал от фрицев, — пояснил Володя. — Да не один. Двенадцать беженцев к партизанам с собой привел. Вот человек!

— А где он сейчас?

— У меня в деревне. В сарае сидит. Просил ребят к нему привести, учить будет.

В этот же день Клава предупредила нескольких подпольщиков, и они по одному пробрались в Рядобжу.

Клава с трудом узнала Важина. Одежды под крестьянина, он зарос бородой, поздоровел, лицо обветрилось, погрубело.

— Друзья встречаются вновь, — пошутил Важин, здороваясь с ребятами и

показывая на мины. — Ну, что ж, будем брать фашистов не мытьем, так катаньем. Садитесь, товарищи, начнем изучать подрывное дело.

— Василий Николаевич, — попросила Клава. — Вы бы ребятам еще о положении на фронтах рассказали. Вопросы у нас всякие накопились.

— Ну, что ж, тряхнем стариной, — согласился Важин. — Вспомним учительскую профессию.

Пять дней подпольщики постигали секреты обращения со взрывчаткой, учились делать самодельные мины.

— Курс обучения, прямо сказать, укороченный, — говорил Василий Николаевич. — Но у партизан он уже проверен. Теперь дело за практикой...

Предложений было много: заминировать шоссе, взорвать цепной мост, подложить взрывчатку под электростанцию.

Но тут подоспел со своими донесениями Федя Сушков. На станцию каждый день прибывают эшелоны с боеприпасами. Сейчас скопилось несколько штук, и на путях образовалась пробка.

— Это верно, — согласился Василий Николаевич. — Такой случай упускать нельзя. Давайте тогда наметим, кто пойдет со мной на железнодорожную станцию ставить мины.

Желающими оказались все, кто учился у Важина.

— Неправильно это... — ревниво заявил Федя. — Никого из вас на станцию не пропустят, а у меня как никак пропуск имеется... Вот мне и поручите это дело.

В сарае воцарилось молчание.

— Ну, что ж вы? Голосуйте, если надо... — с досадой обратился Федя к ребятам. — Мне уже на дежурство пора.

Клава переглянулась с Василием Николаевичем и, побледнев, подошла к Феде.

— Поручаем тебе... Действуй! Но себя береги! На рожон не лезь. Да вот хоть Сашу возьми. На всякий случай.

Саша Бондарин с готовностью поднялся.

Василий Николаевич вручил Феде мину замедленного действия и еще раз проинструктировал его.

— Постарайся установить мину в середине эшелона. Завод рассчитан на два часа... За это время все надо успеть сделать и быть уже дома. Ну, ни пуха тебе, ни пера!

Положив мину в кошелку, Федя прикрыв ее сверху мотками провода, изоляционной лентой и, сопровождаемый Сашей Бондариним, отправился на станцию.

Посидев еще немного в сарае, Василий Николаевич и Клава предложили подпольщикам разойтись: если взрыв удастся, в городе может начаться облава.

На улице уже совсем стемнело, когда Клава пришла домой.

Время тянулось изнурительно медленно. Вот уже прошло более двух часов. В голову Клавы полезли всякие недобрые мысли. А что, если часовой механизм не сработал и эшелон с боеприпасами сейчас уходит на восток к линии фронта? Или вдруг поездная охрана, заподозрив электромонтера Федю Сушкова, схватила его и сдала военному коменданту железнодорожной станции.

— Да ты комнату выстудишь! — заворчала Евдокия Федоровна, когда дочь высунулась в форточку. — И так топить нечем.

— Минутку, мама, сейчас закрою! Душно очень, — сказала Клава, и в тот же миг страшный взрыв потряс окрестности.

Тугая волна воздуха с силой захлопнула форточку, со звоном вылетело из рамы стекло, задрожали стены старого дома.

— Опять бомбят! — всполошилась Евдокия Федоровна. — Кто ж это? Наши или немцы?

— Наши, мамочка, наши! — не в силах сдержать своей радости, вскрикнула Клава и выскочила на улицу. Над станцией бушевало языкастое пламя, непрерывно рвались снаряды.

На улице толпился народ, многие забрались на крыши, стараясь получше рассмотреть, что происходит на станции.

От набережной Клава побежала вверх к Сушковым: надо было узнать, где сейчас Федя. Неожиданно она столкнулась с Сашей Бондариним.

— Видишь, какой ад крошечный на станции, — возбужденно заговорил он. — Снаряды рвутся, пути разнесло, к эшелонам не подступись. А неплохая у нас практика для начала.

Клава схватила Сашу за плечо.

— С Федей что? Где он?

— Все в порядке... Уложился точно по графику. Уже с полчаса как дома отсиживается.

Клава облегченно перевела дыхание.

ПОПОЛНЕНИЕ

В сумерки в швейную мастерскую Самариной заглянул Борька Капелюхин. Он был в засаленном кожаном, в шапке-ушанке, зарос волосами, подбородок ошетилился редкой бороденкой, над верхней губой пробились рыжеватые усики.

Дочки Марии Степановны, испугавшись заказчика, даже вскрикнули.

Клава быстро увела Борьку в примечную.

— Да ты совсем лесным человеком стал! — удивилась она. — Волосами зарос, бороду отпустил...

— Будешь тут лесовиком, — пожаловался Капелюхин. — Немцы совсем обнаглели. Рабочий день увеличили, кормят еле-еле, домой почти не пускают... Не заметишь, как совсем на положение заключенных переведут...

— А молодежь как себя чувствует? О чем разговоры ведет? — спросила Клава... Ты им наши листовки читаешь?

— Еще бы... А разговор у парней один — бежать надо, пока совсем их в каторжников не превратили, — Капелюхин оглянулся и перешел на шепот. — Я уже подготовил одну группу... семь парней. К партизанам рвутся. Только им проводник нужен.

— А парни надежные?

— Головой отвечаю... Накапились они, злые стали, как черти. Не дадим проводника — сами убегут с торфоразработок.

Клава посоветовалась с членами штаба, и в одну из ночей подпольщики встретили за городом семерых парней с торфоразработок, выдали им оружие, патроны.

Одного из парней Клава узнала сразу, это был крепыш, здоровяк Семен Суковатов, живший до войны на соседней улице. На торфоразработки он пошел с первых же дней вступления немцев в город, пошел добровольно, говоря при этом: «А мне все едино, где робить, только бы хлебную пайку давали».

— Ну, как Семен, накормили тебя немцы хлебом? — спросила Клава, передавая парню почти новенький немецкий автомат.

— Сыт... по самое некуда... Чтоб они подавились этим хлебом, — буркнул Семен, разглядывая оружие, потом вполголоса спросил: — А откуда у вас эти игрушки завелись?

— Кому что... Кому хлеб от фашистов

достаётся, кому автоматы,—засмеялась Клава.

— Я серьёзно спрашиваю...

— Серьёзно и отвечаю... Живём, не зеваем... Что плохо лежит, к нашим рукам липнет.

— Смело живёте... так, пожалуй, и надо,—с уважением покрутил головой Семен.— А я вот проищачил на них почти полгода, теперь за ум схватился. Надо бы сразу в лес...

— Не поздно и наверстать, Сема...

— Наверстаю, Клаша, увидишь,—пообещал Семен и, отведя её в сторону, попросил.— Ты моих стариков знаешь... Я им не сказал, что в лес ухожу...

— Сделаю, Сема... Стариков не забудем.

Клава распрощалась с парнями, и Володя Аржанцев повел их в партизанский край.

А через два дня разразилось несчастье.

Гитлеровцы, узнав о том, что семеро парней исчезли с торфоразработок и, видимо, подались к партизанам, арестовали их родителей. Попал в гестапо и отец Семена Суковатова.

Был расклеен приказ гитлеровского командования, в котором говорилось, что родители отвечают головой за своих детей, если только те оставят город и перейдут к партизанам.

Вечером Клава и Федя Сушков зашли к Суковатым, чтобы провести Семена. Старуха лежала на сундуке и тупо смотрела в потолок.

— Работал себе парень и работал, хлеб получал, жалованье,—пожаловалась она.— Так нет, партизаны его к себе сманили. Вот и старика загубили. Да я бы этим партизанам в глаза плюнула: зачем парня попутали, с панталыку сбили...

— Бабушка, да как вы смеете,—вспылил Федя.

— Молчи,—шепнула ему Клава и спросила бабушку, не нужно ли ей чем помочь.

— Да что вы можете,—отмахнулась старуха.— Вот если бы Семке весть подали—пусть возвращается с повинной да отца выручит...

Подавленные и расстроенные, ушли Клава с Федей.

— Вот так Суковатиха...—в сердцах сказал Федя.— Какой была, такой и осталась...

— Ты пойми, трудно ей. Старика забрали, не понимает она ничего...—вздыхнула Клава.— А помочь ей надо.

С этого дня подпольщики по старой тимуровской привычке нередко заходили к Суковатихе на дом, пилили ей дрова, помогли убрать огород, раздобывали продукты.

Вскоре в городе опять появился Капелюхин. На заседании штаба возник вопрос, как быть со второй группой парней, собравшихся в партизаны.

— А как они сами настроены?—спросила Клава.

Капелюхин замялся.

— По-разному... Кое-кто попритих пока... Да оно и понятно: за родителей боязно...

— С отправкой придется, видно, воздержаться,—помедлив, сказала Клава.— Надо что-то другое придумать.

— А что ж тут придумаешь?—усомнился Капелюхин.— Родителей вместе с парнями в лес не переправишь... не согласятся, да и трудно им. Вот если бы парней вроде как силой увести.

— Как это силой?—переспросила Клава.

— А вот так...—принялся объяснять Капелюхин.— Приходят, скажем, вооруженные партизаны и устраивают нападение на торфоразработки. Охрану снимают и уводят парней в лес. А мы распространяем в городе слух, что партизаны силой увели молодежь к себе.

— Это да! Это планчик!—воскликнул Федя Сушков.— Да так можно весь народ с торфоразработок увести. Это ты, Борька, сам придумал?! А молодец, начинаешь смекать кое-что.

— Посиди на этом торфянике—не такое придумаешь,—буркнул Капелюхин и вопросительно посмотрел на Клаву.

— План неплохой,—подумав, сказала Клава.— Но у меня есть одна существенная поправка.— Она по привычке низко склонилась над столом и жестом пригласила ребят сгрудиться около нее, так она всегда делала, когда придумывала с пионерами какое-нибудь неожиданное и увлекательное дело.— У партизан и без нас забот хватает. Да к тому же пробираться им в Остров сложно и долго. А нас здесь целая организация подпольщиков. Так почему бы нам под видом партизан не разыграть нападение на торфоразработки.

— Здорово!—загорелся Дима Пе-

тровский, переглядываясь с ребятами.— Это нам подходит!

— Только надо семь раз отмерить,— заметила Клава и обратилась к Капелюхину: — Нам нужен план торфоразработок, сведения об охране. Понятно, Боря?

Через несколько дней, забежав в баню, Клава получила у Анны Павловны короткую записку: «Готовьте группу. Время выступления сообщу».

Внизу стояла подпись — Щербатый, это была мальчишеская кличка Капелюхина.

Вечером Клава срочно собрала подпольщиков. Боевая группа была назначена из семи юношей. Возглавить ее поручили Диме Петровскому. Но Клава при этом заявила, что она тоже будет участвовать. Федя Сушков заметил, что возможна вооруженная схватка с охраной и Клаве не следовало бы рисковать собой.

— Не находите ли вы, мальчики, что я стреляю хуже вашего? — усмехнулась Клава. — Или я толста и неповоротлива?

Нет, «мальчики» этого не находили.

Вместе с Федей и Димой Клава побывала около торфоразработок, выглядела, где стоят охранники.

Наконец недели через полторы она получила от Капелюхина записку, что пора выступать. Ночью, взяв из потайного склада оружие, боевая группа, обойдя город, направилась к торфоразработкам. Стояла бесснежная зима, морозы покрыли толстым льдом болотистые низины, и идти можно было, не выбирая дороги.

К торфоразработкам подошли далеко за полночь. У лаза через колючую проволоку дремал охранник. Остальные часовые, как оказалось, ушли в баню и задержались в городе.

Дима и Саша подползли к часовому, свалили его с ног, заткнули рот платком и связали руки. Затем подпольщики ворвались в бревенчатый дом, где жила администрация торфоразработок, подняли всех на ноги, загнали в сарай и заперли ворота.

После этого ребята направились в барак, где жили рабочие.

Дима Петровский, с гранатой на поясе, в полушубке и лохматой мужицкой шапке, являя всем своим видом отчаянного вояку, угрожающе повел автоматом и свирепым голосом крикнул:

— По приказу партизанского командования торфоразработки закрываются.

Дима и Клава в сопровождении соскользнувшего с нар Капелюхина обошли весь барак, внимательно вглядываясь в лица парней и пожилых мужчин. Тем, кого Капелюхин заранее подготовил к уходу в партизаны, заговорщицки подмаргивал, что означало, что они отлично понимают всю эту игру.

— Выходи строиться! — строго приказал Дима.

Вскоре человек пятьдесят стояло уже перед баракom.

Остальные с недоумением толпились на крыльце и в сенях.

— Тех, кого отобрали, мы забираем с собой, — объявил Дима. — Остальным разойтись по домам...

Неожиданно к Диме подошел пожилой, сухощавый мужчина.

— Товарищ начальник! — обратился он. — Раз уж такое дело, вы и лошадок забирайте. Чего им на немцев жилы тянуть.

— Инструмент тоже не помешает, — раздался из темноты еще чей-то голос. — Лопаты там, мотыги!..

— Клава, а ведь и впрямь забрать надо, — шепнул Дима.

— Обязательно. Партизанам все пригодится.

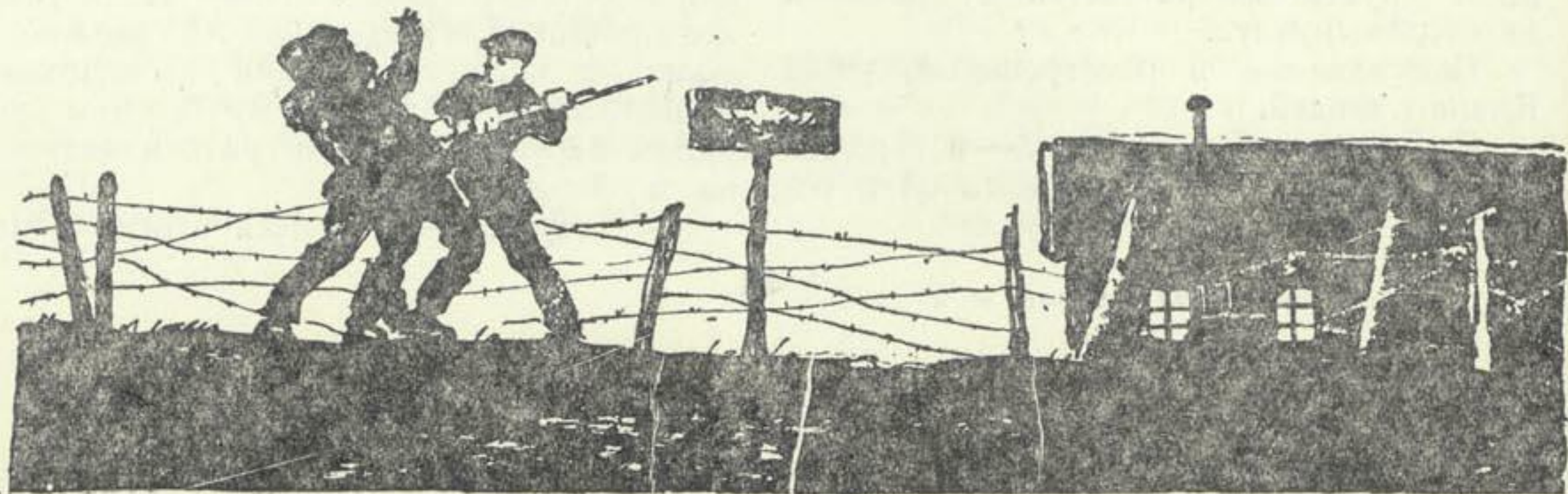
Ребята вывели лошадей, запрягли в телеги, побросали туда инструмент и повели парней с торфоразработок за собой.

На восточной окраине города их уже поджидал Володя Аржанцев.

К рассвету члены боевой группы разошлись по домам, чтобы малость вздремнуть перед выходом на работу.

А с утра по городу уже распространился слух о ночном нападении на торфоразработки, и родители один за другим потянулись в комендатуру, чтобы пожаловаться на произвол партизан, которые силой увели их сыновей в лес.

(Окончание следует)

Я был обязан это сделать...

Полетел со свистом дикий камень...
Устремившись в вертикальный путь,
он врезался острыми боками
в головокружительную жуть.
Это я столкнул его с дороги
в пасть безмолвной пропасти крутой,
чтобы не попался он под ноги
смело вслед идущему за мной.

Речушка

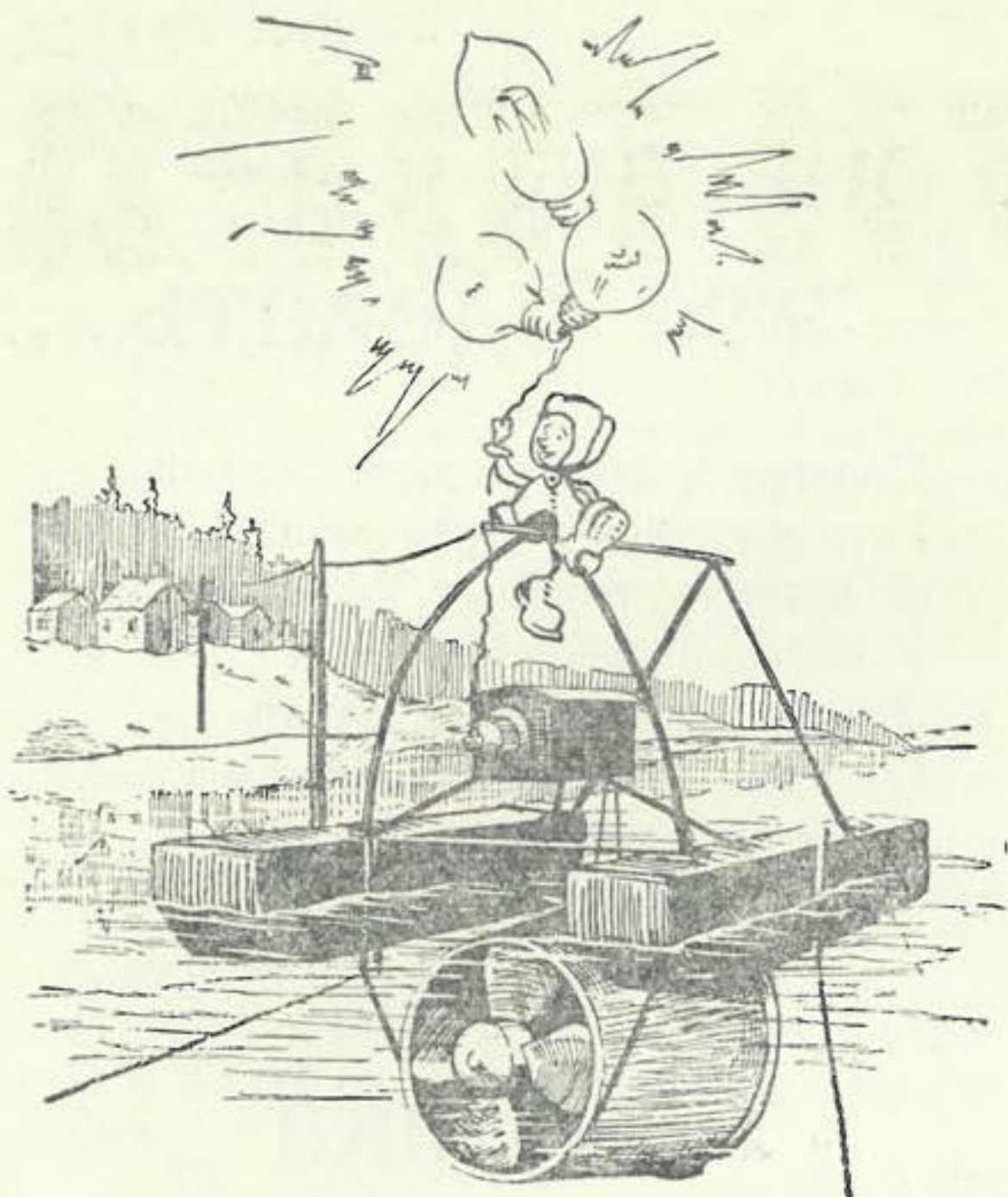
В океан торопится вода
горной затерявшейся речушки:
набивает рыбой невода,
моет изумрудные ракушки.
Отливает дно голубизной...
И волна, сверкая самоцветом,
плещет перламутровой водой,
до мельчайшей капельки прогретой.
Я ее, как друга, обнимал,
и летели солнечные струи...
Я воды вкуснее не встречал
и не пил целебную такую...
То она заботливо сняла
всю с меня усталость и тревогу..
Мне речушка эта помогла
одолеть нелегкую дорогу.

Хлеборобу

За молчаливыми хребтами,
остановившись на привал,
тебя сердечными словами
не раз геолог вспоминал.
Он развязал отсек рюкзака
с запасом свежих сухарей
и ощутил медовый запах
тобой исхоженных полей.
Он первым на пути к высотам,
к руде открыл одну из троп...
И в этом есть твоя работа,
твоя забота, хлебороб.

МЕЧТА

Конструктор К. КОСТИН

ЧТО ТАКОЕ

ГИДРОГЕНЕРАТОР?

Гидро — вода. Генератор — преобразователь. Значит, гидрогенератор — преобразователь механической энергии воды в электрическую. На гидростанции поток воды поступает на лопасти рабочего колеса турбины, вращает ее. Вал турбины соединен с валом электрической машины — гидрогенератором, который и вырабатывает электрический ток.

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ

Самый маленький гидрогенератор был установлен в 1940 году на плавучей микрогэс. Она испытывалась на Неве около Ленинграда и была совсем не похожа на обычные гидростанции.

На реке, где скорость течения полтора-два метра в секунду, на якорь укреплен плот из металлических поплавков, между ними в воде — гидравлическая турбина. Колесо турбины, похожее на гребной винт корабля, — в конической трубе. Вал турбины цепной передачей и зубчатым редуктором от мотоцикла соединен с валом генератора. Течение вращает коле-

со турбины, и генератор вырабатывает электрический ток. Мощность такой микрогэс была всего 3 киловатта, а вес ее вместе с поплавками около 800 килограммов...

Плавучей гидростанции не нужна плотина, ее можно переправлять по реке или перевезти на автомашине. Она дешевая: стоит всего 4—5 тысяч рублей. Правда, мощность ее при современных потребностях в электроэнергии далеко не достаточна, даже для самого маленького колхоза. С помощью такой станции можно лишь осветить дом, животноводческую ферму, обеспечить питание радиоприемника.

Трудности вызывают значительные колебания в скорости воды в реке, отчего изменяется число оборотов колеса турбины и ее мощность. Кроме того, плавучая микрогэс не может быть использована во время ледохода, а иногда и зимой.

На крупных реках со скоростью течения воды 3—4 метра в секунду возможны установки плавучих гидростанций с большей мощностью — до 30—50 киловатт, но таких рек сравнительно немного.

МАШИНУ ВЕЗУТ

150 ВАГОНОВ

Самые мощные гидрогенераторы в наше время работают на Куйбышевской ГЭС. Там сооружена огромная плотина, создающая напор воды 27 метров. На гидростанции установлены и работают 20 гидрогенераторов, мощностью по 105 тысяч киловатт каждый.

Что же представляют из себя эти гидрогенераторы?

Вес каждой машины — 1600 тонн. Вертикально расположенный вал гидрогенератора, на котором закреплен ротор с полюсами, имеет диаметр 1400 мм. Диаметр самого ротора — 14,25 метра. Высота всей машины около 14 метров, то

КОНСТРУКТОРА

Рис. Э. Иодыниса

есть равна четырехэтажному дому. Конечно, такая машина собирается уже на месте установки. 150 вагонов — два полных железнодорожных состава — везут ее от завода до стройки.

Эти гидрогенераторы спроектированы конструкторами заводов «Электросила» и «Уралэлектроаппарат». Электроэнергии, которую вырабатывает один из них, достаточно для освещения миллиона колхозных дворов или для работы 25 таких крупных предприятий, как тот же «Уралэлектроаппарат».

ДЛЯ КРАСНОЯРСКОЙ ГЭС

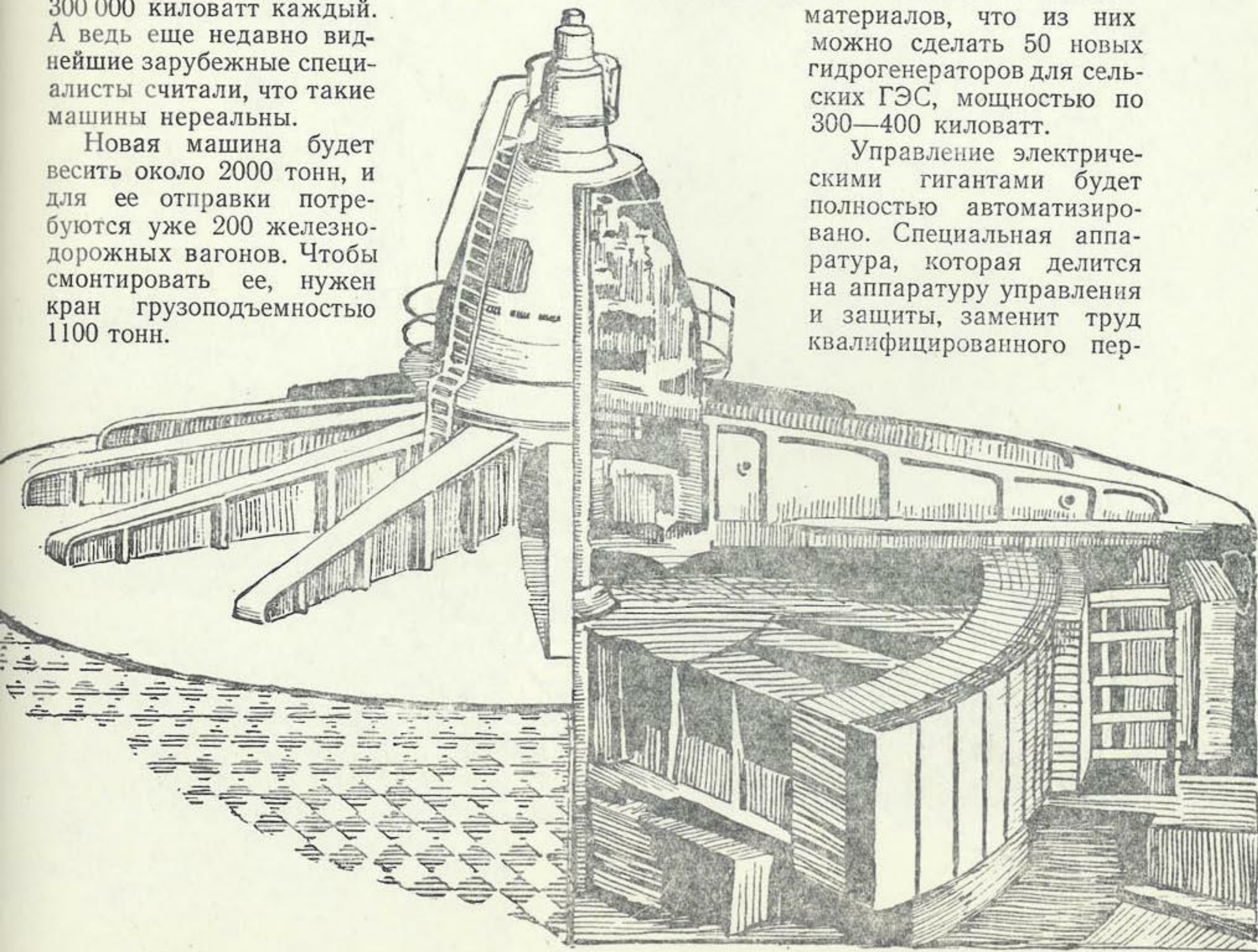
Сейчас на заводе «Уралэлектроаппарат» проектируются гидрогенераторы невиданной в истории мощности — по 300 000 киловатт каждый. А ведь еще недавно виднейшие зарубежные специалисты считали, что такие машины нереальны.

Новая машина будет весить около 2000 тонн, и для ее отправки потребуются уже 200 железнодорожных вагонов. Чтобы смонтировать ее, нужен кран грузоподъемностью 1100 тонн.

Несмотря на то, что материалов для новых гидрогенераторов в расчете на единицу мощности идет меньше, все же расход отдельных наименований их составляет внушительные цифры. Так, например, общий расход обмоточной меди будет около 100 тонн, а слюдяной изоляции для обмотки статора — 13 тонн на машину. Чтобы собрать сердечник статора, в пазах которого уложена обмотка, требуется вырубить из специальной электротехнической стали 500 000 сегментов толщиной 0,5 миллиметра. Для охлаждения работающего генератора необходимо будет прогонять через него в одну секунду 300 кубических метров воздуха.

Конструкции новых гидрогенераторов во многом отличаются от прежних. Благодаря этим изменениям и улучшениям на каждой машине сэкономятся столько материалов, что из них можно сделать 50 новых гидрогенераторов для сельских ГЭС, мощностью по 300—400 киловатт.

Управление электрическими гигантами будет полностью автоматизировано. Специальная аппаратура, которая делится на аппаратуру управления и защиты, заменит труд квалифицированного пер-

сонала. Весь сложный комплекс операций при запуске, остановке и поддержании режимов станут производить специальные аппараты управления. В случае каких-либо неполадок тот или другой аппарат защиты даст команду аппаратам управления остановить агрегат. При этом дежурный инженер на пульте управления сразу узнает, по какой причине агрегат остановился.

Новые гидрогенераторы предполагается изготавливать в ближайшие годы.

О ЧЕМ МЕЧТАЕМ

То, что было вчера фантазией, сегодня — действительность. А что будет завтра?

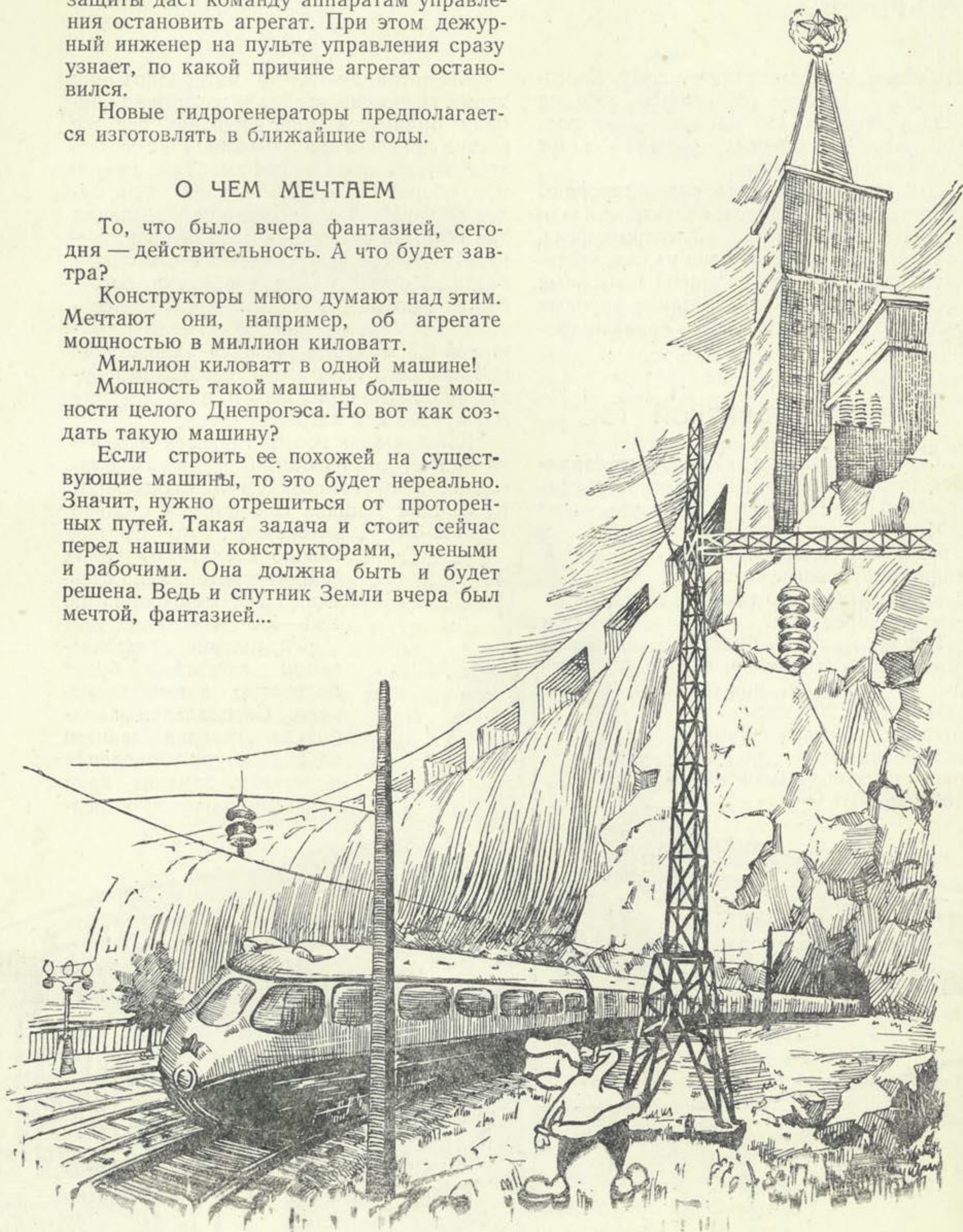
Конструкторы много думают над этим. Мечтают они, например, об агрегате мощностью в миллион киловатт.

Миллион киловатт в одной машине!

Мощность такой машины больше мощности целого Днепрогэса. Но вот как создать такую машину?

Если строить ее похожей на существующие машины, то это будет нереально. Значит, нужно отрешиться от проторенных путей. Такая задача и стоит сейчас перед нашими конструкторами, учеными и рабочими. Она должна быть и будет решена. Ведь и спутник Земли вчера был мечтой, фантазией...

А сегодня? Специалисты-энергетики мечтают создать свой «спутник» — гидрогенератор мощностью в миллион киловатт. И не так уж далек тот день, когда они сделают его.

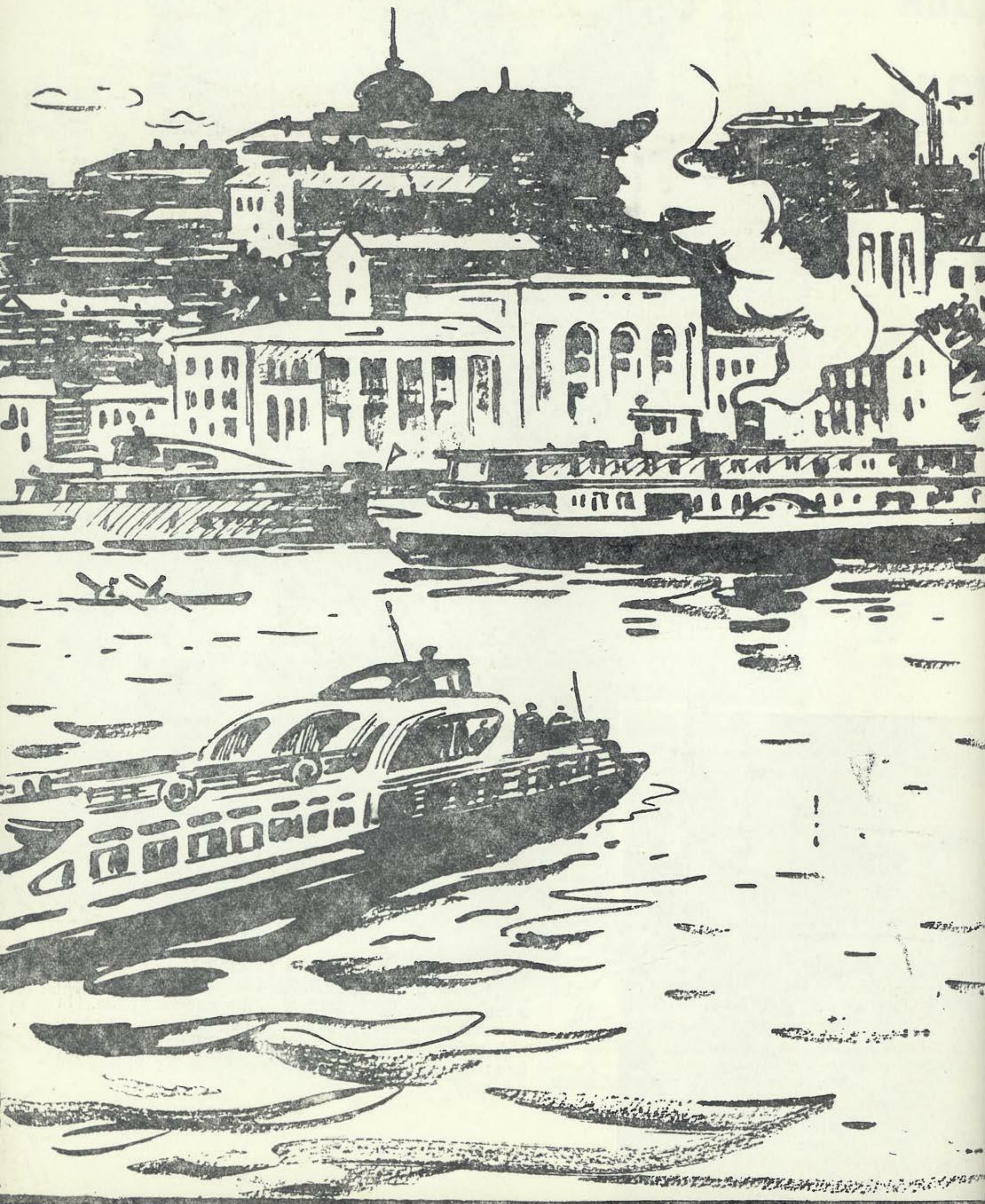

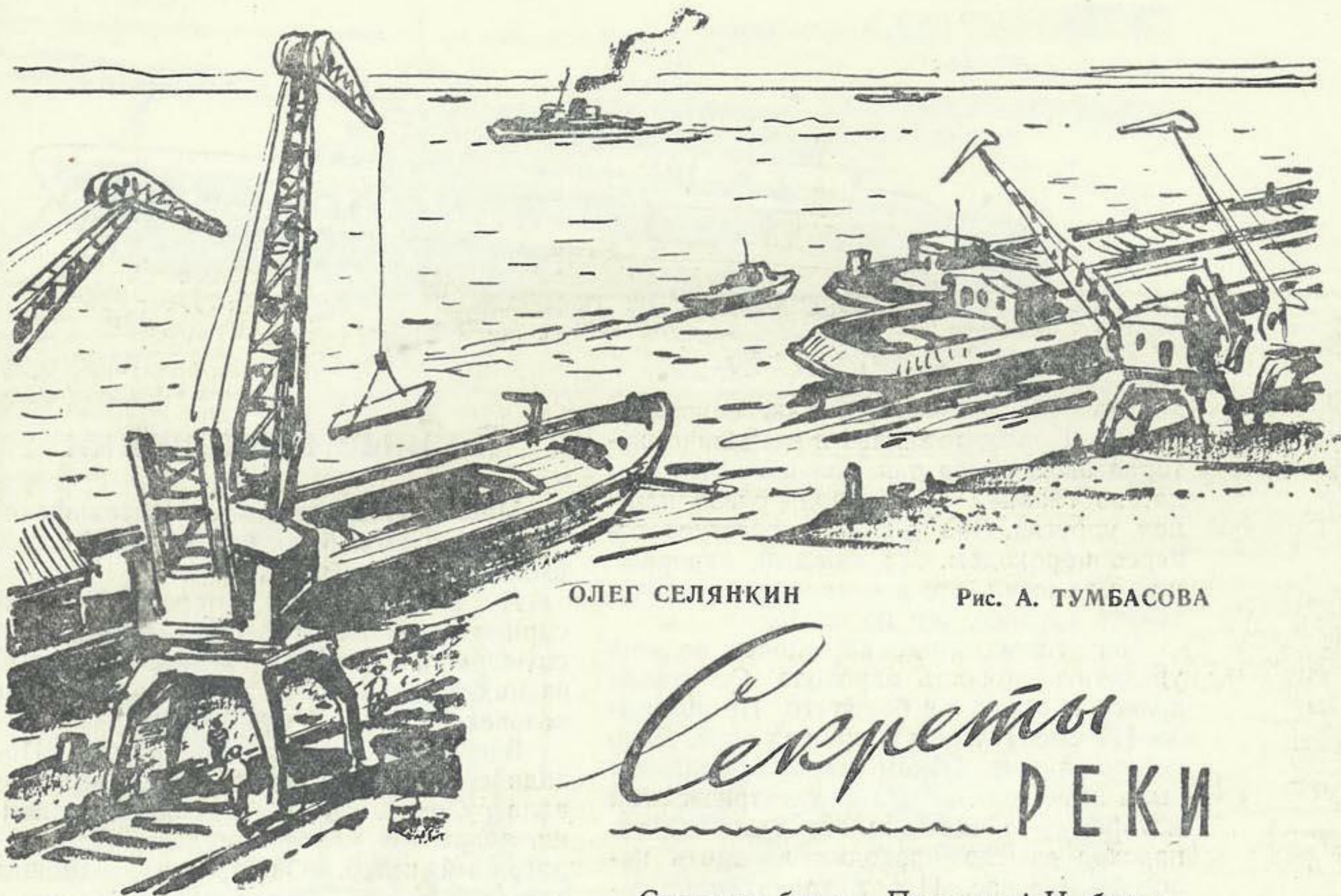
ДВА ГОДА

Фото
Мартынова

Цыгане в Советском Союзе перешли на оседлую жизнь. Много их расселилось и у нас на Урале. На нижнем снимке, сделанном два года назад на главной улице Свердловска, — Лондон Раму и Рубина Братьян. На верхнем снимке — они же нынешней осенью,

ОЛЕГ СЕЛЯНКИН

Рис. А. ТУМБАСОВА

Секреты РЕКИ

В порту

На высоком обрывистом берегу раскинулся город Пермь. Отсюда, от реки, видны и дома, и зеленые сады, и трубы заводов. Они словно торопятся сбежать с гор, спешат занять лучшие места у самой воды.

Но посмотрим на реку. У самого берега замерли вереницы пароходов и барж. Кое-где они стоят по три в ряд.

Это порт. Шумно и людно здесь. И куда ни взглянешь, везде видны вытянутые шеи кранов, везде дрожат ленты транспортеров. Без видимого усилия мощные краны вынимают из трюмов барж и пароходов тяжелые грузы, бесшумно переносят их на берег и ставят в склады или прямо на платформы поездов, вытянувшихся тут же, почти у самой воды.

А по вздрагивающим лентам транспортеров к складам и поездам ползут ящики, мешки, рулоны бумаги. Чего только нет среди этих грузов! Тут и железо, сваренное на наших заводах, и зерно, и каменный уголь, и руда, и удобрения для колхозных полей, и соль, и многое-многое другое.

Сказочно богато Прикамье! И богатства его собрались в порту не случайно: отсюда по живой дороге-реке они поплывут и в Москву, и в Ленинград, и к седому Каспию, и к лазоревому Черному морю...

Между кранами, транспортерами и другими машинами снуют люди. Люди — вот кто настоящие хозяева здесь. Им подвластно все. Стоит человеку нажать кнопку — и перестанут вздрагивать ленты транспортеров, замрут краны, остановится поток грузов. Нажал другую кнопку — все пришло в движение!

А ведь совсем недавно не было здесь машин. Тогда по сходням, осторожно ступая, вереницами шли грузчики. На согнутых спинах они несли мешки с солью, железные листы, разные ящики. Разве сравнишь тех грузчиков с людьми, которые сегодня работают в нашем порту?

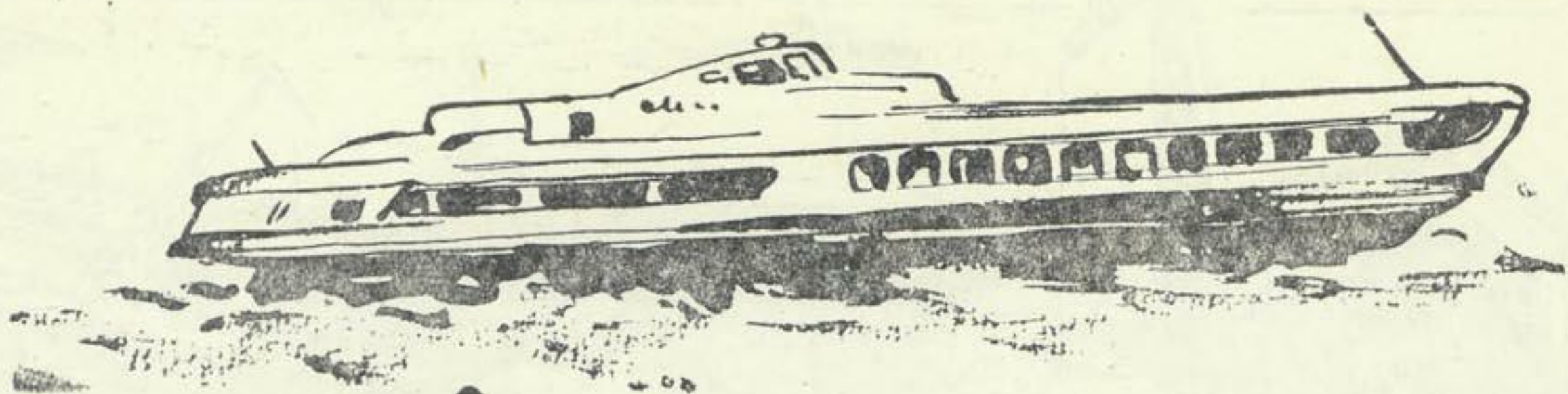
Пароход на крыльях

А теперь поднимемся на палубу одного из пароходов, что стоят у причалов. Это необыкновенный пароход. У него под водой крылья...

Почему же?

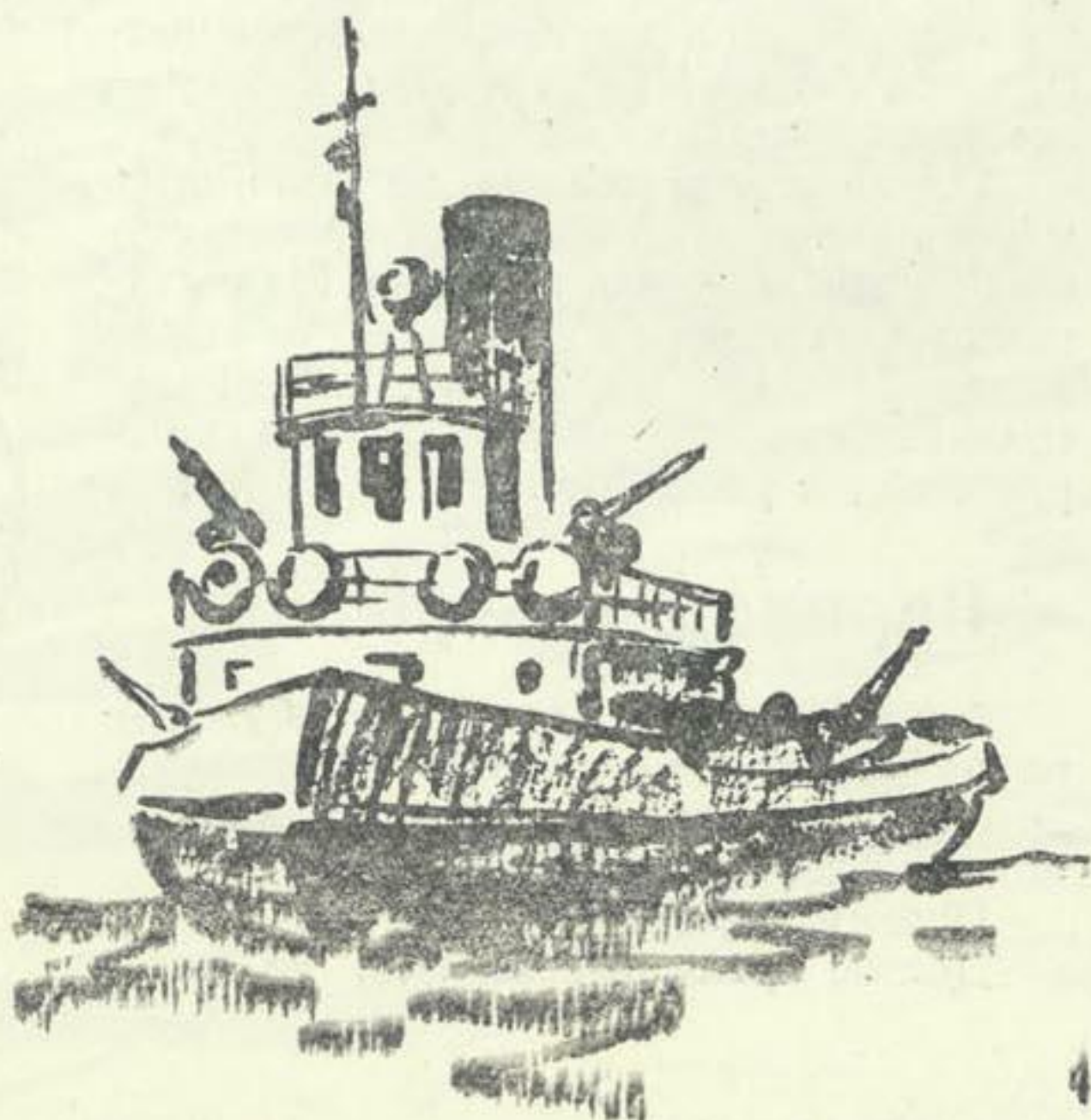
Долгое время речные суда не могли

ходить так же быстро, как, например, поезда. Причина таилась и в машине, которая была слаба для большого парохода, но главная беда — вода очень плотная, упругая. Она неохотно расступается перед пароходом. Да каждый, наверное, и сам замечал, что в воде ходить значительно труднее, чем по земле.

Чего только ни делал человек, надеясь увеличить скорость парохода! Он ставил колеса и сзади, и с боков его. Не помогало. На смену колесам пришел винт. Дело пошло лучше. Потом паровые машины были заменены дизелями, электрическими моторами. И все-таки это было не то: пароход еле-еле проходил двадцать километров в час. И вот талантливые советские инженеры с Сормовского завода предложили установить подводные крылья. Теперь, когда пароход начинает двигаться, вода, скапливаясь под крыльями, давит на них и приподнимает судно. Пароход не раздвигает всю толщу воды, а скользит в ее верхнем слое. Скорость его сразу увеличилась до шестидесяти километров в час. Можно соревноваться с поездом!

Верные помощники

Много людей любят пассажирскими пароходами, белоснежными лебедями, скользящими по рекам...

Ну, а что, кажется, интересного в буксирных пароходах и катерах, день и ночь снующих по реке? Между тем, каждый из них — верный и надежный помощник человека.

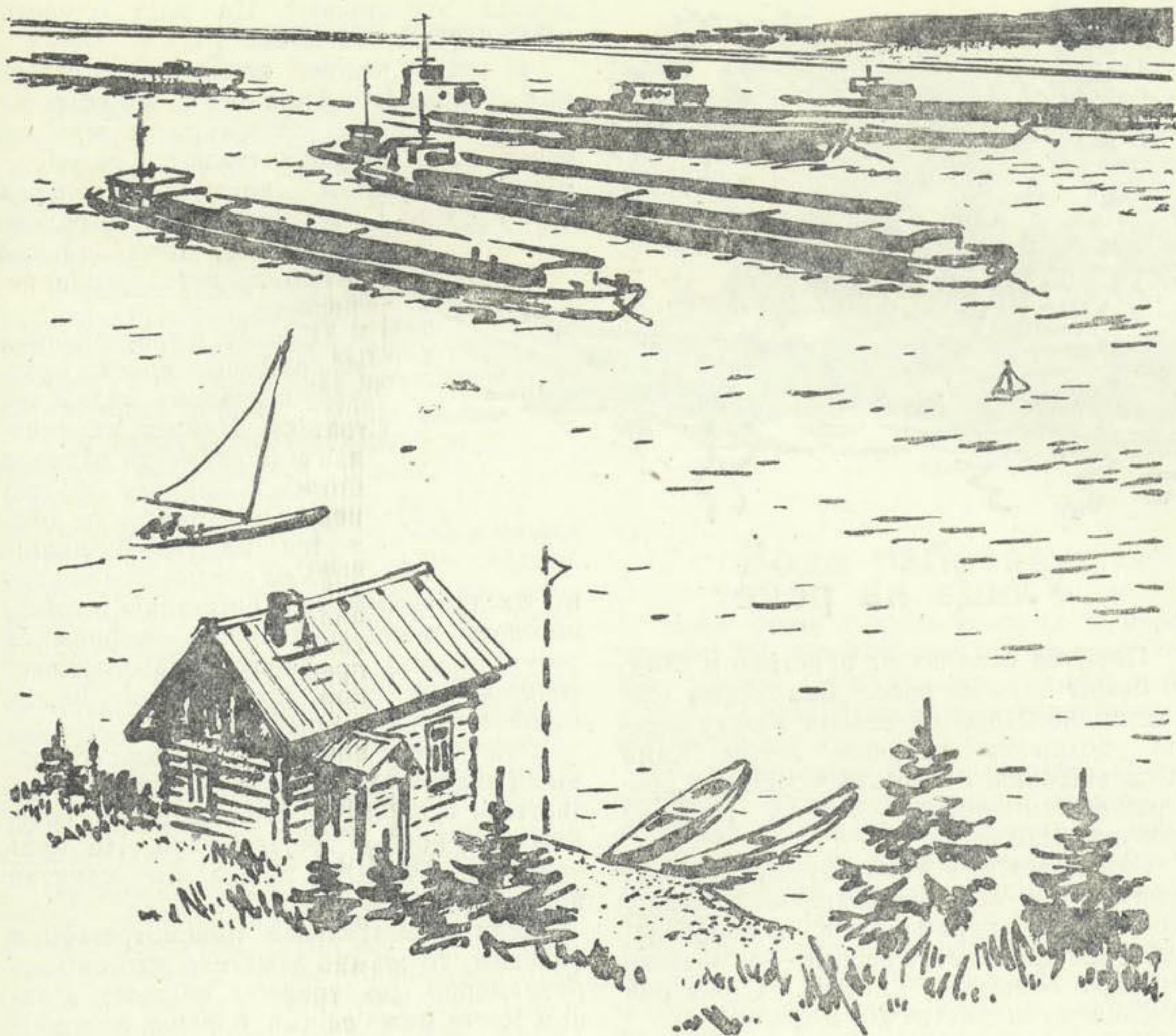
Взять хотя бы вот этот катерок. Позади его рубки, в которой стоит у штурвала рулевой, торчат две черные колонки, закрытые крышками. Это газогенераторный катер. Он просто незаменим для сплавщиков: они работают обычно в таких районах, куда очень трудно завезти бензин или другое топливо. А газогенераторному катеру ничего и не надо! Его топливо — обыкновенные бревна, распиленные на чурки.

А вот другой помощник сплавщиков — водометный катер. Пока их еще мало, но через несколько лет на многих реках только они и будут плавать. Чем же отличаются водометные катера от других? Прежде всего, тем, что движутся они при помощи... воды. Внутри такого катера устанавливается специальная машина, которая всасывает воду, а потом с силой выбрасывает ее. Эта вода и толкает катер. Чуть касаясь воды, несется он по реке. Его осадка так мала, что ему не страшны ни мели, ни частые встречные бревна.

Теперь взглянем вон на тот пароход. Не очень большой, покрашенный в серый цвет, он скромно прижался к дебаркадеру. На палубе парохода, словно зенитные пулеметы, смотрят в небо брандспойты. Этот пароход — пожарник. Если случится несчастье, если вспыхнет на рейде пожар, он первый бросится к огню, сомнет его струями воды.

А что такое рейд?..

Об этом — разговор дальше.

Вечер на рейде

Не все пароходы и баржи могут сразу уместиться у причалов. Так где же им стоять, ожидая своей очереди на погрузку или выгрузку? Их отводят в сторону от того пути, где ходят пароходы, и ставят там на якоря. Вот этот участок реки и называется рейдом.

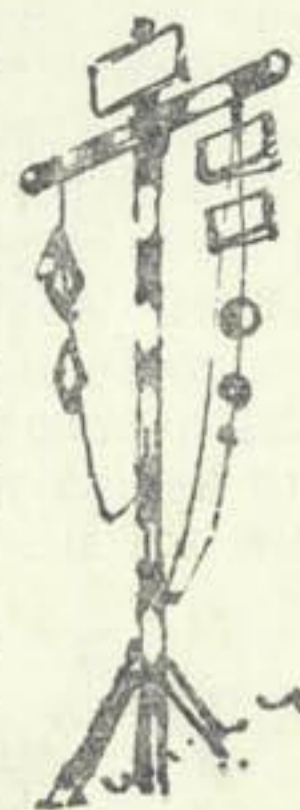
Вереницей стоят на рейде длинные узкие баржи с будочкой на корме. Это самоходные баржи. Им не надо парохода-буксировщика: в корме под будочкой у них своя машина.

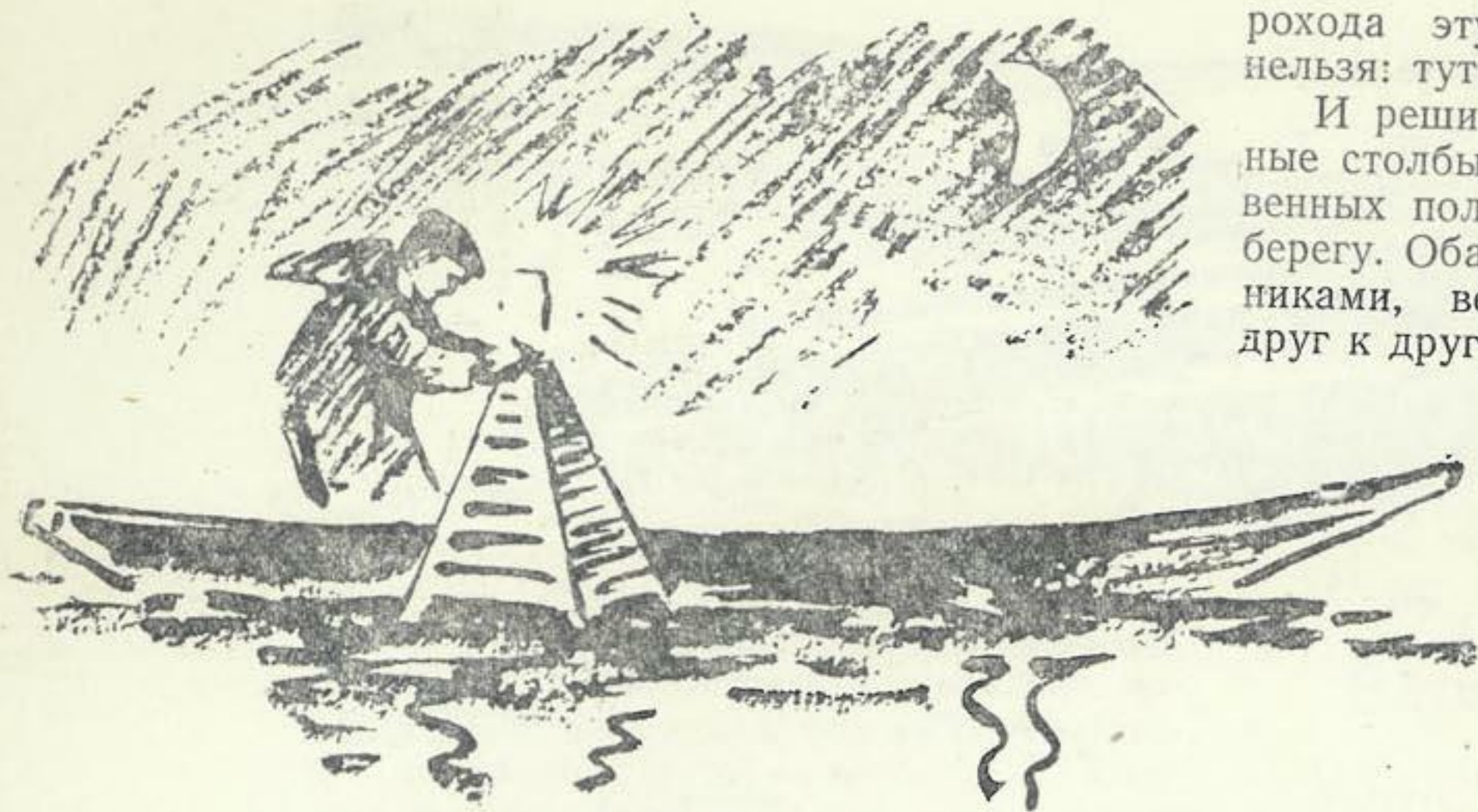
А вот баржи, непохожие на самоходные: сидят они в воде так глубоко, что волны взбегают на палубу; над палубой

на тонких ножках возвышаются маленькие домики.

Что это за баржи?

В них перевозят нефть, бензин. Медленно идет пароход с такими баржами... Зато сколько груза он сразу тащит! В каждую из барж налито восемь тысяч тонн бензина, а барж — три. Значит, буксир тащит за собой двадцать четыре тысячи тонн. В одну железнодорожную цистерну можно влить двадцать тонн бензина. Следовательно, чтобы освободить эти баржи, потребуется тысяча двести железнодорожных цистерн.

Улица на реке

Пароход отходит от пристани и быстро бежит вниз по реке. Вот города уже и не видно. Пароход плывет между берегов, покрытых хвойным лесом. Кама здесь широкая, а пароход почему-то придерживается правого берега. Почему? Как он находит дорогу?

Оказывается, и капитану дорогу показывают. Он ведет свой пароход между деревянными пирамидками, которые называются бакенами. Красные — у правого берега, а белые — у левого. Стоят они над опасными для судов местами.

Иногда разбушует река, большие волны с косматыми гребнями налетят на бакен и сорвут его. Но за бакенами внимательно следит бакенщик. Живет он обычно в маленьком домике на берегу реки. Рядом с домиком — шест и красный флажок, а у самой воды — новые бакены. Их делает сам бакенщик.

Больше тысячи бакенщиков наблюдают за Камой-рекой. Днем и ночью, в жару и бурю отыскивают они безопасную дорогу и показывают ее пароходам.

Есть на реке и такие участки, где чуть собьешься в сторону — сразу посадишь пароход на мель или камни. Значит, идти нужно точно по какой-то линии. Какими же знаками показать капитану па-

рохода эту линию? На воду ставить нельзя: тут и так тесно.

И решил человек использовать створные столбы. Что это такое? Два обыкновенных полосатых столба поставлены на берегу. Оба они заканчиваются треугольниками, вершины которых обращены друг к другу. Стоят эти столбы не рядом, и, кроме того, задний столб делается выше переднего.

Столбы и треугольники выкрашены яркой краской, а поэтому видны издали. Найдут их капитан и будет вести пароход прежней дорогой до тех пор, пока столбы не окажутся на одной линии, пока не соединятся вершины их треугольников. Оказались столбы на одной линии, соединились вершины их треугольников — пароход поворачивает точно на них. Это и есть та линия, по которой нужно ему плыть.

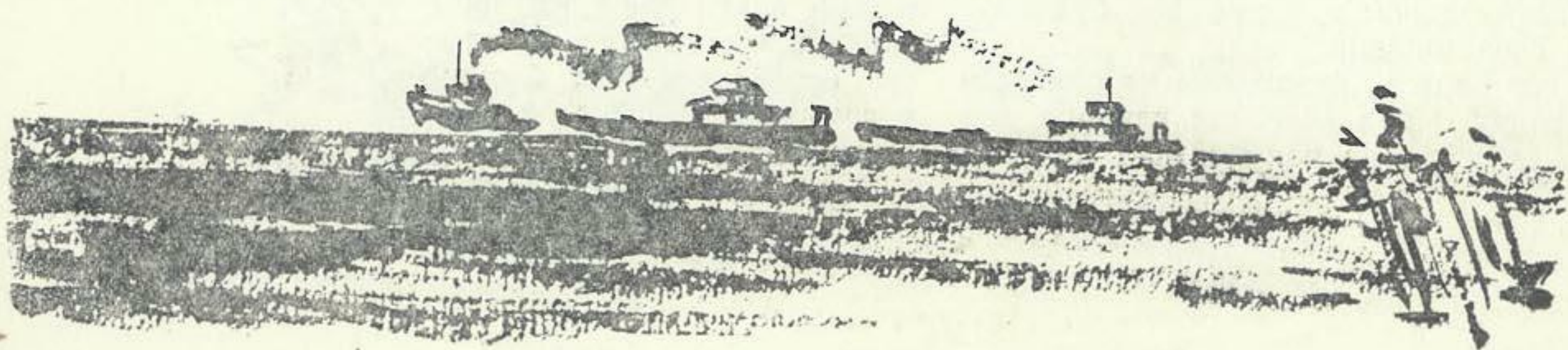
Эти столбы речники называют створными знаками, а местные жители — «глазастыми столбами», из-за фонарей, освещающих ночью треугольники. Не будь этих фонарей — не нашел бы капитан ночью створных знаков.

Если внимательнее присмотреться к бакенам, то можно заметить, что они неравномерно расставлены по реке: в одном месте между ними больше километра, а в другом — вся река в пятнах бакенов. Почему?

Дело в том, что вся река похожа на цепочку озер, соединенных между собой протоками. В этих своеобразных озерах-плесах — большие глубины, течение ровное, спокойное. Разумеется, здесь для обозначения судового хода не надо много бакенов.

Другое дело на участках реки, соединяющих плесы. Речники их называют перекатами. Здесь глубины значительно меньше, чем на плесах, течение быстрее. Попробуй-ка тут найти путь, безопасный для парохода!

Такой путь на перекате называют корытом.

Как углубляют корыто

Хорошо, если корыто глубокое и прямое. А если оно мелкое и извилистое? Что же делать в таких случаях? Только одно из двух: отыскать новое корыто или углубить старое. Но как, чем углубить? С лопатой сюда не полезешь.

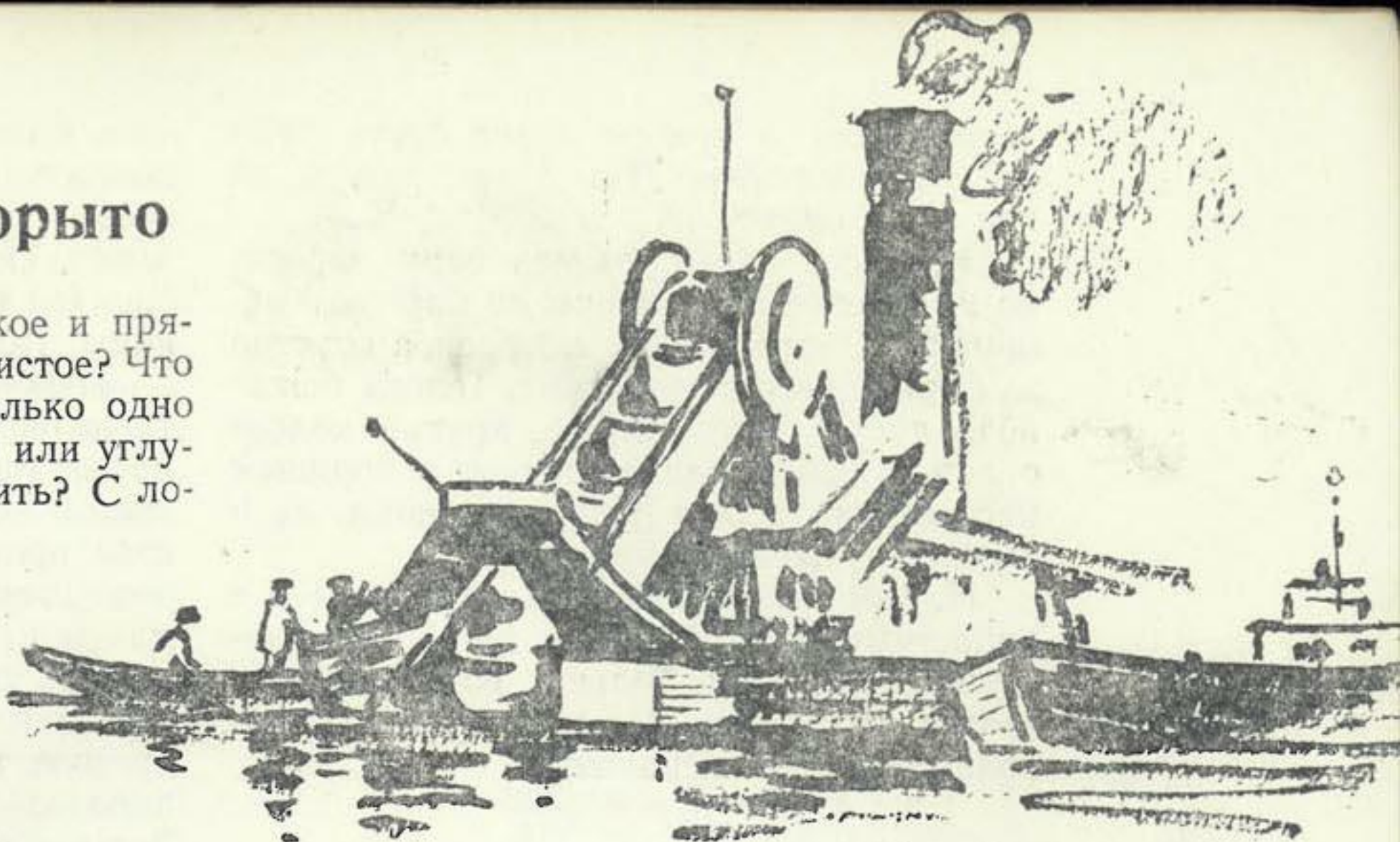
Есть для этого специальный пароход. Он широкий, как баржа, и весь черный; стоит неподвижно, а на нем все грохочет, скрежещет, скрипит.

Это землечерпалка. Посредине ее возвышается башня, а днище в носовой части прорезано, словно окно. Из этого окна к башне друг за другом ползут большие ковши. Они соединены между собой, как цепь велосипеда: сколько ни крути, все равно конца не будет.

Землечерпалка ходит по реке, останавливается на перекатах, где глубина так мала, что опасно плавать пароходам, и вынимает ковшами со дна реки песок, поднимает его в башню. Оттуда по железным лоткам песок стекает в баржи, а те отвозят его в сторону от фарватера.

Только углубила землечерпалка фарватер — бакенщик тут как тут! Он оповещает пароходы, какая глубина на этом перекате, какая ширина фарватера. Для этого у перекатов ставятся мачты. Полосатые, ярко выкрашенные, они видны издали. У вершины мачты — поперечина. На одном конце ее висят доски, большие черные и маленькие красные шарики. Глянет капитан на них и сразу скажет, какая здесь глубина: каждая доска — один метр, черный шар — двадцать сантиметров, красный шарик — пять сантиметров.

На другом конце поперечины — ромбы и шары. Они показывают ширину фарватера. Каждый ромб — пятьдесят, а шар — двадцать метров.

Вода работает

Вода очень сильна, коварна и своевольна. Но человек гораздо сильнее ее, настойчивее. Он властелин. И сколько ни пыталась вода бунтовать, человек всегда побеждал ее.

— Хватит воде безобразничать! Пусть на меня работает! — решил человек, и поставил на перекатах маленькие заборы — плотины из камней, наткал плетней. Встретила вода на своем пути новое препятствие, разозлилась и бросилась на него. Но не тут-то было! Не уничтожить ей творения рук человеческих! И пришлось воде идти вдоль каменных заборчиков, вдоль плетней. А человеку только того и надо: он все препятствия так расставил, что большая часть воды вынуждена идти по корыту. Идет вода по указанной ей дорожке, со злости песок подмывает, а того и не замечает, что своими струями углубляет фарватер!

Вода не только размывает берега и плотины. Она стремится проникнуть внутрь пароходов, разрушить их изнутри. Особенно сильно достается от нее деревянным баржам. В их трюмах вода — частый гость. И снова задумался человек:

«Сама вода в трюмы лезет, пусть сама себя и выкачивает. Не буду тратить на нее свою силу!»

Установил он в трюмах барж насосы, но не присоединил к ним ни паровых машин, ни электрических моторов, а спустил за борт колесо с лопастями. Теперь бежит вода вдоль борта баржи, крутит колесо с лопастями, а оно соединено с поршнем насоса. Он засосет воду из трюма, да и вытолкнет ее за борт.

И, чем быстрее вода крутит колесо с лопастями, тем быстрее движется поршень насоса, тем больше воды выкачивается из трюмов. Вот и получается, что вода сама себя выкачивает.

Водяная лестница

Пароход подошел к плотине электрической станции. Величественное сооружение! Такую реку перегородить плотиной, такую силу заставить на себя работать!

В тело плотины заложены турбины, вода вращает их, и по толстым проводам бежит электрический ток...

А пароходу плотина, наверное, мешает?

Нет. Пароход обходит ее по шлюзам. По ту сторону плотины вода подня-

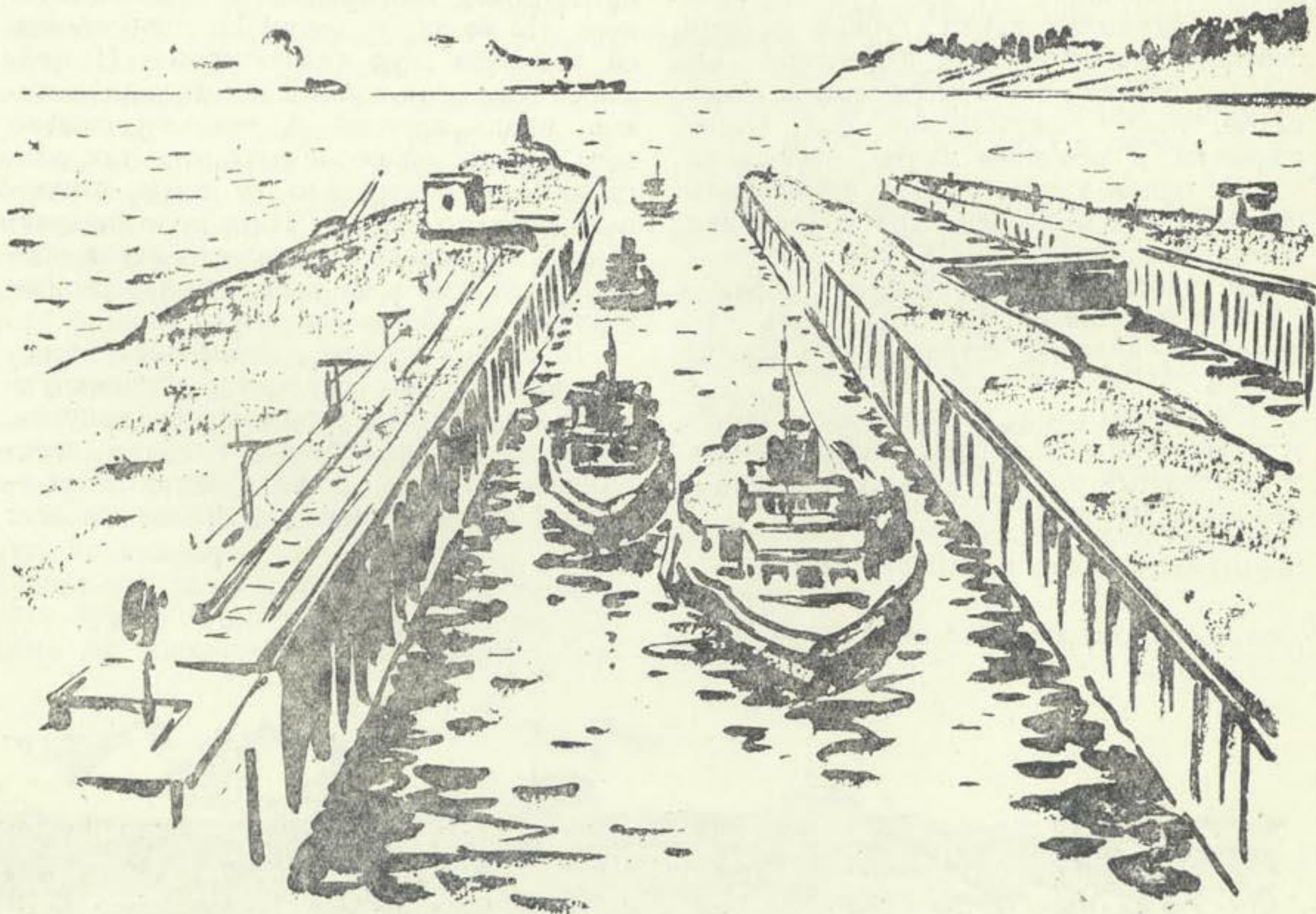
лась более чем на десять метров. Как же поднять пароход на такую высоту? Для этого построили водяную лестницу — шлюз. Он состоит из нескольких камер. Каждая камера — ступенька водяной лестницы. Попробуем подняться по ней.

Перед пароходом открываются ворота, и он осторожно входит в камеру, крепится тросами к ее стенкам. Ворота закрываются. Теперь пароход стоит в большом продолговатом ящике, стенки которого так высоки, что над ними даже мачты парохода не возвышаются.

Но что это? Почему вдруг высота камеры стала уменьшаться? Это в камеру пустили воду. Она заполняет камеру, и пароход подымается все выше, выше. Вот уж и мачты его торчат над стенками камеры.

Стоп! Вода больше не прибывает. Теперь ее в нашей камере столько же, сколько и в соседней — второй ступеньке лестницы.

Открываются ворота следующей камеры — такой же, где мы стоим. Пароход проходит в нее, снова крепится к стенкам, снова закрываются ворота, и снова начинает прибывать вода. И так будет продолжаться до тех пор, пока пароход не подымется на последнюю ступеньку водяной лестницы, пока не войдет в последнюю, верхнюю, камеру, а из нее — в реку.

Кладовая воды

Берега реки отступили, и перед нами — привольная голубоватая гладь, над которой кружат чайки. А если налетит ветер, то будут здесь, ухарски заломив белые шапки пены, разгуливать волны.

Но ведь не для красоты сделал все это человек?

Весной, когда тают снега, вода сильно прибывает, и река выходит из берегов, затопляет острова, луга и даже некоторые деревни, города. И вся эта огромная масса воды не используется. Грозным валом катится она по реке и исчезает в морских просторах.

Начинается лето, и быстро мелеет река. Так мелеет, что на некоторых перекатах ее можно перейти вброд. Трудно в это время речникам: фарватер становится узким, чуть отклонился от него — посадил на мель пароход или баржу. Вот теперь бы немного весенней воды!

Так было раньше, до постройки плотины. А теперь весенняя вода задерживается выше плотины. Здесь человек сделал кладовую воды и назвал ее водохранилищем. Весенняя вода стала служить человеку: она крутит турбины электрической станции, а потом, когда мелеет река ниже плотины, ее спускают вниз, и река снова наливается силой. Плывут по ней пароходы, и молодые речники, как сказку, слушают рассказ о том, что еще четыре года назад здесь было так мелко, что пароходы еле-еле переползали через этот перекат.

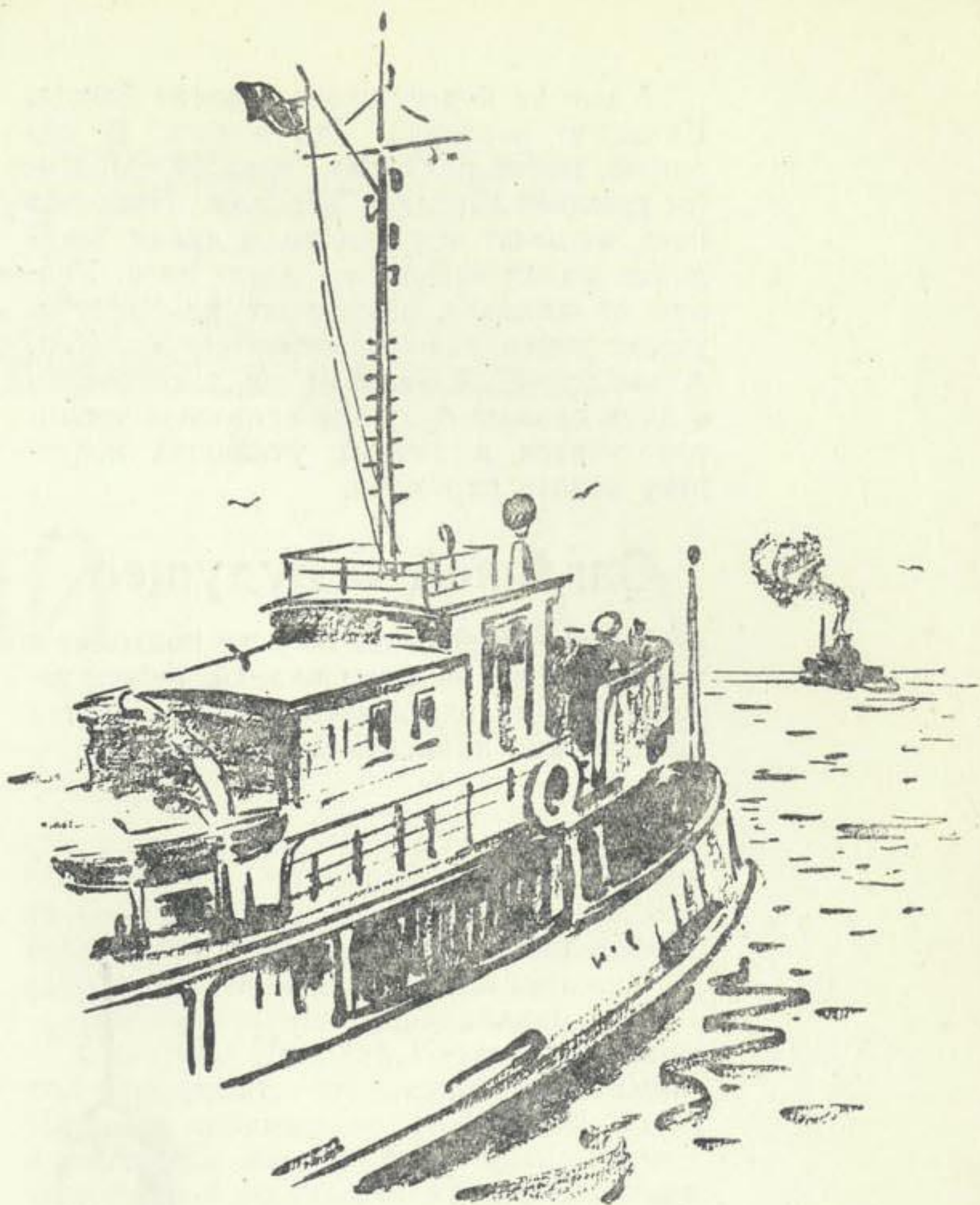
Больше стали глубины в реке — крупнее и пароходы начали плавать по ней, больше грузов они перевозят в своих трюмах.

А сколько рыбы в водохранилище! Пройдут годы, и на берегах его вырастут рыбоконсервные заводы, в любое время года можно будет купить в магазинах свежую рыбу.

А где бакены?

На водохранилище нет бакенов. Вместо них здесь буй. Огромные, покрашенные в яркие цвета, они лениво покачиваются на волнах.

Но кто это так протяжно и жалобно ревет? Будто корова заблудилась среди волн и зовет свою хозяйку. Но корову здесь не ищи: это ревет буй. Непогодной

ночью, когда не видно огней буйев, они сами напоминают капитанам пароходов о себе и охраняют суда от опасностей.

А ревет буй потому, что в корпусе его просверлены отверстия. Вот качнулся буй, приподнялся на волне — вошел в эти отверстия воздух. Опустился буй в провал между волнами, погрузился в воду — вода начинает вытеснять воздух из буя, давит на него. Воздух с силой выталкивается через отверстия, и раздается рев. И, чем сильнее волны, тем больше качается буй, тем громче его рев.

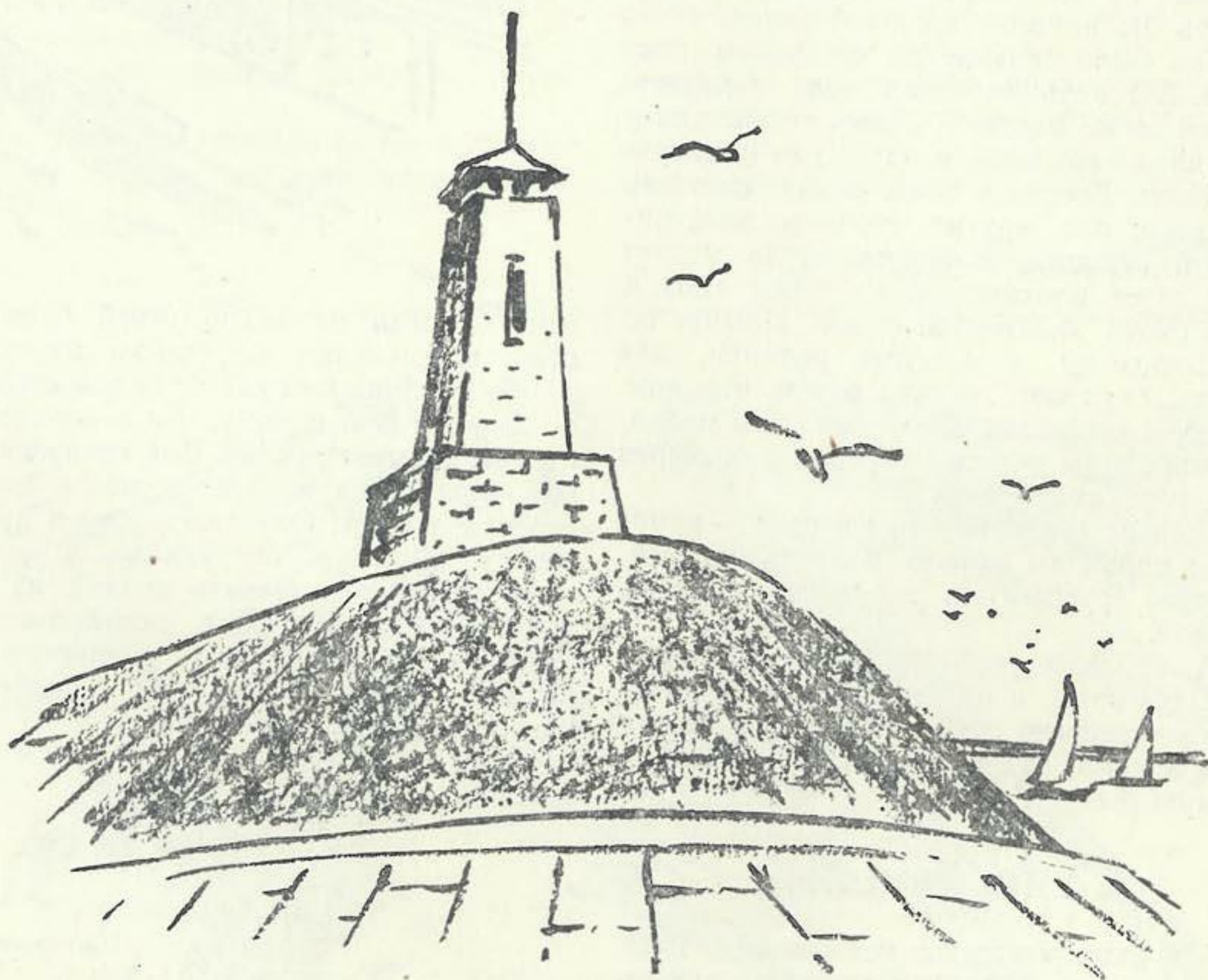
А вон на берегу стоит высокая башня. Ее видно издалека. Это — маяк. В его башне, почти под самой крышей, спрятаны сильные лампы и зеркала. Наступит ночь, включают эти лампы, и яркая звездочка маяка засияет во мраке ночи. Увидит ее капитан, посмотрит на карту и узнает точно, где находится его пароход. А как узнает — об этом не расскажешь в двух словах: будущие капитаны четыре года учатся в речных училищах искусству водить пароходы.

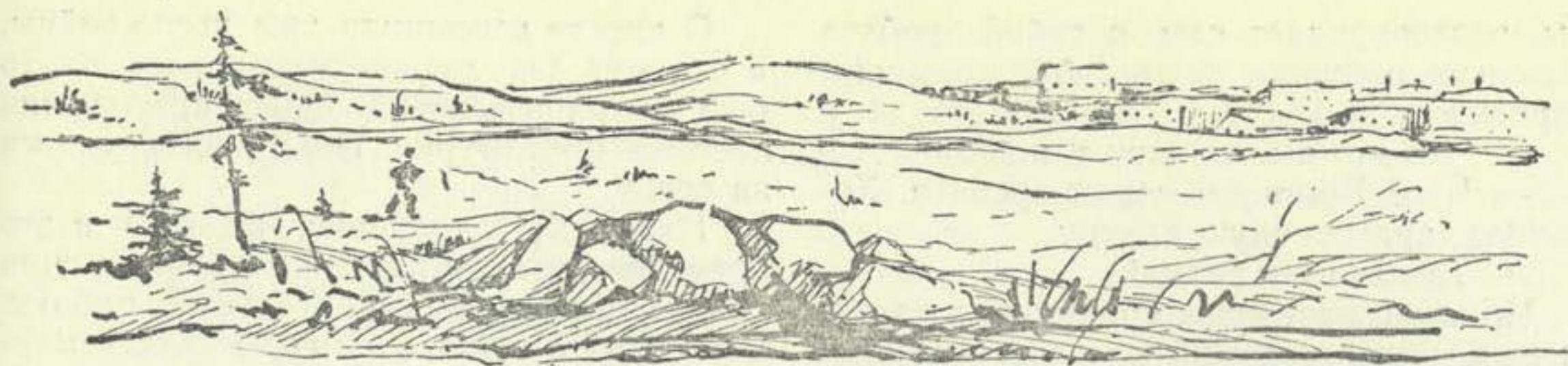
Заглянем в будущее

Наше путешествие по реке подходит к концу. Не все еще мы видели, не все узнали. Чтобы рассказать о всех секретах реки, нужно написать много книг.

А сейчас чуть-чуть заглянем в будущее.

Пройдут годы, и мы не узнаем географической карты нашей Родины. На ней появятся новые города, поселки, умножится паутина железных дорог, а реки вздуются, станут многоводнее. Огромные водохранилища сделают судоходными даже маленькие речки, а многочисленные каналы соединят между собой реки Советского Союза. И уже недалек тот день, когда белоснежным лебедем поплывет пароход на подводных крыльях из Ленинграда во Владивосток. И будет это не особый, выдающийся, а самый обыкновенный рейс. Кто будет капитаном речного экспресса? Может быть, даже и ты будешь капитаном дальнего речного плавания.

ГЛИНЯНЫЙ КЛАД

Л. ГАРЯЕВ

Рис. А. Талашманова

— Глиняный клад? Чепуха какая-то,— скажут многие.— Вот настоящие клады искать, это да! Пираты, погоня, стрельба и, наконец, изъеденный червями сундук, полный золотых монет. А глина, подумаешь, невидаль... Под ногами сколько угодно, только к ботинкам липнет...

Но давайте не спешить с выводами.

Зимой 1941 года инженеру Николаю Николаевичу Подгорному было поручено найти сырье, необходимое для расширения Богдановичского огнеупорного завода.

Шла война. Для строительства новых металлургических заводов, для ремонта износившихся мартеновских и доменных печей нужен был огнеупорный кирпич, а большинство изготовляющих его заводов было захвачено врагом или находилось неподалеку от линии фронта.

От того, насколько быстро будет достроен Богдановичский завод, зависело многое. Строительство же шло медленно: не хватало транспорта, а песок, без которого не сделаешь и одного кирпича, приходилось возить за тринадцать километров. Николай Николаевич решил поискать песок неподалеку от строительства. Целыми днями он нетерпеливыми шагами мерил окрестности Богдановича, время от времени останавливался, пристальным взглядом, словно прощупывая, окидывал снежный покров и, выбрав ме-

сто, начинал копать. Песок был найден всего в двух километрах от завода. Отлично! Но это не все. Чутье старого землеходца подсказывало Подгорному: здесь можно найти не только песок...

Предположения оправдались.

Однажды Николай Николаевич заметил обнажение, отдававшее желтизной. Подошел поближе, лопатой отбил комок и поразился ярко-желтому цвету излома. Откопнул ногтями несколько крупинок, растер, и пальцы окрасились.

— Да это же охра, настоящая охра,— вырвалось у него.

Игравшие неподалеку деревенские ребята давно приглядывались к странному седому человеку с лопатой.

— Ищет что-то... А чего тут искать? Земля как земля.

Увидев, что человек остановился и, держа на ладони комок желтоватой гли-

ны, разговаривает сам с собой, ребята подошли поближе. Один, что посмелее, спросил:

— Что это вы, дяденька, нашли?

— Что? Краску я нашел, ребята. Хорошую, драгоценную краску.

— Так это же глина!..

Но один, постарше, прикрикнув на малышей, показал рукой на северо-запад:

— Дядя, а за тем песком есть еще красная глина. Может, пригодится вам...

— Да ну?! Вот спасибо, ребята!

Уже затемно, нагруженный образцами, вернулся Николай Николаевич домой. Сдерживая нетерпение, истолок он часть принесенных образцов в ступке, просеял, развел водой. Осторожно взял немного краски на кисть, провел по стене: там оказался ярко-желтый след. Сомнений больше не оставалось. Здесь, в Богдановиче, лежат и ждут хозяина великолепные краски.

Николая Николаевича охватил поисковый азарт. Поднимаясь с рассветом, он уходил из дому и до позднего вечера бродил по окрестностям. Каждый день приносил что-нибудь новое. В самых различных местах обнаруживались выходы цветных глин: красной, желтой, черной.

«Это же целое богатство,— радовался Николай Николаевич.— Многие краски мы привозим из-за границы, платим за них золотом. А золото, вот оно, под ногами... Копай лопатой, разводи олифой и крась хоть дерево, хоть металл!

Как-то Подгорный возвращался домой с очередной разведки.

Взгляд его неожиданно упал на дом, построенный каких-нибудь два-три года назад и уже как бы состарившийся. Краска на этом доме во многих местах облупилась, ранами зияли следы обвалившейся штукатурки, а там, где она уцелела, стены выгорели от солнца. Когда-то темно-красные, они стали сначала бледно-розовыми, а потом грязно-серыми. Неприглядную картину довершали подтеки, следы дождей.

— А что, если, используя богдановичские глины, делать штукатурку цветной?— подумал он.

Смешав потом в определенных пропорциях известь, цемент и измельченные в порошок цветные глины, Николай Николаевич получил различные образцы цветной штукатурки и добился разрешения покрыть ею... киоск на территории завода.

О киоске вспомнили уже после войны, и что же? Он выглядел так, как будто был покрашен вчера. Опыт применения цветной штукатурки Подгорному удался на славу.

Николай Николаевич, бывший в это время секретарем партийной организации завода, возглавил строительные работы. Все новые здания, а их возводилось много, покрывались цветной штукатуркой. И если вы сейчас приедете в Богданович, то можете сами увидеть темно-серое здание техникума, большой бордовый дом с колоннами, в котором размещен райком партии, и много-много удивительно нарядных жилых домов, покрытых штукатуркой едва ли не всех цветов радуги: красной и желтой, коричневой и нежно-серой, почти серебристой и цвета спелой земляники. Кажется, все многоцветье уральских недр высыпало на улицы этого городка! Многим из цветных домов по пять, семь, а то и по девять лет. Ни ветер, ни буря, ни дождь и ни снег им нипочем.

Не так давно геологи установили, что запасы природных красок, впервые найденных Н. Н. Подгорным, очень велики. Их вполне хватит для того, чтобы одеть в долговечный праздничный наряд не только Богданович и не только Свердловск, но и многие другие города нашей Родины. Если вспомнить о том, сколько новых домов строится в нашей стране, о том, что цветной штукатуркой можно покрывать и старые здания, то можно представить, какие громадные средства сможет сберечь наше государство, благодаря открытию Николая Николаевича Подгорного.

Рассказанное,— пожалуй, самая яркая, но далеко не единственная страница в многолетней, трудной и благород-

ной работе, проделанной Н. Н. Подгорным.

Лет восемь тому назад Николай Николаевич, исследовав состав некоторых цветных глин, установил, что они вполне пригодны для изготовления керамических облицовочных плиток. Это требовало проверки, и Подгорный, захватив образцы глин, поехал на Украину, в город Славянск, где есть завод, изготавливающий плитки. Там богдановичской глине придали определенную форму, обожгли в специальных печах и получили красивые звонкие плитки, белые, красные, желтые. Такими плитками очень удобно покрывать полы ванн, кухонь и других служебных помещений.

У нас принято крыть дома железом, которое стоит довольно дорого, ржавеет и требует частой покраски. А что, если делать крыши из цветного шифера? Из богдановичских глин можно делать такой шифер. А пенобетон? Это чудесный строительный материал. Он в два с половиной раза легче воды, но задерживает тепло ничуть не хуже, чем кирпич или дерево и, кроме того, обладает великолепными звукоизоляционными свойствами. Одноквартирный дом из пенобетона вполне можно погрузить и увезти на одной-двух автомашинах. Николай Николаевич много занимается получением этого стройматериала в простейших условиях.

Во время частых поездок по Богдановичскому району Николай Николаевич обнаружил, что дно большого озера Кутугуз покрыто сапропелем, очень полезным илом. Ныне сапропель с этого озера успешно применяется для лечения многих болезней в богдановичской больнице, а некоторые колхозы используют его для удобрения почвы.

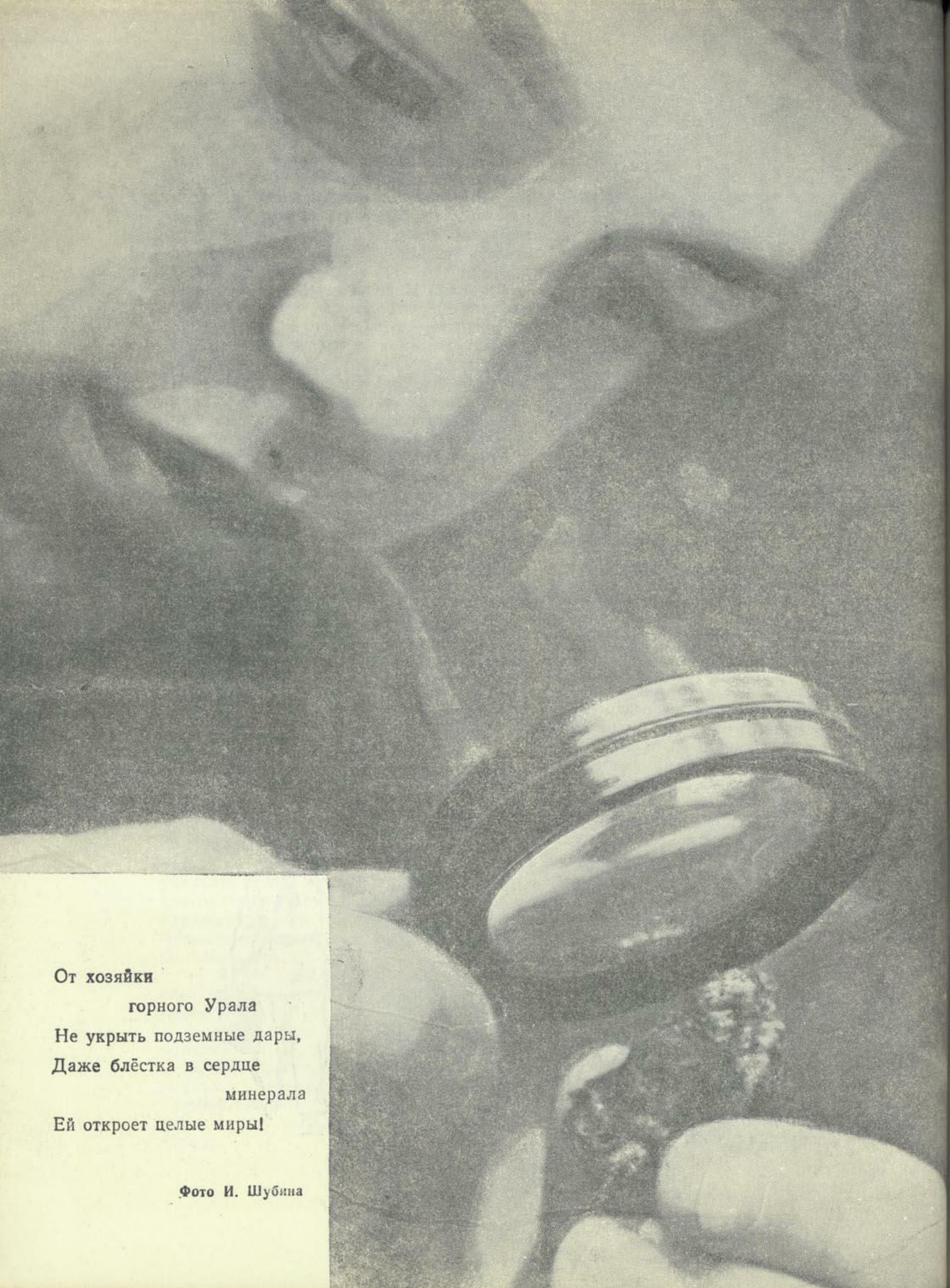
Трудно перечислить, а тем более оценить все, что открыл, разведаль, узнал Н. Н. Подгорный, все хорошее, что он дал и дает людям.

В сказках и древних легендах рассказывается с волшебниках, перед которыми сами собой открывались запрятанные в землю клады. Это, конечно, красивые выдумки. Но люди, способные видеть «сквозь землю», оказывается, есть в жизни.

Николай Николаевич Подгорный, как подлинный коммунист, горячо любит землю, которую когда-то давно, в молодости, «завоевал и полуживую вынырчил», любит на ней каждую травинку и каждого живущего на ней человека. И вот эта любовь к родной земле, к людям обострила его взгляд, помогла ему увидеть то, чего не видят другие, подобрать ключ к богатствам Богдановичского района.

Будьте такими, ребята. Будьте неутомимыми искателями, исследователями! Перебарывайте лень и равнодушие, воспитывайте в себе пытливость и любознательность, зоркость и цепкость взгляда, учитесь не ради отметки, а ради знаний. Тогда вы научитесь видеть очень нужные людям ценности в каком-нибудь неприглядном на вид камешке или комке глины, тогда благодарная земля щедро откроет вам свои несметные сокровища, перед которыми померкнут все клады, описанные в книгах.

От хозяйки
горного Урала
Не укрыть подземные дары,
Даже блёстка в сердце
минерала
Ей откроет целые миры!

Фото И. Шубина

Рассказ о камне

Профессор А. А. МАЛАХОВ

Полмиллиарда лет тому назад на месте, где сейчас располагаются Свердловск, Челябинск, Оренбург, расстилось безбрежное море. Давайте заглянем в глубь веков.

Заглянем?

Да, вы не ослышались, именно заглянем на дно кембрийского моря. В тусклой голубовато-зеленой морской пучине, освещенной мерцающими бликами, перед нами возникают странные существа, похожие на гигантских мокриц, на обломки винтообразных рогов.

Что же представляет собой та волшебная «машина времени», что перенесла нас на сотни миллионов лет назад? Как снимался фильм «Рассказ о камне», начальные кадры которого только что прошли перед нашим взором?

Фильм создан с помощью научных работников режиссерами Свердловской киностудии Л. Рымаренко и В. Волянской, оператором А. Телятниковым в сотрудничестве с большим коллективом различных специалистов.

Сколько сил энергии, творческой выдумки потребовал этот фильм от его постановщиков и исполнителей!

Для того чтобы увлечь зрителя на дно кембрийского моря, пришлось построить огромный аквариум, на дне которого был восстановлен участок дна древнего морского бассейна. Облик древних животных был воспроизведен с предельной точностью по фотографиям окаменелостей искусными и опытными мастерами-макетчиками В. Грачевым и А. Кампфом. Научным консультантам был поставлен ряд сложнейших вопросов: какой цвет имели лепестки археоциат, с какой скоростью и как передвигались по дну моря трилобиты, жили ли медузы в кембрийском море, как восстановить облик микроорганизмов, пассивно плававших в море?

Десятки книг и справочников просматривались для ответа на эти и многие другие, подобные им, вопросы.

Более полумесяца шла «репетиция» жизни на дне кембрийского моря; тщательно отрабатывались

мельчайшие детали предстоящей съемки.

Один из помощников «организует» пузырьки, идущие со дна моря, но режиссеру не нравится размер этих пузырьков; другой слишком быстро тянет за веревочку трилобита; у третьего не получаются блики... Снова и снова идет эта кропотливая работа.

Наконец как будто отрепетированы все движения, сложен огромный и сложный механизм. Можно сделать пробу.

На просмотре первой пробы обнаруживаются дефекты. И снова для их устранения ведутся утомительные репетиции. Много неполадок возникло из-за нашей воды, взятой из свердловского водопровода. Она оказалась недостаточно прозрачной. Пришлось заменить эту воду ключевой. Административный персонал киносъемочной группы добывал эту воду в суровую зиму далеко за городом...

И вот настал день, когда режиссеры дали команду начать съемку. Двери павильона закрылись для всех. Сотни раз отрепетированные кадры были засняты в короткий

Вулкан в студии.

Неудача! Вспыхнула марля...

Снимают «Гибель Помпей».

Идет натурная съемка.

срок один за другим. Заснятую пленку повезли в Ленинград проявлять (в Свердловске нет лаборатории для проявления цветной пленки).

Потянулись томительные дни ожидания. За это время весь аквариум разобрали и приступили к подготовке нового ландшафта древних геологических эпох. По сценарию М. Витухновского требовалось показать действующий вулкан.

Из 520 действующих вулканов мира в это время не было на всем земном шаре ни одного извержения. Да и экспедиция в зону действующего вулкана сопряжена с большими трудностями и расходами. Решили устроить вулкан в павильоне, в здании студии, на углу улиц Ленина и Луначарского.

Действующий вулкан был изготовлен в половину человеческого роста. С помощью особого приспособления из его жерла вылетали вулканические бомбы — песок и мелкий гравий. Много неприятностей доставил дым. На репетициях он упорно не хотел растекаться так, как это бывает при настоящих извержениях, он тянулся вверх, точно в трубу. Над вулканом была повешена марля. Под таким пологом дым мог некоторое время расстилаться. Однако снимать оказалось невозможно: во время одной из репетиций марля вспыхнула...

Тогда придумали поместить вулкан в аквариум, поставленный на фоне красного полотна. В подсоленную воду из жерла вулкана надо было выдавливать черную краску. Попробовали. Краска действительно растекалась пиниеобразно, но... должного эффекта не получилось. Вернулись к первой модели.

В это время пришло известие из Ленинграда. Вся пленка, на которой были засняты эпизоды из жизни кембрийского моря, оказалась некачественной. Пришлось все начинать сначала: восстанавливать аквариум, искать чистую воду, дергать за веревочку трилобита, пускать пузыри и трясти перед проектором миску с водой (для получения призрачных бликов)...

Те, кто видел фильм «Рассказ о камне», поражаются мастерскому изображению процессов, идущих на не доступных наблюдению глубинах.

Съемка расплавленной огненно-жидкой магмы составила еще большую сложность, чем имитация извержения вулкана.

Репетиции и съемка этих кадров велись под непосредственным наблюдением режиссеров. Режиссер Рымаренко любит вспоминать об этом. Было испробовано много различных вариантов смесей. Краска, вода, керосин, бензин, уксусная эссенция, растительное масло и еще что-то смешивалось в разнообразных пропорциях и сочетаниях. Приходится удивляться, как не взорвался этот коктейль!

Впрочем взрыв состоялся... Он произошел в глубине земли. Вы слышите его, видите на экране, как образовалась трещина, как глубинное вещество превращается в магму и устремляется по трещине. Ценой многократных репетиций, упорных поисков режиссерам удалось достичь предельной динамичности.

Бурные процессы в магме необычайно хорошо показаны в фильме.

Не всегда все шло хорошо.

Режиссеры поставили перед учеными задачу — вырастить искусственно кристалл, похожий на изумруд. Если бы это удалось, можно было бы поставить так называемую цейтраферную съемку, позволяющую снимать по одному кадру через длительные интервалы. Если потом пропустить эти кадры с нормальной скоростью, то получится впечатление роста кристалла на глазах зрителя. К сожалению, такой имитации сделать не удалось.

Не получились также искусственные сталактиты и сталагмиты. В идее все было просто. Вода, пересыщенная карбонатными соединениями, выходя из области повышенного давления в зону, где давление понижено, отдает часть карбонатов на постройку красивых колонн в пещерах, либо нарастающих снизу, либо нависающих с потолка. Цветок, опущенный в такую воду, должен был на глазах зрителя окаменеть... Но в лабораторных условиях цветок не каменеет. Кое-что природа еще делает лучше, чем мы.

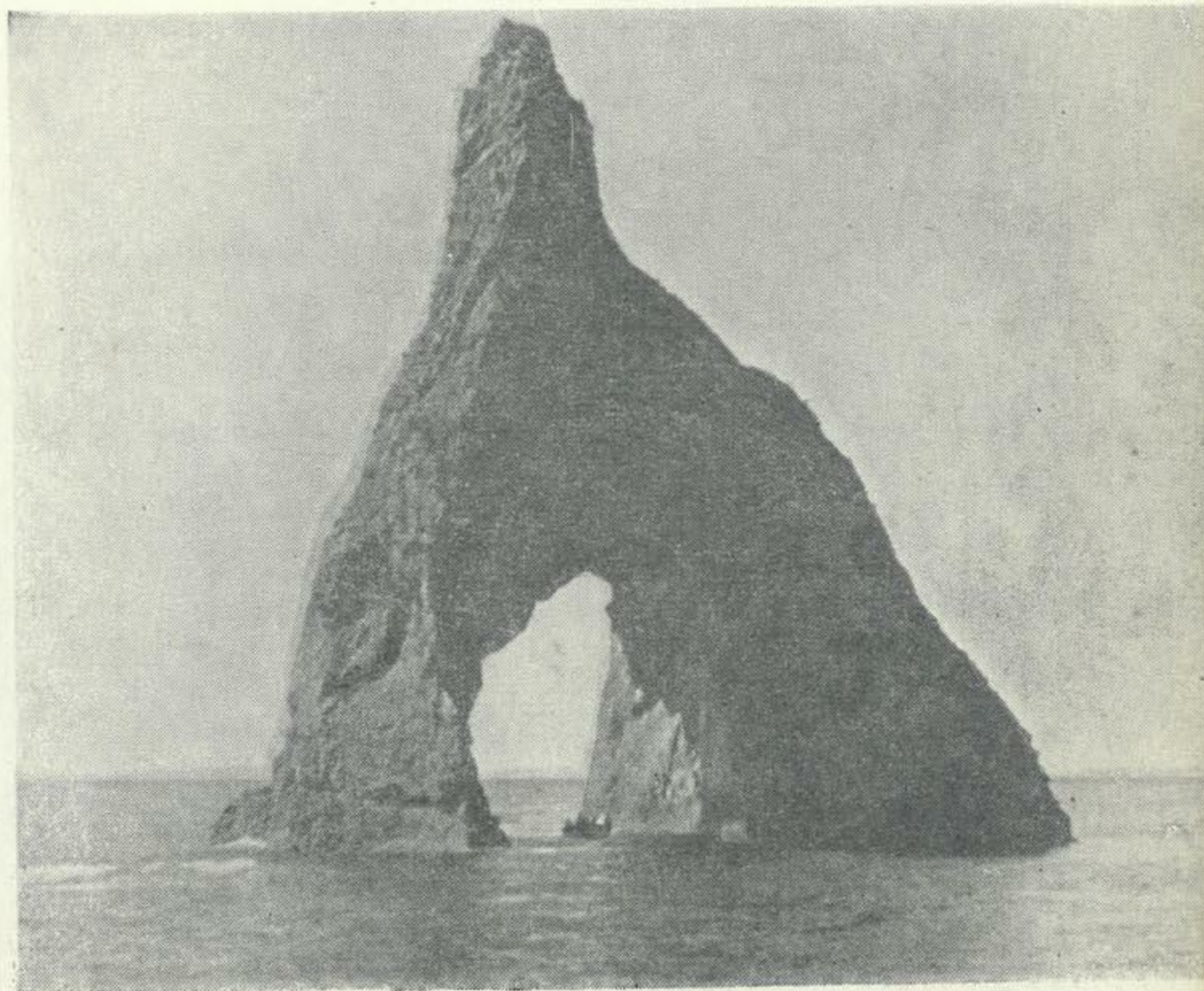
Павильонные съемки заняли конец зимы, а с началом весны съемочные группы поехали в Москву, в Крым, в Ленинград...

В Москве киносъемочная группа сделала ряд удачных снимков в Оружейной палате Кремля, в Геологическом музее Академии наук СССР, на улицах Москвы, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, в метро и других местах.

Здесь же была организована любопытная «погоня» за окаменелостями, жившими сотни миллионов лет тому назад. Их хорошо можно видеть на некоторых станциях метрополитена, особенно в тагильском

Древняя камея.

Крым. Карадагские ворота.

красном мраморе станции Комсомольской. Москвичи с удивлением смотрели на режиссеров и операторов, «что-то» искавших на стене этой станции.

Требуемые сценарием окаменелости удалось найти в колоннах Большого театра. Возник замечательный кадр, перекликающийся с павильонными съемками. Окаменелости колонн театра завершили цикл съемок фауны морских глубин древних морей. Из окаменевших карбонатных илов, ставших известняками, построены многие здания Москвы.

Дальнейшая жизнь известняка, под дыханием раскаленной магмы, также нашла логическое завершение в фильме. Перекристаллизованный известняк — мрамор — вдохновил многих гениальных скульпторов всех эпох. Бессмертные произведения Микельанджело, Родена и многих других искусно показаны в фильме.

Кадры, заснятые в Москве, чередуются с кадрами крупнейшего уральского месторождения мрамора, находящегося в Коелге. Машины режут мрамор, и вырезанные блоки-монолиты сразу же транспортируются на завод.

Динамично поданы в фильме рассказы о каменном литье. Можно, оказывается, вновь расплавить

горные породы, пропустить их через все стадии медленного остывания, контролируемого человеком, и изготовить из литого камня чудесные вещи. Эти кадры, снятые на заводе каменного литья, перекликаются с кадрами о магме.

В Оружейной палате Кремля для съемки были представлены сокровища русских царей, бережно хранимые народом.

В Ленинграде съемки производились в Эрмитаже и в Русском музее. Удачно монтируются в фильме снимки известной картины Брюллова «Последний день Помпеи». Режиссерам удалось по-новому прочесть это полотно. Фрагменты этой картины были соединены с кадрами извержения вулкана, снятыми в студии.

Побывала съемочная группа и в Крыму, и в верховьях реки Печоры, в районе гор Мань-Пупы-Ньер. Выюком, по диким оленьим тропам пробирался сюда отряд.

Легенда народа манси рассказывает, что некогда семь великанов пришли сюда, чтобы уничтожить народ манси. Они подходили все ближе и ближе, но вдруг увидели священную гору Ялпинг-Ньер. От страха великаны окаменели.

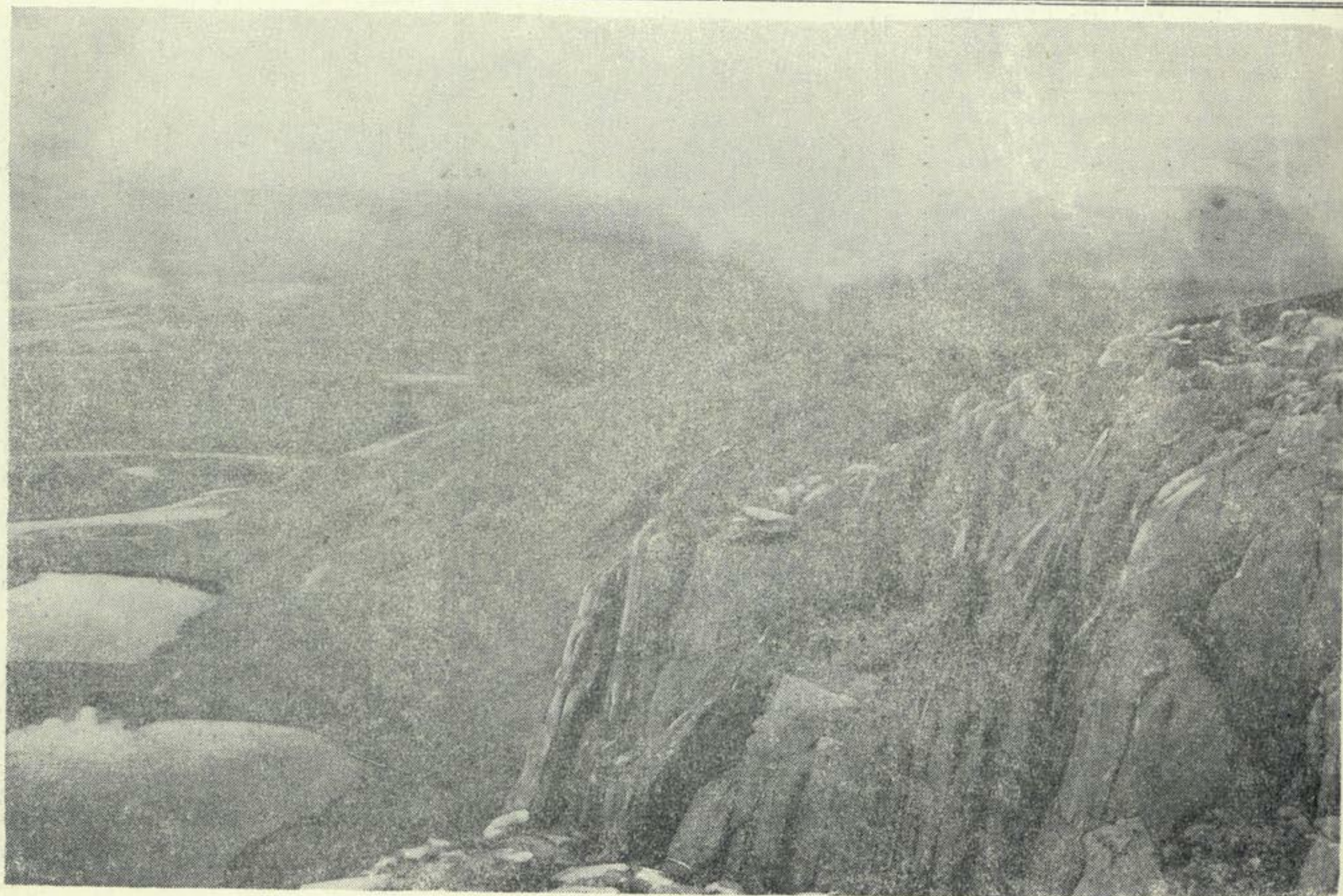
Режиссеры хотели сочетать рисованные кадры с натурными съемками. Здесь же предполага-

лось для специального фильма «Каменные загадки» дать ряд мультипликационных и натурных кадров, показывающих истинное происхождение этих останцев, разгаданное наукой. Но художники подвели, и пришлось отказаться от такого сочетания и ограничиться показом останцев Мань-Пупы-Ньер, величественно возвышающихся над древним Уральским кряжем.

Можно много рассказывать о фильме и особенно о творчестве режиссеров-художников Л. Рымаренко и В. Волянской, мастерски создавших фильм. О таком фильме трудно рассказать. Надо видеть цветные изображения и бурных вод первозданного океана, и раскаленную расплавленную магму и грозные вулканические извержения, и каменное литье во фронтонах здания Московского университета, и красоту изделий из нефрита и сердолика...

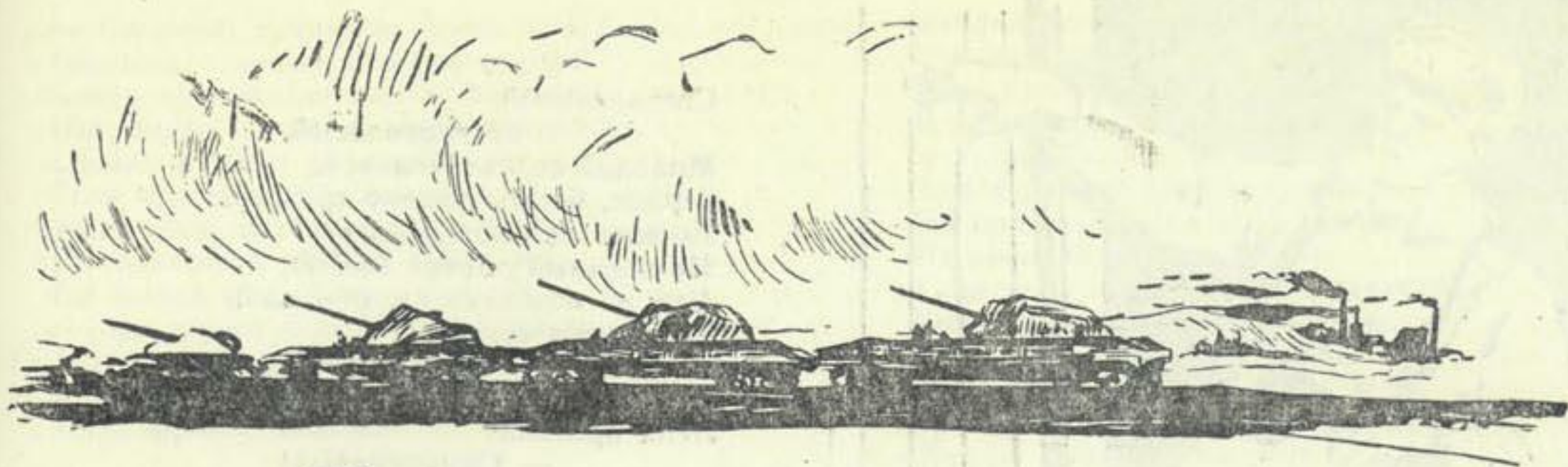
Сверкают, искрятся и таинственно мерцают драгоценности в шапке Мономаха. Блестят грани одного из величайших в мире алмазов. Но еще более ярким светом горят рубины, искусственно изготовленные человеком.

Покорение и познание сил природы — это один из главных мотивов фильма.

На Северном Урале.

Фото Ф. Сергеева.

В дни войны

Лев Сорокин

Рис. Е. Гилевой

ПОЭМА

1

Ребятишки гурьбой веселой
Выбегают навстречу мне.
— Здравствуй, здравствуй, родная школа,
На окраинной стороне!
Сколько лет я тебя не видел
С выпускного давнего дня!
И мне кажется,
что в обиде
За разлуку ты на меня.
Опустел тротуар, дорога.
«Эх, была не была!»
К окну
На руках подтянусь немного,
В юность школьную загляну!

2

Память,
добрый ты мой волшебник,
Мне былое на миг верни,
Посади за парту,
учебник
И тетрадь опять разверни!
Посади меня с Леной рядом,
Что казалась мне лучше всех!
Дай же встретиться с нею взглядом
И услышать задорный смех...
И напomini...

как то и дело
Говорил репродуктор нам,
Что сражение миров гремело,
Что страну не сдадут врагам!
Не забыть мне вот эти годы.
Да и вправе ли забывать?
После школы

мы на заводы
Шли отцам своим помогать!
И в тайге мы дрова рубили,
Вывозили их тоже мы.
С Леной вместе повсюду были
До конца грозовой зимы.
И о подвигах с ней мечтали,
Собирались на фронт уйти.
И не знали,
что к нам из дали

Фронтовые ведут пути.
И по ним к нам...
Но подожди же,
Так нельзя забегать вперед,
Подожди,
я вначале вижу
Эшелоны, вокзал, народ.
В эти тяжкие дни планеты

Указать без компаса мог
Нам вокзал все стороны света:
Север, запад, юг и восток.
Поезд воинский —

лишь на запад!

Санитарный —

лишь на восток!

О вокзальный знакомый запах,
О сплетенье стальных дорог!
Пушка, вставшая на платформе,
Согревается под чехлом.
Рядом с ней наш учитель в форме,
С автоматом и вещмешком.
Вот на цифрах прощанья встанут,
Вздрагнув,

стрелки у всех часов.

С детства я не люблю расставаний
На вокзалах у поездов,
Этой фразы: «Я не забуду!»
Все мне кажется:

вместе с ней

Уезжают не просто люди,
А частицы судьбы моей.
И кричите вы не кричите,
Разве поезд остановить?
Уезжает родной учитель,
Много лет нас учивший жить!
Из туманной вечерней дали
«До свиданья!» гудел гудок.
Рельсы мелко еще дрожали,
И за стрелкой

мелькнул огонек...

Но уже подошел с вопросом,
Приминая выпавший снег,

Светлоглазый,
светловолосый,
Молодой совсем человек.
Сердце, бьешь почему тревогу:
Указать или нет дорогу?
Не военный объект РОНО,
Что ж, пожалуйста, вон оно!
Улыбнулся он нам:

— Отлично!

Может, встретимся мы, друзья!
Лена бросила:

— Симпатичный!

— Да,— ревниво ответил я.
Вот и скрыл его зимний вечер,
Нас домой увели дела,
Но случайная эта встреча
Неслучайной совсем была.

3

Утром, только звонок раздался,
Я услышал со всех сторон:
— Встречный физиком оказался.
— Поступает к нам в школу он.
— Вместо старого! — шепчет Лена,—
И при школе он будет жить.
Познакомимся с ним непременно,
Эх, тебе бы таким вот быть!
Чем я мог тогда отличиться?
Далеко от меня был фронт,
Только плавок ночных зарницы
Прожигали наш горизонт.
Я шагал тротуаром в школу,
Он шагал в партизанский стан,
В час ответов моих веселых
Он стонал от смертельных ран.
Были преданы партизаны,
Только он один уцелел.
И потом, несмотря на раны,
Через фронт перейти сумел.
Если б мог он, то, несомненно,
Возвратился туда, где бой...
— Ведь герой он? — спросила Лена,
Я вздохнул тяжело:

— Герой!

4

Путешествием через дали
Для меня был любой урок,
Где мы только не побывали
До того, как звенел звонок!
Перемена — лишь краткий отдых,
Нам дороги видны за ней:
Мы карабкались к ярким звездам.
Опускались мы в глубь морей.
И хорошие педагоги
За один короткий урок
Находили в тайны дороги,
Открывали тайны дорог!
Да и физик наш светлоглазый
Больше нравиться начинал,
Увлекал меня с каждым разом,
В мир неведомый увлекал!
А замешкаешься с ответом —
Снова может все объяснить!
Незаметно, но за советом
Стали часто к нему ходить.
Сядешь рядом за старый столик
И рассказываешь обо всем:
И о том, что творится в школе,
И о том, как живет наш дом!
Даже маму не позабудет:

— Слышал, трудится лучше всех?
Слышал, слышал, что сто орудий
Сверх программы дал мамин цех!..
Нет, легко с ним! Совсем нестрогий,
Словно с нами он вместе рос,
Если грустно тебе немного,
Вмиг тебя рассмешит до слез.
Но однажды, всегда веселый,
Он вошел без улыбки в класс:
— Мы сидим в этой тихой школе,
А на фронте — жара сейчас!
У ребят стали лица строже:
Надо фронту помочь?

Поможем!

И сегодня весь класс пойдет
Хоть на стройку, хоть на завод,
На «десятый», «двенадцатый», «сотый»,
На любом фронтовой заказ,
И повсюду своей работой
Мы поможем бойцам сейчас!

5

Мы шагали к заводу строим,
А хотелось бы прямо в бой!
Ну, на много ли старше Зоя?
Лиза Чайкина? Кошевой?
Ну, помощниками героев
Мы могли быть в шестнадцать лет?
Мне райком дал сердце второе —
Комсомольский родной билет!
Если первое сдаст в дороге,
То второе силы дает
Одолеть любые отроги
И любую из всех работ!
Ведь такое же, ведь такое
Зое тоже вручал райком!..
На завод мы входили строим,
Чтобы фронту помочь трудом!
Ух, и здорово мы устали,
Ох, и сильно ныла спина:
Разгружали в тот день детали
На «десятке» мы дотемна.
И таскали к станкам болванки,
Не жалели ни сил, ни рук.
Физик вдруг распрямился:

— Танки!

Да, гудела земля вокруг!
Физик встал на ящик:

— Не видно!

Даже сплюнул он:

— Так обидно,

Только грохот стоит один
От колонны стальных машин!

Уходили они с завода,
Уходили на смертный бой,
Чтоб пройти сквозь фронты и годы
И прикрыть нас в огне собой!
И не знали еще фашисты,
Как у танков крепка броня:
Не пробьет орудийный выстрел,
Не расплавит струя огня!
Таял быстро за дымкой мгlistой
Бронированный гулкий гром...
Физик с ящика слез.

И чистил

Грязь под ногтем складным ножом.

Кто-то бросил развязно:

— Здравс-с-те,

Перочинник на мой похож.

Я взглянул:

рабочий скуластый

Вынул точно такой же нож,

В чуть изогнутой рукоятке

(Вот такой бы приобрести!)

В четком, строгом, стальном порядке

Лезвий около десяти!

Физик вздрогнул слегка:

— Забавно!

Вновь на нож посмотрел чужой:

— Вы купили его недавно,

В магазине на Трудовой?

— Нет, в культмаге Больших Полянок.—

И последовал смачный мат,

Так что физик от грубияна

Вмиг отвел всех своих ребят.

Обронил он листок тетради,

Я нагнулся поднять листок.

Но скуластый со смехом сзади

Сбил ударом коротким с ног!

Я был лучшим боксером в школе,

Но скуластый исчез с листком!

Сжал и физик кулак до боли:

— Жаль, что с этим я не знаком!..

А листочек? Вам показалось!

Вряд ли это листочек мой!

Виновата, видать, усталость,

Значит, надо шагать домой!

6

Время шло. И однажды робко

Постучала в окно капель.

Это утром из леса тропкой

В город к нам прибежал апрель.

Вон следы его: лужи, лужи!

Сердце вьюгам уж не завьюжить!

В честь побед фронтовых — салют!

Пушки бьют! Слышишь? Пушки бьют!

Не спалось мне.

И как случилось,

Что на школьный ступил порог?

Ночь. А в школе окно светилось,

Там,

где новый жил педагог.

Силуэты в квадрате света...

— Сторож, тетя Паня, открой! —

Ни ответа и ни привета

На призыв слишком тихий мой.

Где же, где же ты, тетя Паня?

Спит, наверное, сладким сном?

— Если спит — до утра не встанет,

Не разбудит ни шум, ни гром!..

Чей-то голос знакомый слышу?

Кто ругается пьяно так?

Может, лестницей на крышу,

А оттуда — через чердак?
 ...Я вошел — и вскочили двое,
 Невысокий качнулся стол.
 Физик вмиг овладел собою:
 — А, непрошенный гость пришел!
 За победы-то выпить можно? —
 Физик встал.

Да ведь он не пьян,
 Он глядит на меня тревожно,
 Как гранату, зажав стакан!
 Кто второй?

Да ведь то скуластый!
 На столе — изогнутый нож!
 И припомнилось снова:

— Здрас-с-те,
 Перочинник на мой похож!
 Значит, были они знакомы?
 Физик крикнул мне:

— Подожди!..
 Я бежал без дороги к дому
 И не видел, что впереди.
 И толкал на бегу прохожих,
 И услышал: — Вот хулиган!
 И услышал еще:
 — Похоже,
 Мальчуган этот просто пьян!

7

Я считал, что сказали мудро:
 «Утро вечера мудреней!»
 Утром все расскажу!

Но, утро,
 Сколько ты испортило дней!
 Тетя Пана глядит сердито,
 Сторонятся меня друзья.
 Ночью в школе окно разбито?
 Но при чем тут, ребята, я?
 Сердце, ты не вместишь обиды?
 Так, ребята, шутить нельзя:
 — Физик ночью меня увидел,
 Утверждает, что пьян был я?
 Исключают меня? Не верю!
 Все хотел рассказать, не смог:
 Где-то хлопнули гулко двери,
 На уроки позвал звонок.
 Только Лена шепнуть успела:
 — Верю, верю тебе, Андрей!
 А потом сказала несмело:
 — После школы... жду у дверей!

Я по школе тогда шатался,
 В первый раз не пошел я в класс
 И на самый чердак забрался,
 Чтоб не встретить суровых глаз.

Там сидел в полутьме под крышей,
 В ломкой призрачной тишине.
 — Где ты, батя, откликнись, слышишь?
 Как тебя не хватает мне!
 Ты молчишь?

Знать, задание дали
 И садишься в свой танк опять?
 Показалось, отец сквозь дали
 Приказал мне:

— Не унывать!

8

Может, спал, может, был я болен?
 Но, когда уходил домой,
 Ночь в пустой и притихшей школе
 Каждый шаг отмечала мой.
 Я старался шагать потише,
 Но, пройдя физкультурный зал,
 Голос физика я услышал,
 Он кому-то про взрыв сказал.
 Взрыв «десятки»?

Я не поверил.
 Но входные скрипнули двери,
 Да ведь это скуластый, тот,
 Он пошел сейчас на завод.
 И припомнилось снова:

— Здрас-с-те,
 Перочинник на мой похож!..
 Значит, к физика шел скуластый,
 И паролем служил им нож!
 Сердце, бьешь почему тревогу!
 Что, не веришь ты педагогу?
 И услышал в ответ я вдруг
 Стук не сердца —

морзянки стук!
 Не решалась трудней задача:
 Взрыв? Завод? Передатчик прячет!
 Я-то знал, что стране сданы
 Все приемники в дни войны!
 Вновь припомнил вокзал и холод,
 Частый чистый и крупный снег.
 Неспроста вместе с ночью в город
 К нам чужой вошел человек?!
 И недаром почти полгода
 Он ребят расспрашивал всех:
 — Как у брата дела на заводе?
 — Как работает мамин цех?
 ...В снег проваливаясь по колено,
 Торопился я не домой:
 Нужно, нужно мне непременно
 Сообщить, чтоб пришли со мной!
 Лишь успеть бы, чтоб над заводом
 Не ударил вдруг столб огня!
 Две фигуры у перехода
 Молча двинулись на меня.
 Я не помню, как было это,
 Ведь была же пустынной даль?
 Но сверкнула полоска света,
 Превратясь в ножевую сталь!
 Я не чувствовал боли дикой,
 Лишь в груди моей горячо!
 Да как будто небо от крика
 С шумом рухнуло на плечо!
 Только тело вдруг ослабело,
 Я упал, полсугроба взрыв,
 И услышал в метели белой
 Снова страшное слово: — Взрыв!
 Сколько бед в этом слове? Сколько?
 Развалилось оно, звеня!
 И, как будто взрыва осколки,
 Буквы падали на меня!

Значит, физик меня услышал?
Значит, все же меня догнал!
Вновь увидел звезды, крыши
И, наверное, застонал!
Но на сердце — сердце второе:
Комсомольский родной билет!
Ну, на много ли старше Зоя?
Не намного! Конечно, нет!
— Врете, все-таки доползу!..
Кто-то стер со щеки слезу.
— Лена, ты?
Я вздрогнул невольно.
Вся в снегу? Вся белым-бела!
Видно, ты у дверей у школьных
Целый день меня прождала?
Ты все видела?

Так беги же!
Расскажи? И еще — про взрыв!..

Я не умер тогда, я выжил,
И, глаза поутру раскрыв,
Я увидел:
лежу в палате,
Что похожа на школьный зал,
И сидит надо мной в халате,
Словно лунь, седой генерал!
Он с улыбкою мне сказал:
— Молодец! Ты врага поймал!

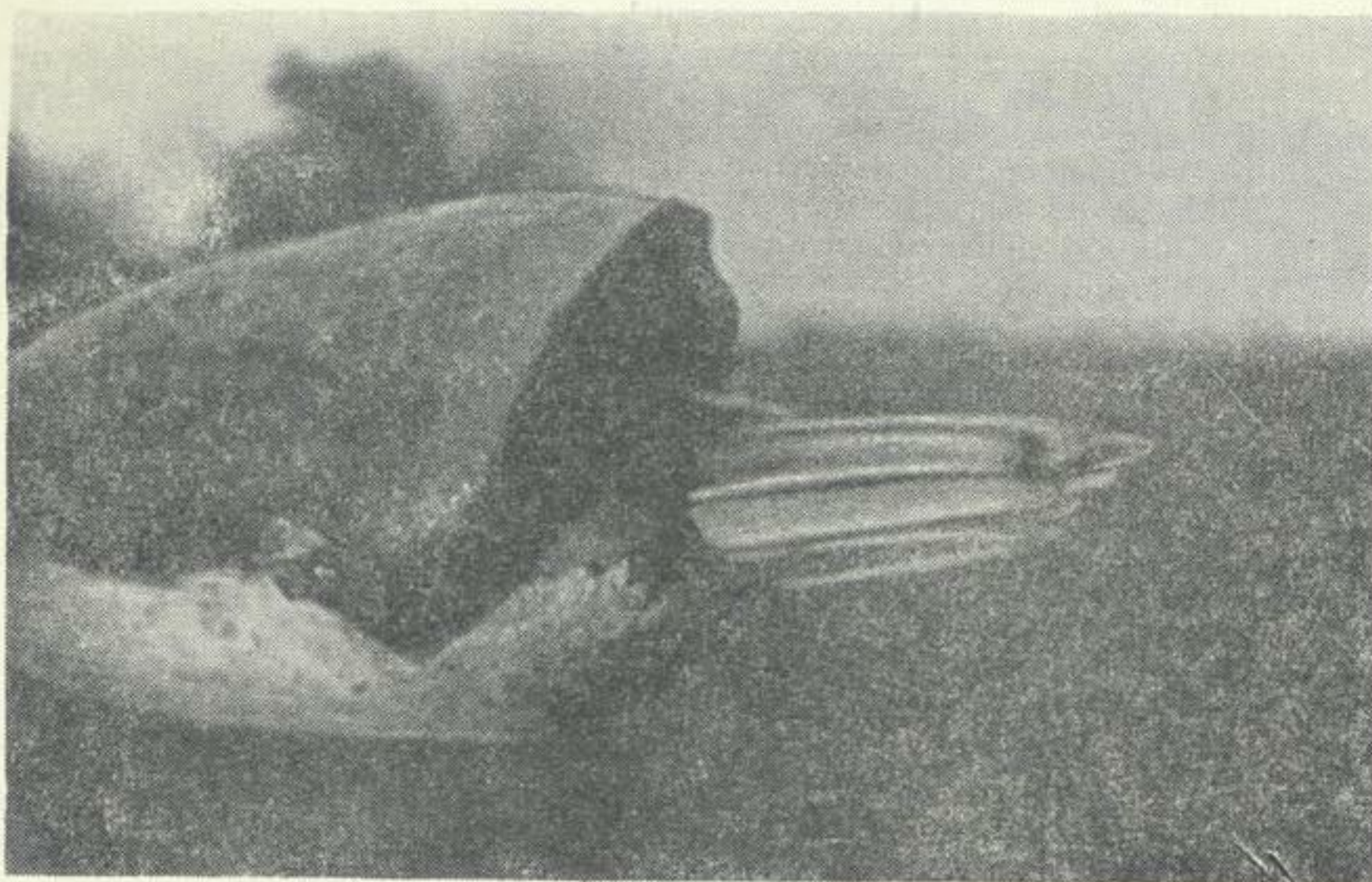
Нет, не русский — балтийский
немец,
Он проник в партизанский стан,
Подружился почти со всеми,
Чтоб предать потом партизан!
Зря считал он себя счастливым!
К нам явившись для темных дел,
Если б знал, мечтая о взрывах,
Что не он один уцелел,
Что пробились два партизана,
Несмотря на голод и раны.
И от них прилетели к нам
Волны, волны радиogramм.
И к нему уж люди шли,
Вы лишь с Леною помогли!

9

Вот и все.
Через год к вокзалу
Лена шла меня провожать.
Паровоз прогудел устало,
Запыхтел и затих опять.
О вокзальный знакомый запах,
Ветер юности и весны!
Поезд мой уходил на запад,
Где гремел еще «бог войны».
Вот на цифрах прощанья встанут,
Вздвигнув, стрелки у всех часов,
С детства я не люблю расставаний
На вокзалах у поездов,
Этой фразы: «Я не забуду!»
Все мне кажется: вместе с ней
Уезжают не просто люди,
А частицы судьбы моей!..
Лена, где ты?..
Гурьбой веселой
Ребятишки бегут ко мне.
— До свиданья, родная школа,
На окраинной стороне!

РОЖДЕНИЕ ГИГАНТА

Что это такое? Трудно догадаться тому, кто никогда не видел рождения могучего уральского красавца-кедра.

Фотолюбитель Г. Д. Стадников сумел подсмотреть этот интересный момент. Он вместе со своей дочкой Галей пять дней держал кедровый орешек в мокрой тряпочке, а затем посадил его в цветочный горшок. Вскоре орешек лопнул и выпустил корешок, а следом с другого конца выпустил желтый пучок иголок.

Родился новый кедр. Если его посадить в лесу, какой потом из него может вырасти гигант!

А. ПЕТРОВ,

Вот куда пришлось забраться!

Густой сосновый лес на окраине болота. У самой воды, между двух деревьев, на трехметровой высоте — гнездо. И в нем самка бекаса, необычайный обитатель для гнезда такой высоты. Бекас — птица водоплавающая и гнезда свои обычно вьет где-нибудь на кочке в болоте. Вероятно, запоздалая весна, нестаявший снег заставили бекаса свить на этот раз гнездо на дереве.

И. Мясников

Славяне издавна занимались оленеводством. Поэтому сентябрь, месяц рева оленей, лосей, они называли рюен, или рувень, от слова рюити — реветь. Теперь это слово вышло из употребления и забыто.

На лесных полянах часто встречаются мелкие кустики, привлекающие много пчел. Это верес, или вереск. В современном украинском, белорусском и польском языках до сих пор бытует древнеславянское название сентября — вересень, происходящее от названия этих кустиков.

От устаревшего теперь слова грозд (гроздь) происходит еще одно название — гроздобер, — то есть месяц поспевания рябины, винограда и других плодов и фруктов.

О. БУЛГАКОВА

ДНЕМ С ОГНЕМ

Только днем с огнем приходится брать воду из подземного родника на речке Сухой Лог (Ниже-Сергинский район).

На картах эта речка показана вначале извилистой линией, а в нижнем течении пунктиром. У речки есть русло, густо поросшие кустами берега, заливчики, отмели, островки — все, что полагается иметь реке. Нет только... воды. На сухом, прогретом солнцем щебенистом русле стоят лишь редкие лужицы теплой воды. Они повторяют пунктирные черточки карты.

Люди, работающие на покосах и в лесу, берут воду не из реки, а из подземного родника. На правом берегу безводной речки есть небольшая пещера. В глубине ее, в пяти-шести метрах от узкого щелевидного входа, бьет родник хрустально-чистой и очень холодной воды. Чтобы пройти к роднику, зажигают смолистую лучину или пучок бересты.

Не доходя до реки Серги километра два, речка Сухой Лог постепенно уходит под землю. Это объясняется тем, что здесь очень развиты карстовые явления (карстами называются пустоты под землей).

Николай Хрущев

В помощь следопыту

В. МАТВЕЕВ,
преподаватель психологии.

«...Однажды днем в лугах ко мне... пристала ласточка. Она кружилась около меня, задевала за плечо, кричала жалобно и настойчиво, будто я у нее отнял птенца и она просила отдать его обратно. Она летела за мной, не отставая, два часа, и в конце концов мне стало не по себе. Я не мог догадаться, что ей нужно. Я рассказал об этом знакомому деду Митрию. Он посмеялся надо мной.

— Эх ты, безглазый! — сказал он... и открыл мне простую истину: когда человек идет по некошеному лугу, он спугивает сотни кузнечиков и жуков, и ласточке незачем выискивать их в густой траве — она летает около человека, ловит их на лету и кормится без всякой заботы».

Я прочитал эти строчки рассказа К. Паустовского и задумался: действительно, как часто явления кажутся нам непонятными только потому, что мы «безглазы», то есть не наблюдательны.

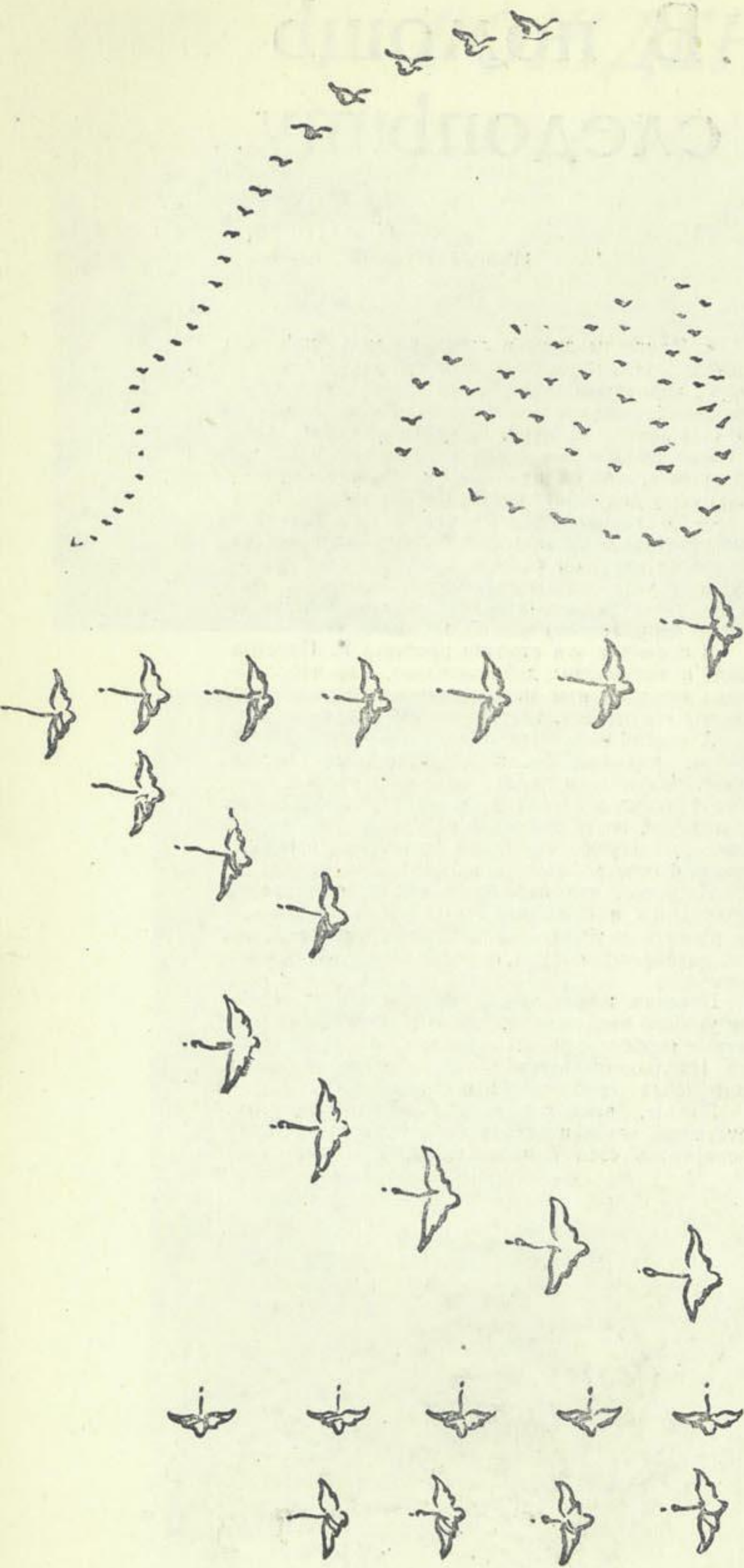
А способность эта — замечать мельчайшие, совсем, казалось бы, не существенные детали, сопоставлять их и делать выводы — очень важна и необходима в любой деятельности. Ни в труде, ни в науке, ни в искусстве нельзя создать ничего нового, не научившись цепко схватывать и осмысливать факты многообразной жизни.

Известно, что наблюдательность естественно развивается в процессе деятельности. Но можно ли развить ее искусственно, путем тренировок, так, как развивают силу и выносливость, волю и память?

Конечно, можно. Ведь обучают же разведчиков умению видеть существенные, хоть и мало заметные особенности наблюдаемых объектов, событий. Наблюдательность — результат сознательных длительных упражнений и наблюдений.

Значит, если хочешь быть наблюдательным, неустанно, везде и всегда пользуйся случаем потренировать себя в наблюдении. Чем оно будет

полнее, содержательнее по результатам в каждом отдельном случае, тем лучше разовьется у тебя эта замечательная способность — быть зорким и приметливым!

От чего же зависит полнота каждого отдельного наблюдения?

ГДЕ У КОРОВЫ РОГА?

Прежде всего, отучитесь бездумно «глазеть», глядя по сторонам. А для этого постоянно ставьте конкретные задачи наблюдений. Если нет цели наблюдения, мы можем сотни раз смотреть на предмет и мало что видеть в нем.

Как-то прошлой осенью я спросил у группы студентов, вернувшихся из колхоза с уборочной:

— Скажите, как удается лошади удерживать грузеную телегу при крутом спуске с горы? Почему оглобли телеги не срывают хомут с шеи лошади?

Несмотря на то, что все студенты ездили на телегах, а некоторые и запрягали лошадей, ни один из них не сказал о назначении шлей в упряжи.

А попробуйте-ка вы сами ответить на вопросы о таких много раз виденных вещах. Где у коровы растут рога — впереди или позади ушей? Какова форма ручки дверей в вашей квартире? Римские или арабские цифры на ваших ручных часах, на настольных часах у вас в доме, на кремлевских курантах?

Не каждый способен ответить на эти вопросы только потому, что не ставилось такой цели наблюдения.

Более того, часто об очень хорошо известном нам деле мы говорим: «Я знаю это, как свои пять пальцев». А многие ли из нас хорошо знают свои пальцы? Посмотрите на них внимательно. Уверены вы, что узнали бы свою руку по фотографии, предъявленной вам среди фотографий пальцев рук других людей. Обратите внимание на форму ногтей, на кожные узоры концов пальцев. Какие на пальцах волосы? Какую форму имеют извилистые складки кожи на суставах? Вероятно, плохи были бы наши дела, если бы мы знали их, как свои пять пальцев!

Вот почему важно тренировать себя в наблюдательности в соответствии с профессиональной направленностью — к чему вы себя готовите.

Одни будут наблюдать за людьми, чтобы определить профессию, некоторые черты характера, вкусы человека по его поведению, манере одеваться, по жестам, мимике и другим признакам. Другие будут наблюдать за характерными архитектурными особенностями зданий. Третьи будут присматриваться к видам и особенностям транспорта.

И у каждого, кто будет ставить любые цели наблюдений, постепенно разовьется способность не только смотреть, но и видеть, то есть примечать полезное, нужное, а не только бросающееся в глаза.

ЗНАНИЯ ПОМОГУТ В НАБЛЮДЕНИИ

На полях этой страницы изображено шесть птичьих стай. Знаете ли вы, какие птицы летают так во время перелетов в далекие края? Следопыту это знать полезно. Это ибисы, журавли, утки,

гагары, гуси и кривки. А на другом рисунке вы видите ряд ошибок, сознательно допущенных художником. Сколько ошибок вы заметили? Одну, две? Это плохо, у вас не хватает знаний, чтобы увидеть все ошибки. Если вы увидели ошибок пять-шесть, это уже хорошо. А всего их восемь.

Для того чтобы читатель мог видеть, насколько велика роль знаний в наблюдательности, уместно рассказать о следующих фактах, описанных в литературе. Во время войны шпион под видом связного пытался пройти в штаб одного соединения. Но «связист» допустил два отступления от служебного порядка, которые были подмечены одним из бойцов: во-первых, на конверте, сделанном из газетной бумаги, не было сургучных печатей, во-вторых, «связист» не имел положенного оружия. Это вызвало подозрение у бойца, который твердо знал уставные положения, и шпион был задержан. Другой пример. Разведчик-наблюдатель находился на переднем крае обороны. Он ежедневно пересчитывал болотные кочки — их было двести семьдесят восемь штук. А в один из дней вдруг прибавилось четыре кочки. Значит, появилось четыре замаскированных пулеметных гнезда. Но как эти фальшивые кочки отличить от настоящих? Выручили знания разведчика: у натуральных кочек верхушка пухлая, бурая, словно в шерстяных ворсинках, а если кочку подрезать лопатой и оставить без питания, то мох сохнет, становится светлее, и на вершинке кочки образуется словно желтая пролысина. По этому признаку он и отличил замаскированные пулеметные гнезда от настоящих кочек.

Знание подопечных объектов, как мы видим, имеет огромное значение в наблюдениях, связанных с любой деятельностью. Поэтому к наблюдениям в той области труда, которую мы избираем, необходимо готовиться, накапливая возможно больше специальных знаний.

Поразительна наблюдательность Шерлока Холмса — героя целой серии рассказов английского писателя Конан-Дойля. Этими рассказами до наших дней зачитываются не только школьники, но и взрослые. И это не случайно, так как в них наряду с занимательностью много поучительного. Писатель, например, постоянно подчеркивает, что наблюдательность Холмса в значительной степени

определялась его длительной подготовкой. Он написал специальные работы о различии между пеплом разных сортов табака, где перечисляется сто сорок сортов сигар, папирос и трубочного табака; о влиянии профессии на форму руки; о следах ног; о различных видах тайнописи, о татуировке. Он собирался писать статью о значении пишущих машинок для расследования преступлений, исходя из наблюдений, что «всякая пишущая машинка обладает в такой же мере индивидуальными чертами, как почерк человека».

У нас, конечно, нет необходимости заниматься такой подготовкой к наблюдениям, какую проводил знаменитый сыщик. Но специальную подготовку другого рода мы должны все же проводить.

Готовясь к экскурсии, нужно предварительно почитать о будущих объектах наблюдения, ознакомиться, если это возможно, с их рисунками, фотографиями. В этом случае мы больше увидим и узнаем во время экскурсии. Даже собираясь в театр, на концерт, в картинную галерею, и то уместно заранее ознакомиться с содержанием оперы, симфонии, с жизнью художника, композитора. Это углубит восприятие.

И уж, конечно, большую работу по специальной подготовке своих наблюдений должны проводить будущие следопыты-первооткрыватели, будущие географы, геологи и биологи, туристы, охотники и рыболовы.

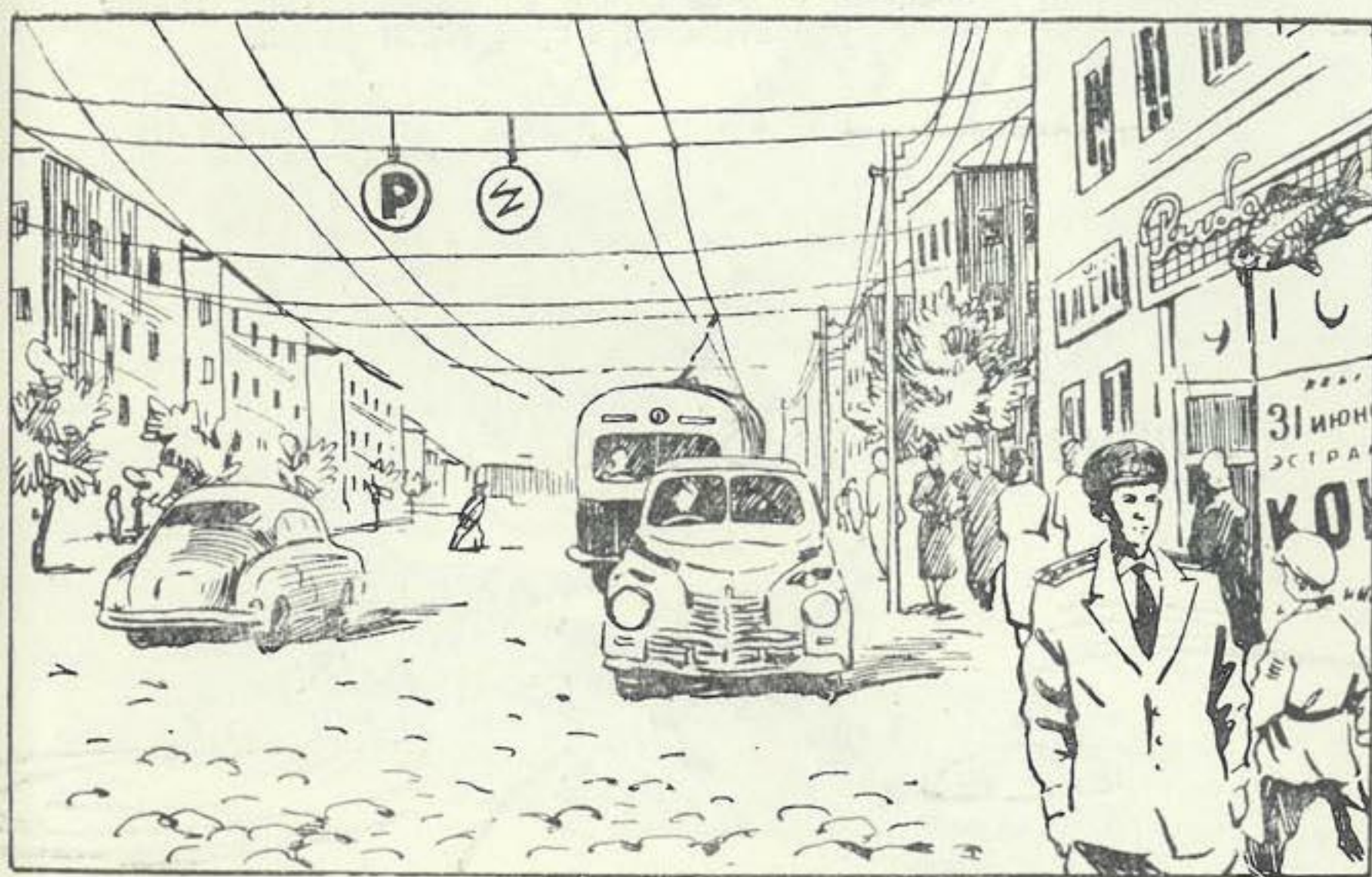
Как полезно умение читать следы! А искусством этим владеют немногие. Большинство людей неспособно отличить даже собственный след от других следов. С этого и надо начать изучение азбуки следопытства.

Сделайте себе альбом следов зверей и птиц. В этот альбом вы будете перерисовывать или помещать фотографии следов, которые вы увидели на снегу, на песке, на влажной почве.

Воспользуйтесь выпавшим за ночь снегом или обильным дождем и не упускайте случая! Идите учиться читать следы в парк, в лес, в поле и просто на улицу. Вот прошли две женщины, одна из них с полными ведрами на коромысле, — запомните различие между их следами. Вон бежит мальчик. Затем он остановился, оглянулся и пошел спокойно. Установите различие между рисунком следов и длиной шага идущего и бегущего человека. Составьте табличку из собственных наблюдений, какова зависимость между ростом человека и длиной его шагов.

Следопыт должен знать и приметы погоды, и вид горных пород и полезных ископаемых, и вид и запах лекарственных растений, должен различать съедобные и ядовитые грибы и другое.

Итак, накапливайте знания, обогащайтесь специальным опытом наблюдений — и вы не будете проходить мимо безмолвных доселе мелочей. Они заговорят и расскажут вам многое.

КАК НАБЛЮДАТЬ?

Возьмем такой простой случай. Не искушенный в наблюдении человек вошел в комнату на несколько минут. Его взгляд беспорядочно скользит по предметам, останавливается на одних и тех же вещах по нескольку раз. И все же иных вещей человек не заметит совсем. А как подчас бывает важно умение, окинув взглядом комнату, увидеть возможно больше. Конечно, это достигается тренировкой, но, тренируясь, вырабатывайте привычку наблюдать планомерно. Огляните пол, что на нем стоит, лежит. Мысленно представьте, как вы начертили бы план комнаты и всех вещей в ней. Последовательно осмотрите стены. Что вы увидели? Запомните расположение дверей, окон. Взгляните на потолок, обратите внимание на электропроводку, на люстру. Если эти упражнения вы проводите в игре, то после планомерного осмотра вы и с завязанными глазами способны дать больше правильных ответов на самые хитроумные вопросы товарищей. Что висит на стене справа от двери? На каком окне стоит фикус? (Фикус около углового окна на подставке). Какого цвета занавески на окнах? (А занавесок на окнах вообще нет).

Подобные игровые упражнения можно проводить во время походов, зимой и летом, в лесу и на воде. Лучше всего выбрать для такой игры какую-нибудь возвышенность с хорошим обзором окрестностей. Попробуйте провести такую игру, и вы убедитесь, насколько велико значение планомерности наблюдения для его содержательности, полноты.

При рассматривании открыток и репродукций с картин также можно упражнять наблюдательность. В этом случае в виде плана наблюдения можно вооружиться такой серией вопросов: Что хотел художник сказать своей картиной, какую идею хотел выразить? Какая страна, какая национальность изображены на картине? Какая эпоха, какой век, десятилетие, год? (Правильные ответы на эти вопросы может дать знание особенностей архитектуры, костюмов людей, обычаев и т. д., свойственных разным народам в разные эпохи.) Какое время года, время суток? Каковы взаимоотношения лиц, изображенных на картине, их социальное положение, их профессии?

УМЕЙ ВЫДЕЛИТЬ ГЛАВНОЕ

Мы лучше подметим своеобразие наблюдаемого явления, если будем сравнивать его с другими. Вы неоднократно видели галок, ворон, сорок. Чем они отличаются друг от друга? Вы легко скажете далее, чем отличается ель от сосны. А чем отличается от них лиственница? Или определите-ка, в чем различие двух школьников, идущих домой.

Оба одного примерно возраста, оба в формах, оба с портфелями. Но чем они все же отличаются друг от друга? А вон по улице идут женщина и мальчик. Казалось бы, ничего общего у них не может быть. Но все же, давайте из сравнения попытаемся установить, есть ли что-нибудь общего в их облике: в поведении, походке, одежде, в чертах лица?

Для развития способности выделять главное в процессе наблюдения очень полезны и такие упражнения. Дайте устное описание внешности какого-нибудь вашего товарища, да так, чтобы любой по вашему описанию узнал бы его среди многих сверстников. Это нелегко. Но это очень помогает выделять во время наблюдений характерные особенности человека. Или опишите по памяти дорогу до вашего дома, если идти из школы, из кино, от ближайшей трамвайной остановки. Причем так опишите, чтобы человек, не читая названий улиц и номеров домов, мог бы легко отыскать ваш дом и квартиру. Не каждый сможет дать такое описание дороги, хотя проходил по ней сотни раз. Но если вы по пути домой будете готовить такой рассказ, то, без сомнения, отметите на своем пути основные вехи, по описанию которых любой человек сможет найти ваш дом. Словесная формулировка, мысленная подготовка рассказа о том, что мы видим, помогает выделить во время наблюдения наиболее существенное, заставляет нас дольше задерживать взгляд на самом важном.

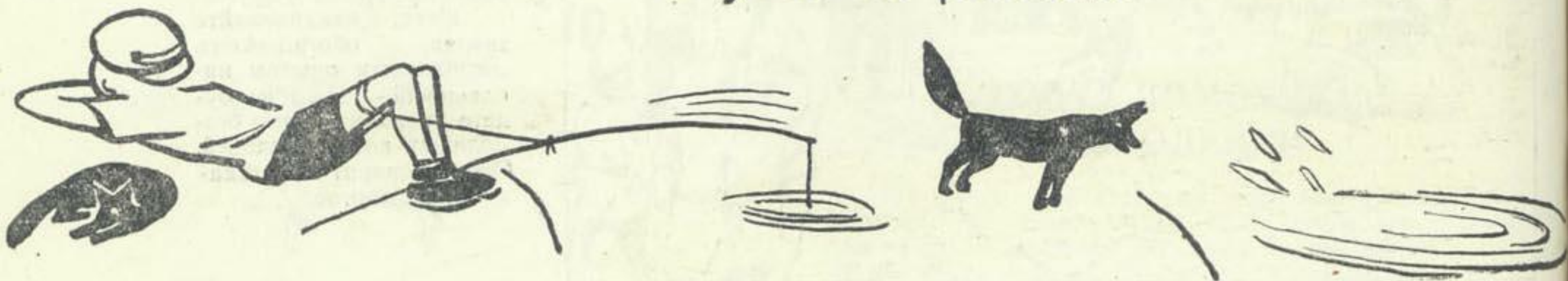
* * *

— Детские забавы! — скажет кто-нибудь.

Да, забавы и развлечения. Но они требуют неустанныго сосредоточения внимания, напряжения воли и мысли. А ведь именно эти качества и должны развивать в себе будущие преобразователи природы и завоеватели космоса, будущие зодчие нашей удивительной и прекрасной жизни.

Рис. М. Бурзалова.

Случай на рыбалке

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ

Юр. КИН

Рис. В. Крылова

ГИБЕЛЬ СТАРОЙ ПЛОТИНЫ

Зима 1945-1946 гг. на Урале выдалась необычно снежной. По словам стариков, выходило, что такой давно не бывало. И, когда весной пришло время снегам таять, с гор хлынули целые потоки воды. Забурлили полноводные ручьи, все полнее и стремительнее становились скромные уральские речушки. С трудом сдерживали их старенькие, еще прадедами строенные плотины заводских прудов.

Река Межевая Утка, на которой некогда стоял созданный еще при Демидовых Висимо-Уткинский завод, не отстала от своих подруг — разлилась привольно, далеко зашла в прибрежные поля и огороды. Демидовского заводика уже давно не было, а плотина — неременная принадлежность всякого уральского завода тех лет — все еще стояла, играя лишь роль моста, связующего основную и заречную часть села Висимо-Уткинского.

Дело было к маю, на сельсовете, школе и колхозном правлении вывесили красные флаги и убран-

ные пихтарником кумачовые лозунги. На заборах и столбах появились афиши о праздничном вечере в сельском клубе.

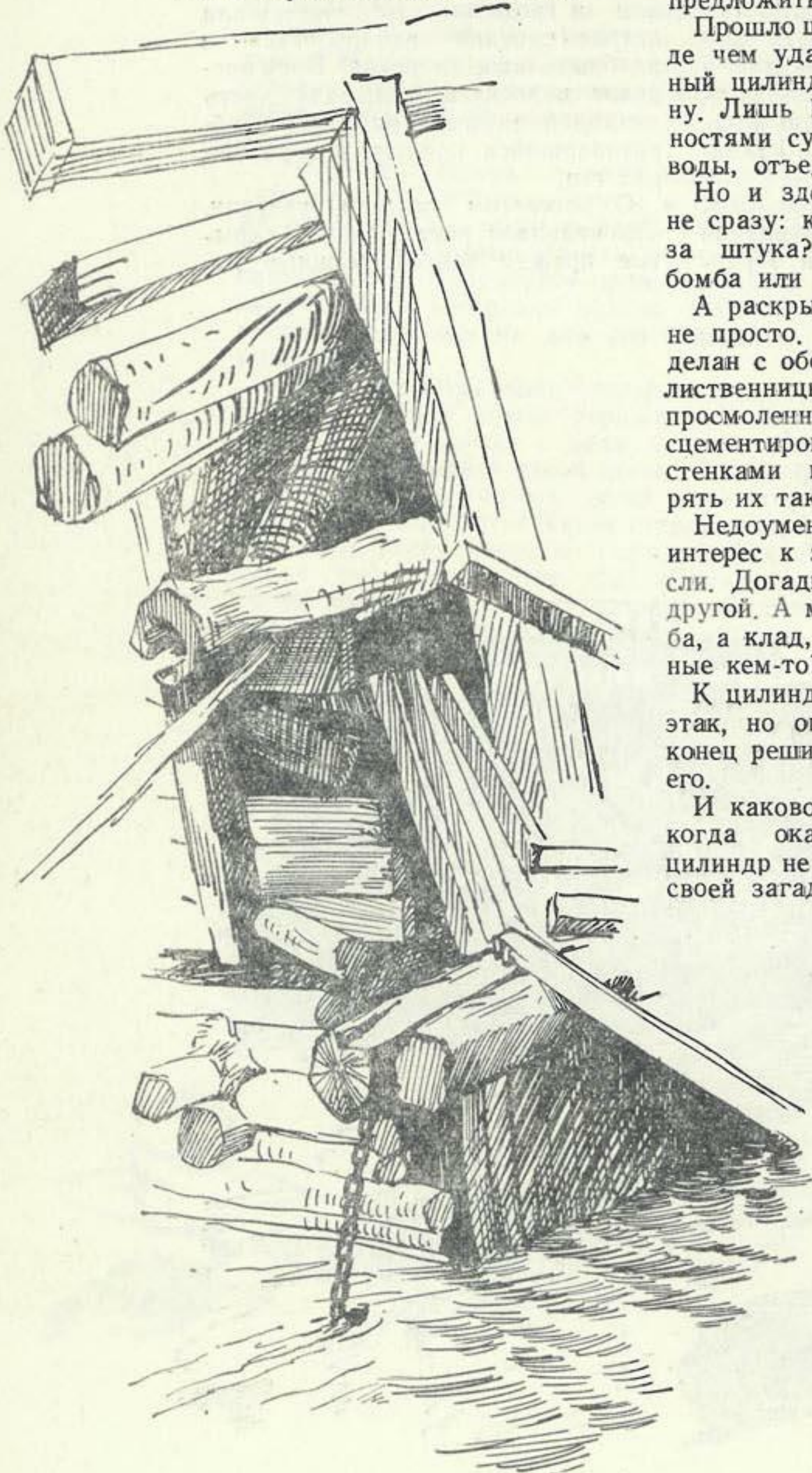
Но вот в ночь на тридцатое апреля жители прибрежных домов были разбужены необычным ревом и грохотом: не выдержала старая плотина единоборства с разбушевавшейся рекой. Вода провала водоспуск, слизнула часть земляной дамбы и ринулась в образовавшийся пролом все расширяя его.

С рассветом жители увидели, что наделала река за ночь. скрытые прежде дамбой мощные ря-

жи береговых устоев, срубленные из бревен чуть не в метр толщиной, стояли покореженные, искорверженные, будто неудачно сложенная поленица; опора плотины — огромный, схваченный коваными хомутами и болтами «мертвый брус» из столетнего «бревнышка» — был вырван и виднелся теперь где-то далеко внизу.

Прошли дни Первомай, жизнь села уже входила в нормальную рабочую колею, но река, вырвавшаяся из столетних оков, продолжала разрушительную работу, все увеличивая пролом. Любопытных на берегу стало меньше, лишь неутомимая ребятня перенесла штаб своих игр поближе к плотине.

Но третьего мая новое событие опять взбудоражило село. Техрук артели «Электросвет» С. И. Рябков заметил в образованном прорывом глубоком коридоре тяжелую изъеденную ржавчиной цепь. Она была прочно прихвачена к основной балке правобережного устоя. На конце этой цепи висел необычный чугунный цилиндр.

ЗАГАДОЧНЫЙ ЦИЛИНДР

Как ни гадали старожилы, что бы это такое могло быть, удовлетворительного объяснения никто предложить не смог.

Прошло целых две недели, прежде чем удалось добыть загадочный цилиндр и разгадать его тайну. Лишь 17 мая с большими трудностями сумели извлечь его из воды, отъединить от плотины.

Но и здесь к нему приступили не сразу: кто его знает, что это за штука? Вдруг какая-нибудь бомба или снаряд.

А раскрыть цилиндр оказалось не просто. Он был тщательно заделан с обеих сторон пробками из листовницы. Густо залитые варом, просмоленные пробки так прочно сцементировались с чугунными стенками цилиндра, что выковырять их так и не удалось.

Недоумение, а, следовательно, и интерес к загадочной находке росли. Догадки строились одна за другой. А может быть, это не бомба, а клад, сокровища, замурованные кем-то?

К цилиндру подступали и так и этак, но он не раскрывался. Наконец решили рискнуть — разбить его.

И каково же было недоумение, когда оказалось, что разбитый цилиндр не только не открыл сразу своей загадки, но еще более увеличил ее. Когда под ударами кузнечной кувалды пробка, наконец, раскололась и конец трубы был разбит, внутри его обнаружился... другой цилиндр, только уже не чугунный, а свинцовый.

Свинцовый баллон вскрыть, конечно, было уже легче. Еще несколько ударов и... опять неожиданность. Внутри свинцового цилиндра был еще один, на этот раз медный. Как в детской игруш-

ке «матрешка в матрешке», сидели они один в другом. Но ведь и матрешка бывает последняя или какой-то сюрприз в ней. Что же все-таки внутри?

Медный цилиндр распечатывали уже с осторожностью, хотя и здесь не обошлось без кувалды.

Удар, еще удар... И вот перед возбужденными, взволнованными загадкой людьми таинственный цилиндр показал свою «последнюю матрешку».

Это были...

Нет, это были не драгоценные камни или золотые монеты — неперемненные атрибуты старых кладов. И не адская машина с зарядом взрывчатки.

Это были какие-то бумаги...

МНОГО ЛЕТ НАЗАД

Представим, как все это было три четверти века тому назад.

Шел 1872 год. Плотина Висимо-Шайтанского завода, построенная еще в 1770-х годах, явно нуждалась в ремонте. Остановили завод, собрали плотников и землекопов, из Тагила прибыл плотинный мастер, и работа закипела под окрики десятников и начальства. Исправили оба прореза плотины. Она была готова снова вступить в строй и послушно крутить колеса старого железоделательного заводика.

В последние дни перед окончанием работ в глубине котлована появилась группа заводского начальства и рабочие, тащившие какой-то чугунный цилиндр, прикованный к толстой тяжелой цепи.

— Что это несут-то? — спрашивали любопытные.

— Говорят, планы какие-то... То ли где клад искать, то ли еще что, — утверждали «знатоки».

— Да нет, слышал я, письмо-де правнукам нашим, о жизни нашей, о работе...

— Да... — вздыхали слушатели, — о жизни нашей чего хорошего скажешь... Одно слово — робим. А уж жить — это хозяину Павлу Павлычу. Он где-то там по заграницам проживает во дворцах своих, а мы робим.

Наконец цилиндр был прочно прикован к стойке плотины, начальство и рабочие разошлись. А через несколько дней стихли на плотине стук топоров и цоканье лопат. Работы закончились. Плотина вновь укрылась земляной дамбой, водоспуск закрыли, и пруд стал медленно наполняться водой.

Загадочный цилиндр скрылся где-то в глубине плотины, захороненный там, казалось, навеки, для каких-то неведомых целей.

ПОСЛАНИЕ ПОТОМКАМ

Кто его знает, может, все это происходило и не совсем так, но вот он! — цилиндр, вновь извлечен на поверхность и находится в руках тех, чьи прадеды замуrowывали его в недрах старой плотины.

Но какая разница в их жизни! Это уже не забытые нуждой и работой, неграмотные и бесправные работные люди демидовского завода, а колхозники советского села, рабочие местной промартели, люди, строящие новую счастливую жизнь, хозяева своей страны.

Цилиндр отвезли в Нижний Тагил и сдали в городской краеведческий музей.

— Там разберутся и расскажут!

В музее разобрались и рассказали. Местный краевед, знаток прошлого тагильских заводов, С. Н. Панкратов тщательно изучил и подробно описал «Висимскую находку».

Вот что узнали висимоуткинцы, правнуки старых демидовских рабочих, из документов, планов и чертежей, замуrowанных в чугунный цилиндр.

Один из документов — обращение к потомкам — гласил:

«...В последнее пятилетие в округе Нижне-Тагильских заводов были предприняты поправки и перестройки плотин... в настоящем, 1872, году исправлены оба прореза Висимо-Уткинской плотины. При этих перестройках... были положены свертки... в которые вложены сведения, относящиеся как до постройки этих плотин, так и вообще до действия заводов.

Сведения эти при будущих перестройках плотин должны показать картину настоящего положения заводов, показать, насколько и в чем именно будущее поколение ушло от нас вперед.

К сожалению, картина эта далеко неполная. Краткость времени, при безотлагательной спешности работ не позволяет составить приложенные при этом сведения в желаемой полноте.

Просим вскрывших этот сверток положить его обратно в малодоступное место. Чем больше времени пройдет до следующего его вскрытия, тем более интереса представят данные, из которых можно вывести заключение о со-

стоянии горного дела в наше время, может быть, очень и очень отдаленное для вскрывших сверток...»

Документов было много: тут и «Записка о состоянии Висимо-Уткинского завода», и «Статистическая ведомость», и «Штат служащих», и «Экстренные сведения за неделю», и «Роспись о магазинных ценах», и карты лесных заводских дач, и план плотины, и чертежи заводских устройств и машин, и всякие «ведомости» — о сушке и поставке дров, о поставке угля, — и образцы тонколистового проката, и таблицы расчетов с рабочими, и образцы телеграмм, и даже несколько фотопортретов заводского начальства. И много еще другого.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ ДОКУМЕНТЫ

Когда краеведы прочитали все документы, вникли в них, то выяснили немало интересного, а порой и неожиданного.

Оказалось, например, что, несмотря на общую техническую отсталость демидовских заводов, где хозяева заботились только о выгоде для своего кармана, работавшие на заводах русские инженеры настойчиво боролись за технический прогресс отечественной техники. Так, на заводе было проведено смелое и оригинальное для того времени решение: использование «теряющегося жара» металлургических печей для парокотельной установки. Заметными новшествами были также замена штучного проката пакетным и подключение всех водяных турбин на один общий привод. На заводе работали дровопильные машины и дровосушные печи. Все это говорило о смелых технических исканиях даровитых русских инженеров и мастеров-умельцев.

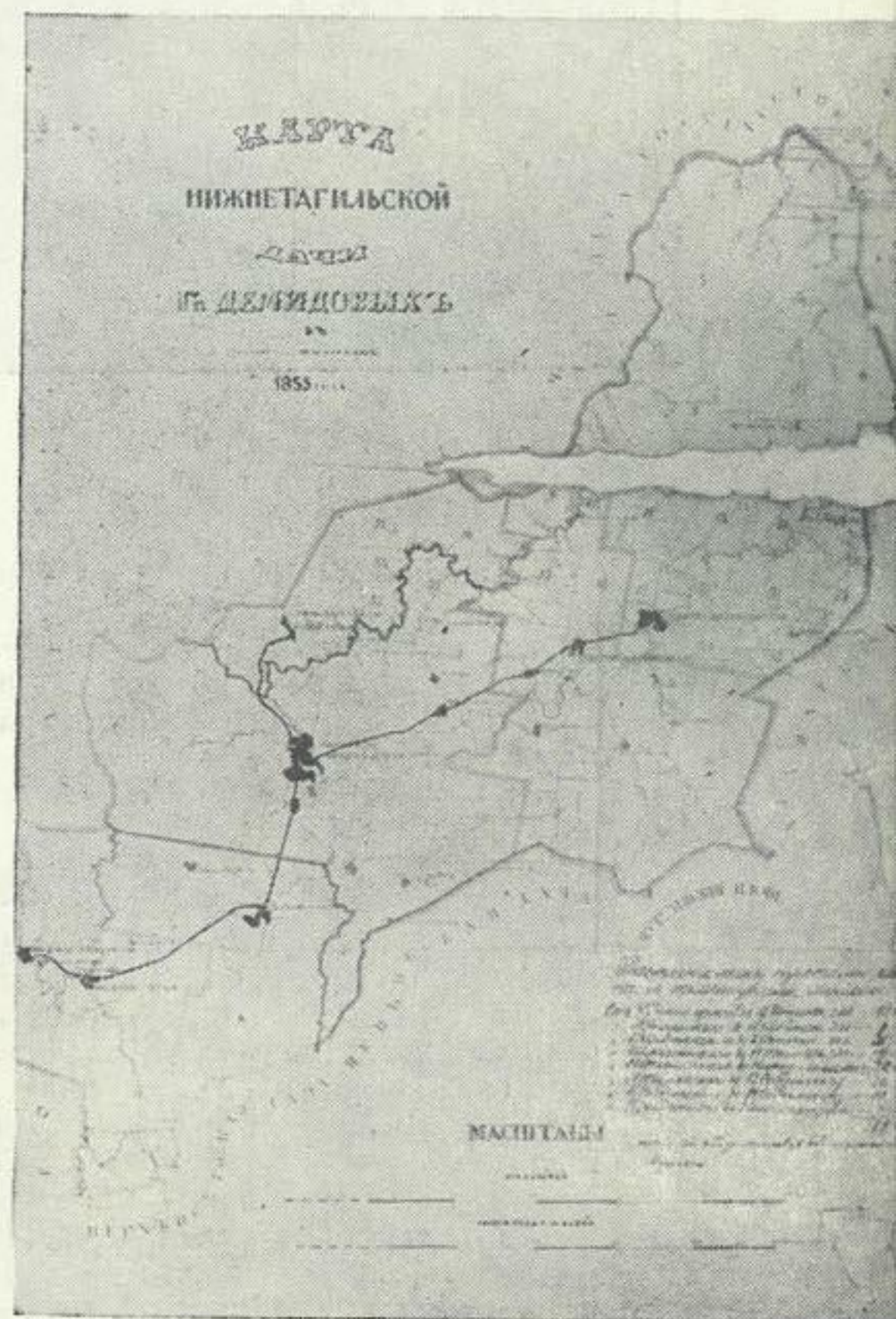
И уж как-то совсем неожиданным было узнать, что еще три четверти века назад все заводы Тагильского горного округа были связаны между собой широко разветвленной телеграфной связью. Да-да, в 1871 году в таком «медвежьем углу», каким считали Урал, действовали 130 верст собственных телеграфных линий. К документам была приложена карта с показанием этих линий, а также бланки настоящих телеграмм, почти такие же, какими мы пользуемся сейчас.

Очень интересной оказалась литографированная тетрадь «Мате-

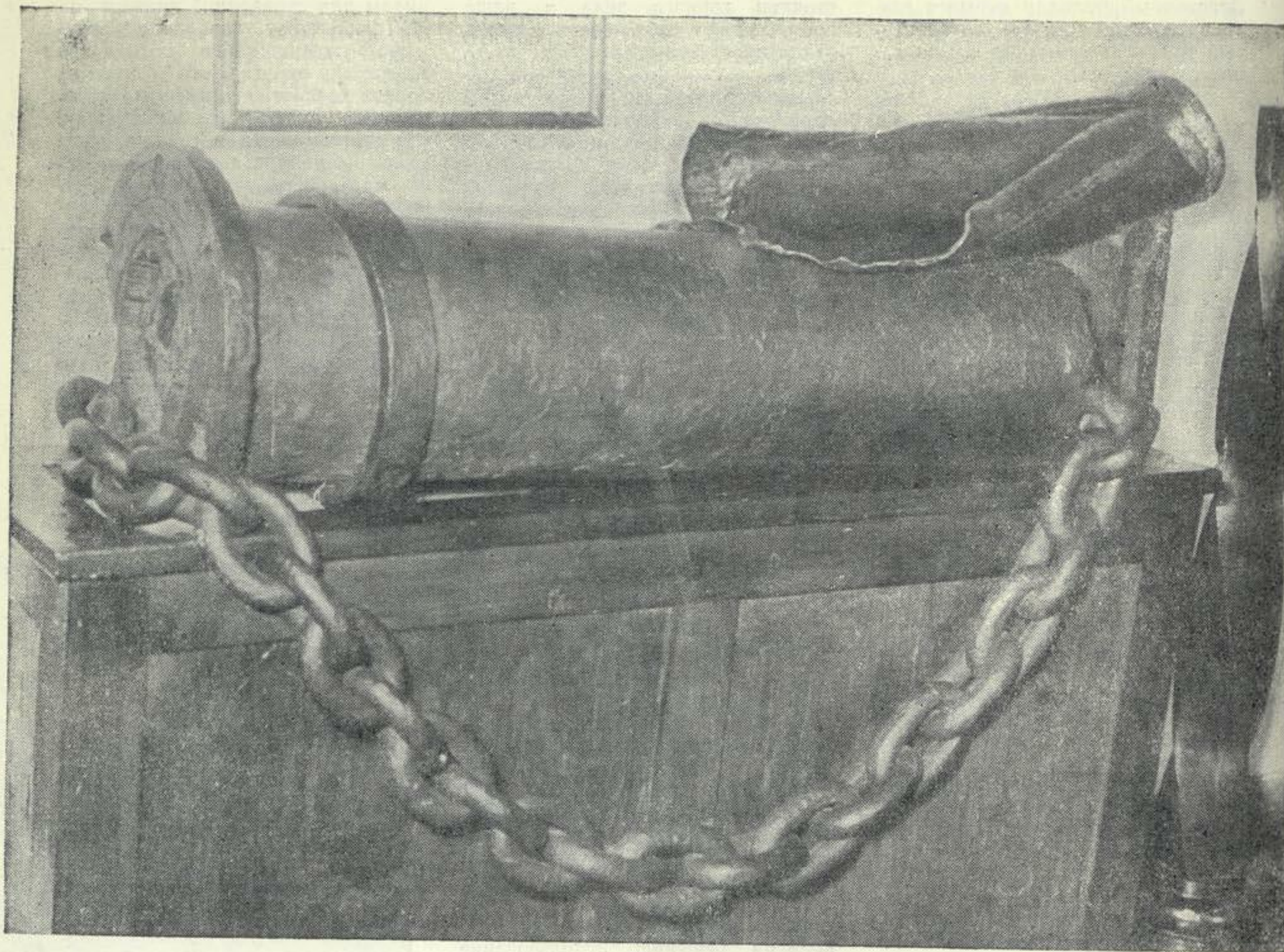
риалы для справочной книжки по Н.-Тагильскому заводскому округу». В ней подробно описывались география округа, его геология, лесное хозяйство. Нынешние краеведы с удивлением обнаружили, что старая карта и геологическое описание района в какой-то степени могут быть полезными и сейчас, так как существенно пополняют новые данные: здесь упомянуты забытые теперь месторождения полезных ископаемых.

Но из документов можно было также узнать и о другом: какие «прелести» нес капитализм уральским рабочим, как нелегко было жить тогда рабочему люду. И никакие технические новшества, вводимые талантливыми русскими инженерами и мастерами, не спасали рабочих от главного — от жестоких условий эксплуатации хозяевами-заводчиками.

Приложенные к документам истинные кабальные договоры хозяев с возчиками дров и углежогами показывают полную зависимость рабочего от прихоти смотрителя, лесной стражи и других хозяйских слуг.

Карта, найденная в цилиндре.

Из описания завода видно также, что хотя на нем имелось немало смелых технических нововведений, но зато не было устройств, облегчающих труд рабочих, охраняющих его.

А посмотрите по «Имянной штатной ведомости», кто сколько получал жалованья. «Господин управляющий заводом» получал в месяц 727 руб. 17 коп. (не считая бесплатной огромной квартиры, целого штата домашней прислуги и прочих благ), а молотобоец получал не выше рубля за смену. Женщины и подростки получали и того менее — при изнурительной работе «от зари до зари» они имели за смену 52½ копейки. Если вспомнить при этом, что рабочие семьи были всегда многочисленными, а работников в них бывало не так много, то после некоторых расчетов окажется, что на каж-

дую душу рабочей семьи приходилось в месяц никак не более 5 рублей. Это в 145 раз меньше, чем получал управляющий! А если взглянуть в «Роспись магазинных цен», то легко увидеть, что на 5 рублей можно было купить всего лишь 2 пуда муки.

ЭСТАФЕТА ИСТОРИИ

Теперь все документы и «упаковка» их хранятся в Нижне-Тагильском краеведческом музее. Экскурсанты подолгу с интересом рассматривают эту эстафету истории.

Но, оказывается, это послание

потомкам не единственное. Из тех же Висимо-Уткинских документов можно узнать о том, что подобные снаряды были в разное время замурованы в нескольких плотинах: в 1868 году в Нижне-Салдинской плотине (у правой коренной стойки), в 1870 году — в плотине Лайского завода (около мертвого бруса), в 1871 году — в плотине на реке Ис (под мертвый брус). Плотины эти уже старенькие и дряхлые. Скоро придет и их черед отдать замурованные в них «послания потомкам» по назначению.

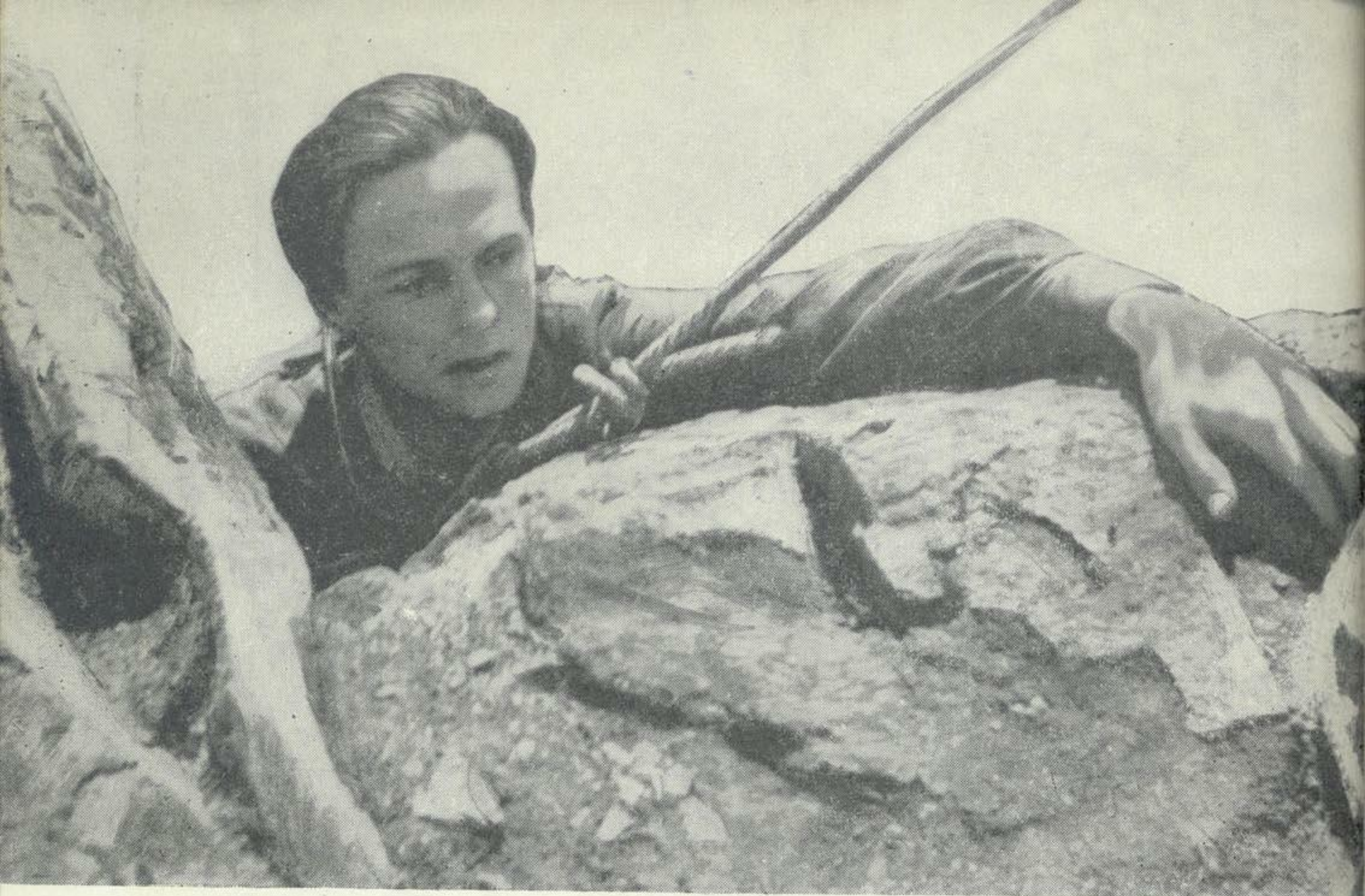
Что-то расскажут они?

Но, чтобы они не затерялись и не пропали для истории, следопытам этих городов и поселков следует помнить о них и не прозевать, когда будут ремонтироваться или перестраиваться плотины.

Утро в лесу.

Фото В. Самоквасова.

СКАЛОЛАЗЫ

Текст и фото В. ДИАНОВА

...Автобус остановился на конечной станции. Из машины с шумом и смехом высыпала большая группа юношей и девушек. Они помогали друг другу поудобнее надеть рюкзак, советовали, как лучше и легче нести снаряжение.

Из Полевского альпинисты вышли прямым путем: по крутой лесной тропе к излюбленному месту туристов, одной из красивейших гор Урала — Азов-горе.

На отвесных скалах Азов-горы

тренировались и проводили соревнования многие альпинисты спортивных обществ Свердловской области. Отрабатывали здесь технику лазания по скалам, набирались сил для серьезных и трудных восхождений в ущелье Адыл-Су, где далеко уходят в небо вершины гигантских гор Эльбруса, Ушбы, Шхельды. Там альпинисты Уральского политехнического института имени С. М. Кирова проведут свою первую альпиниаду, а 20 сильней-

ших спортсменов ДСО «Труд» будут штурмовать Эльбрус.

...Рано восходит летнее солнышко. Но только-только оно показалось на горизонте, как ожили альпинистские городки, густо раскинувшиеся вокруг Азов-горы. Из палаток один за другим выбегают спортсмены. Они делают физзарядку, обтираются холодной водой, пьют чай. Собрав необходимое снаряжение, начинают подниматься на скалы. В этот день проходят последние на Урале соревнования по скалолазанию. От их исхода зависит многое.

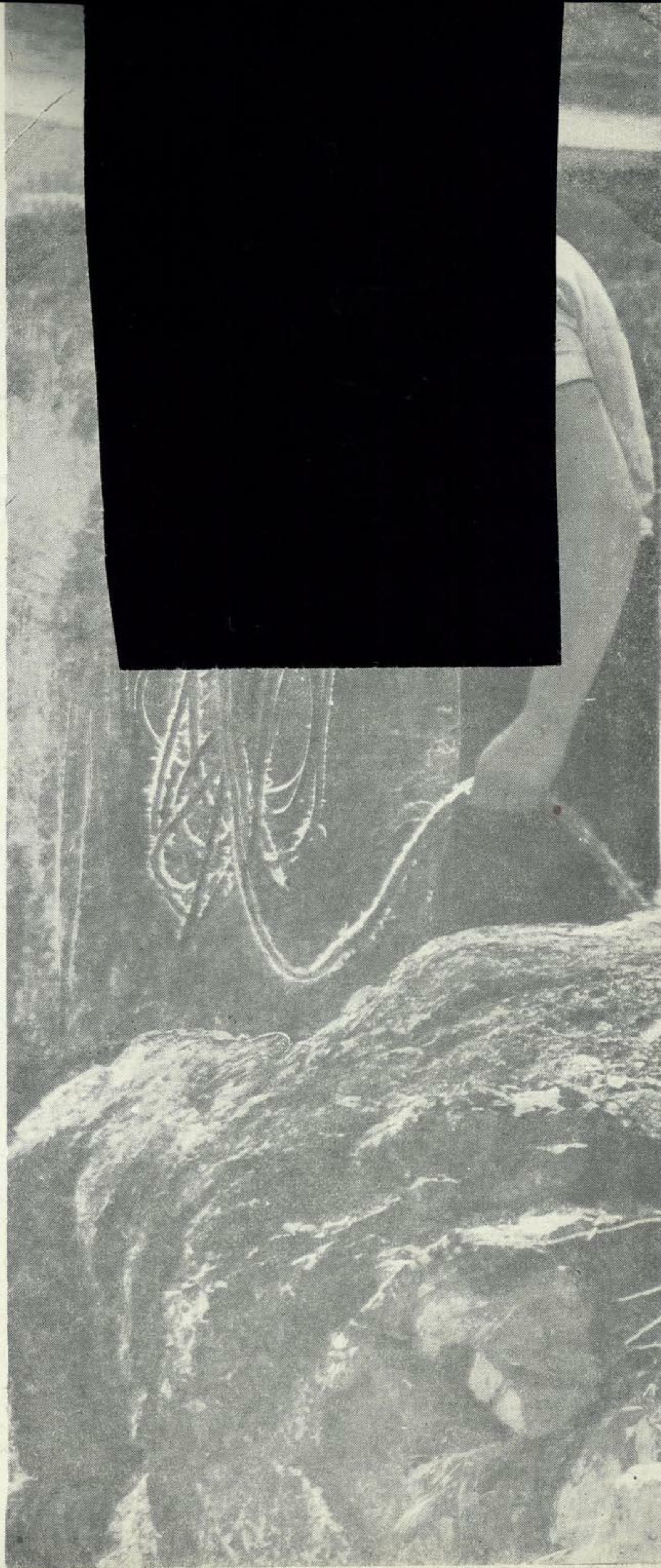
Судейская коллегия выбирает сложные маршруты, как для девушек, так и для юношей. Маршруты трудны и опасны. Успешно пройти их может лишь хорошо подготовленный альпинист. По команде мастера спорта Бориса Симагина то один, то другой из скалолазов устремляется вверх по отвесной каменной стене. К старту подходит Георгий Монаков. Он быстро и уверенно по еле заметным расщелинам и уступам взбирается на вершину скалы и стремительно спускается по веревке вниз.

— Хорошая техника и время хорошее у Монакова, — отмечает главный судья Б. Симагин, — но радоваться еще рано...

На скалу взбирается Валерий Капитохин. Движения его уверенны, рассчитанны, сила и ловкость помогают ему пройти трудный маршрут быстро и красиво. У Валерия Капитохина лучшее время и высший балл за технику.

У девушек борьба разгорелась между студенткой Уральского политехнического института Э. Фоминой и сортировщицей лудильно-цинковального цеха Северского металлургического завода Н. Ивановой. Обе они прекрасно владеют техникой скалолазания, хорошо натренированы. Лучших результатов добилась Н. Иванова, которая по праву считается одной из сильнейших альпинисток области.

После напряженного дня в лесу, где воздух чист и прозрачен, И. Иванова приготовила замечательный обед. Альпинисты довольны. Они подкрепляют свои силы для будущих походов и штурмов горных высот.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

На операционном столе лежит больной.

— Быстрее! — говорит хирург, передавая лаборанту кусочек живой ткани, вырезанной из опухоли больного.

— Быстрее! Быстрее! — торопит себя лаборант, включая прибор, который мгновенно замораживает кусочек ткани и разрезает его на тонкие прозрачные пластинки.

Не проходит и десяти минут, как окрашенные, промытые, положенные под микроскоп срезы рассказывают хирургу все то, чего он еще не знал о характере опухоли.

Можно продолжать операцию. Анализ ткани разрешил последние сомнения. Больной будет жить.

Великолепный метод быстрого анализа живых тканей широко применяется хирургами всего мира и известен с прошлого века. Но спросите у большинства врачей, кто автор этого метода, и вряд ли вы получите точный ответ. В лучшем случае вам назовут фирмы, выпускающие замораживающий прибор — микротом.

Скромное имя изобретателя незаслуженно забыто учеными. А между тем, есть в нашей стране город, где помнят и чтут имя Петра Васильевича Рудановского, того, кто первый предложил описанный выше метод.

Город этот — Нижний Тагил. Здесь остались старые фотографии, письма и документы, по которым можно восстановить историю жизни этого замечательного человека.

А жизнь его была нелегкой.

В 1859 году молодой врач Рудановский приехал в Нижний Тагил. Демидовская больница оказалась пустой, бедно оборудованной, и молодому врачу стоило больших усилий, чтобы добиться от заводчиков внимания к ней.

Рабочие жили в ужасных условиях, часто болели, смертность была огромная, а обращаться к врачу рабочие боялись: еще властвовали всяческие предрассудки. Рабочие не верили врачам.

Надо было очень любить людей и свою профессию, чтобы постепенно преодолеть все препятствия, возникавшие на первых порах жизни молодого Рудановского в Тагиле.

Но прошло какое-то время, и он с гордостью говорил:

— Теперь больные не довольны, если отказываешь поместить их в больницу. Вот как!

Доверие и любовь, которые постепенно завоевывал себе Петр Васильевич в народе, лучше всего подтверждаются таким фактом. Через несколько лет после его поступления на завод рабочие обратились к управителю с просьбой прибавить доктору Рудановскому жалование. Они хорошо знали своих хозяев и допускали, что их просьба будет отклонена. Поэтому они готовы были пожертвовать для любимого врача частью своего скудного заработка.

— Этого я никогда не забуду, — рассказывал Рудановский. Высшей благодарности и признания для меня не существует...

Признание его заслуг народом он принимал, как самую дорогую награду.

Далеко по всему Уралу и Сибири шла слава о докторе, который безотказно и бесплатно лечил каждого, кто к нему обращался.

Но Петр Васильевич был не только врачом-практиком. Он много занимался наукой и печатал свои статьи в столичных медицинских журналах и газетах. Врач из глухой уральской провинции вел переписку с крупнейшими учеными России и Европы.

Круг медицинских вопросов, волновавших его, был очень многообразен. Ему принадлежат труды: «О совпадении изменений воздуха с появлением болезней», «О новом способе образования зрачка», «О неблагоприятном влиянии хлороформа при глазных операциях», «О кишечных болезнях у детей», «О микроскопических исследованиях язв после ожога».

Но особо интересна статья Рудановского о

повреждениях, полученных рабочими на производстве. В жестокие демидовские времена врач-патриот не побоялся в полный голос заговорить об участии угнетенных. Смелое начинание нашло продолжателей. В 1882 году вышла книга Р. Н. Рума «О гигиене рудокопов». Рум считал себя учеником Рудановского и на титульном листе книги напечатал: «Посвящается доктору Нижне-Тагильских заводов Петру Васильевичу Рудановскому».

Среди научных работ Петра Васильевича особую известность приобрел его трехтомный труд, посвященный микроскопическому исследованию нервной системы у животных и человека. Эта книга была переведена на французский язык и издана (как в те времена нередко водилось) сначала во Франции, а затем в России. В книгах было много микрофотографических изображений разрезов головного мозга и нервов.

Микрофотография в наши дни — дело простое и сравнительно доступное. Но в шестидесятые годы прошлого века этот вид фотографирования находился только в зародыше. Петру Васильевичу пришлось много поработать, прежде чем получить чувствительные пластинки, а на них ясные изображения.

Этот огромный труд — трехтомное медицинское произведение — принес скромному тагильскому врачу мировую известность. Российская Академия наук присудила ему премию Ралицкого, умершего в 1857 году и завещавшего три тысячи рублей на премию за работу по микроанатомии нервов. Казанский университет присвоил ему ученую степень доктора медицинских наук без защиты диссертации. Парижская академия наук избрала его своим членом.

Вот в этом-то произведении Рудановский и изложил изобретенный им метод быстрого замораживания тканей, которым ученые пользуются и сейчас.

Петр Васильевич умер в Петербурге в январе 1888 года. Перед смертью он высказал пожелание быть похороненным в Нижнем Тагиле.

Восьмого марта того же года толпы рабочих провожали своего любимого доктора. «Рабочий люд Тагила плакал от малого до старого», — писали в газетах. Только хозяев-заводчиков не тронула эта преждевременная потеря. Жене Рудановского было отказано даже в пенсии.

Так закончилась славная и трудная жизнь замечательного врача-гуманиста.

Белла ДИЖУР

Из блокнота следопыта

Врачи института рака при университете в Техасе (США) уже не сомневались: пациент болен раком горла. Существовали только две возможности спасения больного — немедленное хирургическое вмешательство или... пистолет!

Однако речь шла не о самоубийстве больного: в институте применяют пистолет, который не убивает, а лечит!

Обойма такого пистолета заряжена 15 золотыми пулями. Длина каждой пули — 1,5 см, диаметр — полмиллиметра. Они подвергаются радиоактивной обработке.

А вот как выглядит операция: врач погружает дуло пистолета в зараженное место, нажимает спуск, и все 15 пуль застревают в раковой опухоли, причем в разных местах, так как врач молниеносно меняет направление выстрелов. Введенные в опухоль пули тотчас начинают свою работу. Они выделяют радиоактивные излучения, способствующие распаду перерожденной ткани. Действие этих пуль — в течение месяца.

В Северной Англии для отопления большой одноэтажной дачи используется тепло... почвы.

В саду около дачи на глубине около метра уложены змеевики из тонких труб. В них компрессором нагнетается жидкий серный ангидрид. Поглощая из почвы тепло, ангидрид испаряется. При быстром сжатии он вновь превращается в жидкость, отдавая запасенное тепло воде, направляемой в радиаторы.

Английские специалисты утверждают, что каждый киловатт электроэнергии, израсходованный для питания электромоторов установки, позволяет получить тепло, равноценное 2,5—3 киловаттам.

Стоимость отопления дачи обходится в день 1 шиллинг 6 пенсов. Однако устройство новой системы отопления пока еще дороже обычного центрального отопления.

*Из готовящейся к печати книги
юморесок «Сто одна улыбка»*

Однажды довелось мне присутствовать на защите диссертации. Жаждал получить степень кандидата географических наук некий шустрый аспирант (сразу оговоримся — он ее получил), который исследовал на пяти сотнях страниц машинописного текста историю одного источника. Назывался источник Вода Королевы.

Будущий кандидат бойко доказывал, ссылаясь на тысячу один факт, что источник именуется так из-за какой-то княжны, которая была в войсках Чингис-хана. И то, что именно из-за нее источник получил свое наименование (в древности он именовался Княжеским) свидетельствует о многом. Во-первых, ранее считалось недоказанным, что в этом районе проходили войска Чингис-хана, точнее — воины одного из племен. Во-вторых... в-третьих... в-четвертых... короче говоря, диссертант, вдохновленный предстоящими благами, накрутил такого, что казалось, будто нет на свете ничего важнее этого источника с королевским названием.

Я ушел с собрания, где почти сто человек глубокомысленно вслушивались в бойкое воркование аспиранта.

Года через два со времени поездки по берегам Каспийского моря я случайно наткнулся на какой-то бойкий родничок. Он находился в степи, возле него разбил палатку поисковая партия.

— Через несколько лет тут будет курорт всесоюзного значения, не меньше, — сказал молодой геолог. — А пока — обычная Вода Королевы...

Тут я вспомнил, что, действительно, упоминаемый в диссертации источник находится где-то в этом районе. Я рассказал о шустром аспиранте, и геологи хохотали так дружно, что бока палатки вздымались от смеха.

— В чем дело? — недоумевал я. — Тут, по-моему, скорее грустить надо: ведь звание кандидата он получил все-таки...

Оказалось, что другого источника с таким королевским названием в радиусе тысячи километров здесь нет. Следовательно, диссертация была посвящена именно этому родничку.

— А, как источник был открыт, мы прелестно знаем, — захлебывался от смеха щуплый мужчина в старомодном пенсне. — Я тут брожу по степи вот уже сороковой год, с каждым сусликом на «ты». При мне эту водичку и нашли... В тридцатых годах двадцатого века.

История открытия оказалась очень забавной.

Как-то раз, лет двадцать назад, везла баржа по морю смешанный груз: минеральную воду и два десятка лошадей. Каспийское море в своей северной части очень мелкое, фарватер там меняется чуть ли не

ежедневно, и морякам тамошним приходится всегда быть готовым к любым сюрпризам. Так случилось и на этот раз: баржа села на нивесть откуда появившуюся мель. Села крепко. Буксир пошел за помощью и тоже сел на песок. А тут еще, как на грех, цистерна с питьевой водой дала течь. Спыхватились, но поздно: воды уже не осталось. Ну, моряки могут и минеральную воду пить: полбаржи забито бутылками. А лошади? Ржут на все море, да и только. Пришлось их тоже поить боржомом. Сначала протестовали, а потом лакали вовсю.

Сидели на мели пять дней. Брились боржомом, стирали в нем, даже картошку варили. За это время лошади так привыкли к минеральной воде, что когда баржу притащили к берегу, то они на обычную воду даже не захотели смотреть.

— Ничего,— решили коногоны,— захотят пить — сами попросят.

Ночью одна из лошадей по кличке Королева освободилась от привязи и ускакала в степь. Ее нашли возле весело журчащего ручейка, километрах в десяти от стоянки.

Ручеек оказался... минеральным! Недалеко из-под земли бил источник минеральной воды! Его так и окрестили Водой Королевы.

Б. ПРИВАЛОВ

ХИТРОСТЬ РЫБАКА

Последний отпуск я провел в деревне, на берегу прозрачной горной речки. В реке, я знал, водилась прекрасная форель-пеструшка...

На другой день после приезда я уже рыбачил. Но безуспешно. Форель не ловилась. Сквозь прозрачную воду я видел, как на дне речки стремглав проносились крупные и средние форели. Они даже не обращали внимания на мои «хитрые» насадки.

В первый раз я не поймал ничего. Позднее, в следующие дни, то же самое... И так продолжалось до тех пор, пока случайно не разговорился с местными ребятами.

— У нас только и может ловить один дед Захар Сергеевич,— сказали мне.— Он знает секрет, потому и ловит. Пройдите на колхозную конюшню. Он там работает.

Конечно, я не откладывал нового знакомства, увиделся с Захаром Сергеевичем в тот же день.

Это был добродушный, приветливый старик. Он внимательно выслушал меня, необидно посмеялся над моими неудачами. В конце концов мы договорились порыбачить вместе.

На утренней заре встретились в назначенном месте, и секрет был открыт. Оказывается, форель плохо берет потому, что в прозрачной воде видит рыболова. Воду нужно замутить. А как, старик охотно продемонстрировал.

Он выкопал в песке у самой воды небольшую ямку и канавкой соединил ее с речкой. Когда ямка через канавку наполнилась водой, он высыпал в нее лакричный порошок, тот самый, который применяется в огнетушителях, а затем стал энергично сбивать при помощи маленького из прутиков веника. В ямке быстро образовалась пена. Старик то и дело сгонял ее в речку.

Через полчаса омуточки и заводи замутились. Я сделал первый заброс. Не успел поплавок и двух метров проплыть, как энергично юркнул под воду.

Помогла хитрость старого рыбака. Домой на этот раз я пришел с богатым уловом.

Б. Савицкий

МАРАЛЫ

В сысертских лесах

В горных лесах Саян и Алтая, Тувы и Забайкалья, на Тянь-Шане живет благородный олень-марал. Издавна люди заметили, что молодые, отрастающие каждую весну маральи рога-панты — чудесное лекарство. Людям оно возвращает утраченные силы. В погоне за драгоценными пантами охотники-хищники во многих местах, где зверь водился в изобилии, почти истребили его.

Советское государство, Народный Китай и Демократическая Корея, на территории которых водится ценный зверь, бережно охраняют маралов, тщательно следят за их отстрелом, строго наказывают нарушителей закона об охране животных. Сделаны попытки устроить и питомники маралов. Сначала их поместили в заповеднике «Аскания-Нова», расположенном на широте тех местностей, где животное рождается в естественном состоянии. Олень хорошо прижился там.

В последние годы марал поселился и у нас на Урале, в природных условиях, наиболее близких к его родным местам. В гористых окрестностях Сысерти, посреди густого соснового бора, с 1954 года живет семья маралов — самки Зорька и Муська и самец Шанго. За два года в семье прибавилось четыре мараленка, но два из них погибли: один пал, а другого зарезали волки.

Сысертские маралы почти не ощущают стеснений. В их распоряжении пять квадратных километров леса с водоемами, обнесенными легкой изгородью. Иногда олени выходят за пределы загородки. Но не было случая, чтобы они не возвращались. Да это и понятно: ведь зимой здесь их ждут стога вкусного и сытного борового сена, заботливо поставленные человеком в разных углах участка.

Людей маралы не боятся. Завидев человека, самки подходят к изгороди и ждут какого-нибудь вкусного угощения. Может подойти и Шанго, но уже с намерениями более агрессивными. (На снимке — на переднем плане).

Маленьких телят самки внимательно оберегают, тщательно прячут в кустарниках. И телята ни за что не встанут до тех пор, пока к ним не подойдет мать и не подаст голоса. Однажды смотритель зашел в маральник, чтобы показать телят школьникам. Нашел его с большим трудом и не мог заставить подняться. Взял его на руки и хотел поставить, но ноги у телят висели, как плети. И только, когда подошла мать и замычала, теленок вскочил на свои длинные ножки.

Когда маралы привыкнут и размножатся, загородку снимут, и новый обитатель вступит в наши уральские горные леса.

Д. КИРЕЕВ. Фото автора.

Путешествие ПО КНИГАМ

Недавно в магазинах появилась книга с любопытным названием «За бортом по своей воле». Действительно, герой и автор этой книги врач Ален Бомбар по доброй воле поставил себя в положение человека, потерпевшего кораблекрушение. В небольшой резиновой лодке, не имея с собой пресной воды и запаса пищи, он пересек Атлантический океан. Шестидесять пять дней А. Бомбар питался исключительно сырой рыбой, а пил сок, выдавленный из рыб, или дождевую и морскую воду.

На первый взгляд, подвиг Бомбара может показаться бессмысленным. Однако отважным врачом двигала глубоко человеколюбивая идея.

Из мировой статистики известно, что ежегодно в результате кораблекрушений гибнет около двухсот тысяч человек, хотя многим из потерпевших удается высидеться в спасательные лодки. Человек за бортом гибнет не от того, что в новой среде ему нечего пить и есть, — он гибнет от страха перед морем и неумения пользоваться его благами. К такой мысли пришел врач Бомбар, и свой отважный эксперимент он проделал для того, чтобы опрокинуть стихийный страх людей перед морем, доказать, что терпящие кораблекрушение в подобных условиях могут сохранить жизнь и достигнуть земли.

„ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА“

Ответ на задачу, помещенную в № 5

Первый русский мастер Александр Дмитриевич Петров (1794—1867) был не только выдающимся шахматистом-практиком, шахматным методистом и теоретиком, но и талантливым шахматным композитором и литератором.

Среди его многих задач мировую известность приобрели патристические задачи под названием «Бегство Наполеона из Москвы в Париж» и «Партизанская война». Последняя из них и была помещена в пятом номере нашего журнала.

Даем решение этой остроумной задачи, в которой символически показан один из эпизодов Отечественной войны 1812 года.

...Однажды конница Платова, ведя партизанскую войну против армии Наполеона, напала на один из ее отрядов и, окружив его в лесу, взяла в плен вместе с их командиром. Вот как изображено это в шахматной задаче:

1. Kh3—g5+Kph7—g8 2. Kg4—h6+Kpg8 f8.

Окруженный неприятель пытается прорваться, но конница продолжает его преследовать. 3. Kg5—h7+Kpf8—e7.

Враг нашел лазейку и хочет уйти от преследования, но партизаны зорко следят за врагом и выставили заслоны. 4. Kh6—g8+Kpe7—d7. 5. Kh7—f8+Kpd7—c8. 6. Kg8—e7+Kpc8—b8. 7. Kf8—d7+Kpb—a7.

Враг мечется, но ему не уйти от возмездия. 8. Ke7—c8+Kpa7—a6. 9. Kd7—b8+Kpa6—b5. 10. Kc8—a7—Kpb5+b4. 11. Kb8—a6+Kpb4—a3. 12. Ka7—b5×

Верблюды

Евгений ФЕЙЕРАБЕНД

Рис. Н. Мооса

В дорогу верблюд собирался с конем,
Но конь был неважного мнения о нем:
— Ну, как ты со мной побежишь в Ашхабад?
Ведь ты отчего-то бедняга, горбат!
И, груз бесполезный неся на спине,
В песках ты погибнешь, так кажется мне...
На это верблюд отвечает коню:
— Увидишь, в песках я тебя обгоню.
И жалко верблюда коню и смешно:
— Пойдем, только ты не дойдешь все равно!..
Шагает верблюд с горделивым конем,
И солнце печет их в пустыне огнем,
И вихрь-суховея заметает следы,
И нет им нигде ни воды, ни еды.
И начал надменный скакун уставать,
И стал от верблюда в пути отставать,
Все ребра видны у него на боках,
И вязнут копыта в сыпучих песках.
И с лету песчинки, как тысячи жал,
Впиваются в кожу...
И конь вдруг заржал:
— Постой, не спеши, быстроногий верблюд,
Совсем я погибну без спутника тут,
Я силы теряю, я слепну в пыли...
Когда же ручьи засверкали вдали
И в зелени рощ забелел Ашхабад,
Увидел скакун, что верблюд не горбат.
— Мой спутник, в чем дело? Открой мне секрет!
Ты крепок и строен, а я как скелет.
Ты бодро шагаешь, а я истомлен...
И вот что узнал неожиданно он.
Надежней мешков с бурдюками и торб
На спинах верблюжьих вместительный горб,
И в дальней дороге с собою всегда
В горбу у верблюда питье и еда...
Верблюд пообедал травой и зерном,
Напился — и снова он стал горбуном!
Но конь, знатоками за стройность ценим,
С тех пор никогда не смеялся над ним.

Редакционная коллегия: В. Очеретин (главный редактор), В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (зам. главного редактора), Ю. Койнов, Ю. Курочкин (редактор отдела науки, техники краеведения), Л. Неверов, Г. Перебагов, Кл. Рождественская, Л. Сорокин, В. Шустов (редактор отдела прозы и поэзии).

Адрес редакции: г. Свердловск, ул. Малышева, 24.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор Я. Черников. Технический редактор Т. Меньщикова.

Корректор О. Булгакова.

Подписано к печати 11/IX 1958 г.

Бумага $84 \times 108 \frac{1}{16} = 2,5$ бум. л. — 8,2 печ. л. Уч.-изд. л. 9,6.

НС24095. Тираж 50 000. Заказ 269. Цена 3 руб.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», г. Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны в Свердловской хромолитографии.